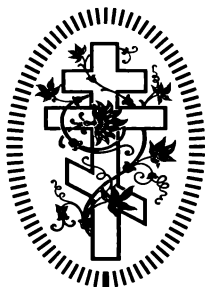


АДАМ БОГДАНОВИЧ



**ПЕРЕЖИТКИ ДРЕВНЕГО
МИРОСОЗЕРЦАНИЯ
У БЕЛОРУСОВ**

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ



РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Серия главных книг самых выдающихся русских этнографов и знатоков народного быта, языка и фольклора, заложивших основы отечественного народоведения. Книги отражают главные вехи в развитии русского образа жизни – понятий, обычаев, труда, быта, жилища, одежды – воплощенного в материальных памятниках, искусстве, праве, языке и фольклоре:

Ярослав Мудрый	Гильфердинг А. Ф.	Надеждин Н. И.
Нестор Летописец	Глинка Г.	Орлов А. С.
Владимир Мономах	Громыко М. М.	Пассек В. В.
Русская Правда	Даль В. И.	Потебня А. А.
Нил Сорский	Державин Н. С.	Пропп В. Я.
Иосиф Волоцкий	Драгоманов М. П.	Прыжов И. Г.
Иван Грозный	Ермолов А. С.	Риттих А. Ф.
Стоглав	Ефименко А. Я.	Ровинский Д. А.
Домострой	Ефименко П. С.	Рыбников П. Н.
Соборное Уложение	Забелин И. Е.	Садовников Д. Н.
Азадовский М. К.	Забылин М.	Сахаров И. П.
Аничков Е. В.	Зеленин Д. К.	Снегирев И. М.
Антоновский М. И.	Кайсаров А. С.	Срезневский И. И.
Анучин Д. Н.	Калачов Н. В.	Сумцов Н. Ф.
Афанасьев А. Н.	Калинский И. П.	Терещенко А. В.
Барсов Е. В.	Киреевский П. В.	Токарев С. А.
Батюшков П. Н.	Коринфский А. А.	Толстой Н. И.
Безсонов П. А.	Костомаров Н. И.	Фаминцын А. С.
Богданович А. Е.	Кулиш П. А.	Флоринский Т. Д.
Бодянский О. М.	Ламанский В. И.	Худяков И. А.
Болотов А. Т.	Максимов С. В.	Чулков М. Д.
Будилович А. С.	Максимович М. А.	Шангина И. И.
Бурцев А. Е.	Мельников П. И.	Шейн П. В.
Буслаев Ф. И.	Метлинский А. Л.	Шергин Б. В.
Веселовский А. Н.	Миллер В. Ф.	Якушкин Е. И.
Гальковский Н. М.	Миллер О. Ф.	Якушкин П. И.

АДАМ БОГДАНОВИЧ

**ПЕРЕЖИТКИ
ДРЕВНЕГО
МИРОСОЗЕРЦАНИЯ
У БЕЛОРУСОВ**

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

**МОСКВА
Институт русской цивилизации
2015**

УДК 39(0161.3)(035)

ББК 63.5(4)

Б 73

А.Е. Богданович

Б 73 Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Этнографический очерк / Богданович А. Е. / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. — 160 с.

А. Е. Богданович (1862 – 1940) – видный белорусский этнограф, чье имя по праву стоит в одном ряду с именами крупнейших этнографов XIX века. «Пережитки древнего мирозерцания...» – его основной труд, который посвящен сохранившимся множеству языческих черт народным обычаям, поверьям и представлениям белорусов. Он хорошо известен специалистам и почти незнаком большинству читателей, интересующихся древнейшими корнями и верованиями славян.

Печатается по изданию 1895 г.

*В оформлении использованы фотоснимки и репродукции
из архива НИО «Северный ветер»*

ISBN 978-5-4261-0115-9

© Институт русской цивилизации, 2015

От автора

Первоначально настоящий очерк был помещен в Научном Обозрении за 1894 год; здесь он является в значительно дополненном виде. Этнографические материалы, вошедшие в него, собраны, главным образом, в центральной Белоруссии – в уездах: Борисовском, Игуменском, Минском, Слуцком и Новогрудском Минской губернии, Сенновском Оршанском – Могилевской и Лепельском – Витебской. Приводимые здесь пережитки древнего мирозерцания и быта, в большинстве случаев, общи всей этой местности. Это особенно относится к пережиткам мирозерцания, к суеверным воззрениям на внешний мир и природу человека, к разным поверьям и предрассудкам: они почти всюду в этом районе сохраняются в одних и тех же формах. Пережитки древнего быта, застывшие в форме различных обрядов и обычаев, более изменчивы: некоторые из них свойственны только какой-нибудь одной местности; другие распространяются шире и иногда на значительную округу; третьи охватывают всю Белоруссию и даже выходят за пределы ее. Самые распространенные из них, оставаясь в своей сущности, в основе, одинаковыми или сходными, в частности, смотря по местности, более или менее видоизменяются. В нашем очерке мы касались обрядов постольку, поскольку в них заметно было отражение древнего мирозерцания, и если описывали обряд, обычай, воззрение, поверье, то старались, по мере возможности, описывать его типично, внося в описание все известные нам характерные особенности. Разумеется, что это возможно было сделать только в таком случае, когда в нашем распоряже-

нии было несколько записей одного и того же пережитка, когда мы его наблюдали в разных местностях. Те же обряды, обычаи, поверья и суеверия, которые нам встречались только в какой-нибудь одной местности, мы отмечаем указанием на эту местность. Это, конечно, не значит, что они свойственны только этой местности, может быть они «бытуют» и в других местах Белоруссии, но мы не имели случая или возможности наблюдать их. Большинство заговоров, приводимых здесь, записаны в одной знахарской семье, где они передавались из поколения в поколение, составляя, так сказать, фамильную собственность.

Все записи материалов, сделанные лично автором, наблюдения производились и накоплялись им исподволь, так как автор, будучи уроженцем Белоруссии, некогда сам переживал описанные им пережитки, а затем, живя по долгу в разных местностях Белоруссии и будучи по своим служебным занятиям близко поставлен к народу, имел возможность пополнять свои наблюдения.

Мы не пытались все объяснить в приводимых материалах; мы заботились более всего о полноте записей; но, предназначая первоначально нашу работу для общей печати, мы не считали возможным выпустить одни сырые материалы, без всякого объяснения их и освещения.

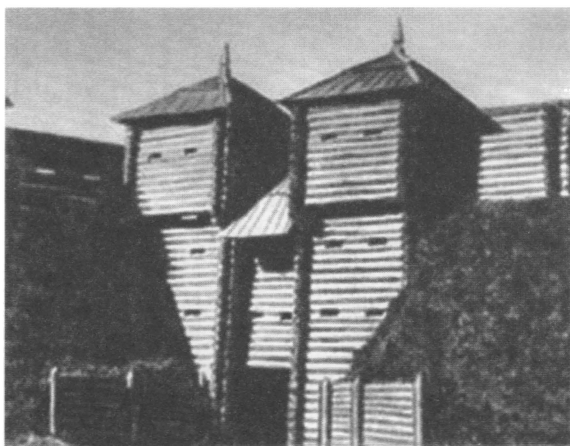
А. Б.



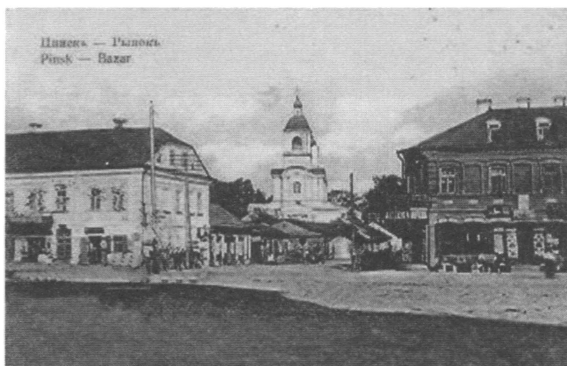
Карта России и Великого княжества Литовского (XVII в.)



Вид традиционной белорусской деревни (музей народной архитектуры и быта в Озерках в окрестностях Минска)



*В о р о т а
древнего
Минска (ре-
конструк-
ция Э. М. За-
горульского)*



*Вид город-
ского рын-
ка в Пинске
(старинная
открытка)*



*Вид цент-
ральной пло-
щади в Грод-
но в конце
XIX века
(старинная
открытка)*

*Старинные постройки
в историческом центре
Витебска*



Возвращение со свадьбы (старинная гравюра)

ВВЕДЕНИЕ

Белорусские крестьяне, истолковывая по-своему выражение «западный край», – выражение чуждое белорусской речи, – передают его словами «западльый край», т. е. заброшенный, захудалый. Хотя с филологической точки зрения можно многое возразить против такого вольного перевода, но действительность его оправдывает. И жизнь белоруса, и его творческая деятельность резко отмечены печатью неразвитости, отсталости, забитости. Именно «западльый край», «западльый» народ...

Взять хотя бы белорусские песни, это общепризнанное зеркало народной души. И они свидетельствуют о той же «западлости». Песен у белорусов довольно много, но содержание их очень бедно, очень однообразно. Особенным однообразием отличаются те из них, которые посвящены изображению горькой доли замужней женщины. А песен этого рода большинство: они заполняют, нимало не преувеличивая, две трети всего песенного материала. Это бесконечные вариации на тему о побоях мужа, свекра, о преследованиях свекрови, злобе золовок; к этому господствующему мотиву присоединяется тоска по роду-племени и изредка чувство ревности или мести к злой разлучнице. Но вы не встретите в них выражения более сложных или более тонких чувств. Нет в них и помина о том разнообразном проявлении нежной любви, которая так разлита в малорусских песнях. Напротив, в среде белорусов обращается множество песен и припевок самого бесстыдного содержания. Их распевает стар и млад, мужской и женский пол, – распевает, не стесняясь, как нечто совершенно обыкновенное. Впрочем, к чести бе-

лорусов нужно сказать, что эти остатки приапических культов свидетельствуют не о развращенности нравов, а скорее о крайней грубости их. В песнях же обрядовых и бытового содержания нет того могучего лиризма, свидетельствующего о силе и свежести чувства, который так выгодно отличает великорусскую песню; почти все они бледны, отрывочны, невыдержанны, отзываются какой-то пришибленностью творчества, духовной бедностью. Форма их не изящна, мало выразительна, топорной работы, как говорится, – и в этом отношении вполне соответствует содержанию. Мелодии их, по-видимому, еще беднее содержания: в Белоруссии часто целый отдел песен поется на один мотив. Мотивы же построены по так называемой *китайской гамме*, – без полутонов; и, кроме того, лишены *подголосков*, то есть при хоровом исполнении поются в унисон, не образуя гармонии. Веселые напевы сравнительно редки; большинство же до последней степени однообразно-заунывны, так что наводят щемящую тоску даже и на привычного слушателя. Былинная поэзия совершенно отсутствует. Белорус или вовсе не принимал участия в создании того цикла эпических образов, к которому принадлежат старшие и младшие богатыри киевского периода, или если и принимал, то совершенно забыл о существовании своих детищ. Также нет в Белоруссии ничего соответствующего украинским казацким думам.

Белорусские сказки опять таки, хотя и многочисленны, но, как и песни, бедны по содержанию: одна повторяет другую. Фабула их, в большинстве случаев, крайне незамысловата, изображаемые чувства чрезвычайно просты, воззрения на внешний мир очень наивны.

Обряды, сопровождающие жизнь белоруса от колыбели до могилы, – эти окаменелости прошлой действительности, – или крайне дики с точки зрения цивилизованного

человека, или грубо фетишистичны. И в том, и в другом случае они свидетельствуют о сравнительно невысоком уровне умственного развития.

Об этом также свидетельствует лучшее мерило духовного развития народа – его язык. Как известно, большее или меньшее развитие языка соответствует большему или меньшему интеллектуальному развитию, потому что, если возникают в сознании человека понятия, идеи, образы, – вслед за тем неизбежно является потребность выражения их в слове. Отсюда язык, подобно зеркалу, отражает те душевные движения, которые испытал народ на пути своего развития, высоту выработанной им культуры, высоту полета его мысли, степень ее отвлеченности и пр. Но белорусский язык, прежде всего, небогат словами. Некоторая часть их заимствована из польского языка, а в последнее время, между молодым поколением, довольно широко входят в обращение русские слова. Он также беден формами выражений и формами речи; так, например, в нем нет причастных форм, исключая деепричастия прошедшего времени. Он гораздо беднее словами для обозначения отвлеченных понятий, чем великорусский народный язык, и даже уступает в этом отношении малорусскому. Он также не обладает гибкостью, силой и выразительностью первого и мягкостью, благозвучностью последнего. Слов, соответствующих русским существительным с окончанием на *-ие*, *-ость* и *-есть*, в нем чрезвычайно мало; заимствованные же из русского языка обращаются только среди грамотников, побывавших в школе или в военной службе, а в среду старого поколения, а также в деревни, отдаленные от школы и, следовательно, лишённые ее просветительного влияния, проникают весьма мало или даже совсем не проникают. Среди белорусов почти не сохранилось исторических сказаний, так как этот народ несколько веков не жил исторической

жизнью. Отсюда понятно, что в нем заглохло и национальное самосознание. Только в последнее время оно начинает пробуждаться: под живительным влиянием школы и церкви в белорусах возрождается сознание о своей принадлежности к великому русскому племени. Но даже и теперь есть немало белорусов, которые под словом «русские» разумеют староверов, издавна живущих в Западном крае. А если вы к таким белорусам обратитесь с вопросом – кто они такие в смысле национальности, то очень многие вам только и могут сказать, что они «тутэйшыя», т. е. здешние, или что они мужики, словно бы это их национальное отличие или словно бы только одним белорусам и свойственно быть мужиками. И к вашему заявлению, что они русские или белорусы, они отнесутся довольно скептически: называй, дескать, как хочешь... Только в отношении трудолюбия белорус не уступит ни великорусу, ни малорусу, а по выносливости превосходит того и другого. Но этого, конечно, мало, – и справедливость требует поставить белоруса по типу душевного развития ниже его братьев из великой русской семьи.

Чем объяснить такую сравнительно значительную отсталость?

Различия между естественными условиями страны, в которых живут эти народы, хотя и наложили, конечно, некоторый особенный отпечаток на духовный мир своих обитателей, но эти различия не настолько велики, чтобы посредством их было возможно объяснить такую довольно значительную разницу. Объяснения нужно искать, по нашему мнению, в особенностях исторических условий существования белорусов. Прежде всего, Белоруссия издавна лишилась своей интеллигенции, этого светоча в духовной жизни народа, его путеводительницы и насадительницы новых идей в массах. Она, как известно, усвоила чужой язык и нравы, а потому стала вдвойне не-

понятной народу: новые идеи сами по себе, в силу своей новизны, трудно усваиваются, а выраженные на чужом языке становятся еще более недоступны. Но это еще полгоря: при благоприятных обстоятельствах народ мог выдвинуть из своей среды новых носителей сокровищ своего духа, – новую интеллигенцию, может быть еще более естественную, как вышедшую непосредственно из недр народа. Но беда в том, что он был поставлен в такие условия, при которых это было решительно невозможно. Белоруссия была весьма часто ареной опустошительных войн, разорявших народ, и тем обусловивших его отсталость и невежество, и развивавших грубость нравов; а что всего важнее – она до такой степени была закреплена помещикам, обязанности в отношении к этим последним были так отягощительны, что на выполнение их расходовались все силы народа, так что у него не оставалось ни времени на размышление и обдумывание, ни средств на обучение, а без этого немислимо умственное развитие.

Еще слишком живы воспоминания об этом печальном времени и живы свидетели, перенесшие на своих плечах все его тягости. В любой деревне вам сообщат массу невероятнейших рассказов о бессмысленной жестокости или самих помещиков, или их управляющих, экономов, войтов, тиунов и прочих «подпасков». Вам расскажут, что даже и тогда, когда число дней «панщины» было определено законом, крестьяне, однако, отбывали «пригон» в такое время и в таком размере, как это вздумается помещику, хотя такой произвол приносил существенный вред крестьянскому хозяйству. Но где было искать управы? Кому жаловаться? Пану на пана? А другой инстанции крестьянин не знал.

Бывали помещики, у которых каждую субботу половиною пригонщиков жестоко секли розгами: одних за огрехи

при пахоте, других за высокие «гривы» при косьбе; тех за то, что высоко жали, а тех, что малые снопы вязали, чтобы сжать установленное число копен и т. д. Надо было напрягать все силы, пускать в ход всю внимательность и изобретательность, чтобы избежать наказания. Но и это далеко не всегда помогало.

Веда такую изнурительную жизнь, чем питался народ? Ведь от качества пищи много зависит качество мысли. «Мы только теперь узнали, что такое голод», говорили нам иронически крестьяне: – «а за панамы мы голоду не знали, потому что всегда голодали. Бывало, только скотинку бережешь, а сами каждую весну ели травы да коренья. А когда молотили панский хлеб, то невейные зерна, тайком, горстями в рот сыпали да ели». Поверить можно. И теперь еще в центральной Белоруссии крестьяне настолько сохранили привычку к хлебу с мякиной, что только такой хлеб, пушной или «полбый», и считают настоящим хлебом, а к «чистяку» относятся с некоторым презрением, находя, что он не питателен, что он как слюна: нет с него никакого «посилку».

Как при таких условиях, когда крестьянин был отягощен безысходным трудом, когда его личность подавлялась, его человеческое достоинство подвергалось поруганию, как было тут развиться критическому мышлению, духу исследования, тем более что для мужика школы были закрыты, а самостоятельные попытки помимо школы проникнуть в область хотя бы простой грамотности систематически подавлялись панамы и представителями панской власти? Мужику оставалось одно: влачить изо дня в день жизнь вола подъяремного, по характерному выражению, – что день прожил, то к смерти ближе, – забывая то из своего прошлого, что не имело непосредственного отношения к текущей действительности, не заглядывая далеко в будущее, словом – не выходя из узкого

круга чувствований и идей, которые давала повседневная жизнь, бедная событиями.

При таких условиях все более и более закрепляется привычка мыслить по традиции, по раз усвоенным образцам, – и если существенно не изменятся условия жизни, если не будет дано толчков извне, сильных настолько, чтобы пробудить мышление и направить его на критическую переработку установившихся форм мысли и жизни, то оно рискует окоченеть в этих формах, считая их чем-то неизменным, неизбежным и лучшим, чем что бы то ни было чужое. Белорус так долго предавался застою, что в нем развилось домоседство, неподвижность (даже отхожих промыслов не развил, хотя потребность в них, конечно, чувствовалась), а отсутствие ознакомления с чужим мешало улучшению своего. Он несколько веков не жил некоторыми сторонами своего духа, так что неудивительно, если его воззрения на внешний мир и душу человека очень мало изменились и ныне стоят, по крайней мере, в захолустьях, почти на той же ступени развития, как и во времена летописца Нестора. Понятно, что «нечистая сила» т. е. всякая чертовщина, ведьмаки, ведьмы, вовколаки, вампиры, хатники, хлевники, лешие, водяники и пр. и пр., также фигурируют в мировоззрениях белоруса, как и во время оно, когда его предки «зверинским обычаем живяху». Тесно связанные с «нечистой силой» чародейства, ворожба, заговоры, напускания болезней, изгнание их, все еще полонят ум белорусского крестьянина, – немного, может быть, менее, чем ум какого-нибудь остяка, – все еще играют важную роль в его предприятиях, в его жизни.

Единственным просветительным началом в жизни белорусов было христианство. Известно, что со времени введения христианства языческое мировоззрение получило значение антихристианского начала и в этом смысле слу-

жило предметом борьбы со стороны духовенства. Здесь считаем нелишним напомнить читателю, каковы были те воззрения, против которых боролись христианские просветители наших предков: тогда читателю будет виднее, что сохранилось у белорусов от первобытного мирозерцания и в каких формах сохранилось. Для этого мы воспользуемся обличительной речью, составленную А. Н. Майковым из сводки разных отрывков древних духовных писателей, обличавших языческое нечестие русских:

«О, во тьме блуждающие! – восклицает один из ревнителей христианства, – Кумиры повержены, но вы рабствуете и поклоняетесь прежним бесам! Богами нарицаете стихии, и солнце, и огонь; и огню тоже молитесь, зовете его Сварожичем! Веруете и в стречу, и в полаз, и в птичий грай и в ворожбу; волхвуете птицами и зверьми! Бог дает вам вся благая; вы же Его не познали, а все от бесов своих имети мните – и обилие плодов земных, и растворение воздухов! Вместо призывания благодати Господней на вешния поля и нивы, рядитесь во звериные шкуры, надеваете личины, толпами выходите вызывать Перуна или поганого Ярилу (Ярило – яр, весна), с криком и гамом бегаєте по селам, ударяя в бубны, тазы, сковороды, медные доски, брэнча колокольчиками и бубенчиками, хлопая бичами: тем мните зиму и мрак прогнати, не ведая того, что вся от Господа! Покарает ли вас Господь, посушит поля и нивы, дабы сердца ваши окаянные подвиглись к Нему, – вы яко слепы и глухи пребываете, и паки к нечистому действию прибегаете: обовьете девку цветами и травами, водите ее по полям, обливая водою, а сами, переряженные в звериные шкуры, бегаєте круг нее с бесовскими песнями, с плясанием и скаканием*.

* Г. Афанасьев думает, что переряживание в звериные шкуры знаменовало облака, вид свой меняющие, а девка – алчущую землю.

От рождения до самой смерти бесам токмо служите: зачинаетесь в скверне и грехе; брак ли то есть, когда собираетесь на игрища, и девицу себе любу избрав, на конях ристающе, подскакиваете и с собой умыкаете: и то есть вам брак! И станет увещевать вас служитель Божий, в продерзости отвещеваете; христианский-де обряд венчания годен токмо для князей и бояр, а мы-де люди простые, живем как отцы и деды жили, и по две жены иметь можем!.. О горе горькое, о прелесть сатанинская! И паки скажу: как вы пастыря душ встречаете? Плюете, невегласи, встретясь со святым отцом, бесам заклятия читаете и яко от недоброй встречи назад ворочаетесь! А волхвам и скоморохам, и гудцам, певунам, что толпами из села в село шатаются и поганые требы и волхования творят и басни о бесах бают со струнным гудением, – их послушаете и их ублажаете и чествуете, и на праздниках своих все ими указанное творите, и на кладбища с ними с огнем ходите, и окрест могил песни бесовские возглашаете, и скаканием и плясанием святое место оскверняете! Молитвы ни единой сотворить не могуще, разве кто «Господи помилуй» со страхом скажет, заклятий знаете множество – и к ветрам нарицающе их Стрибожьими чадами, и к заре – яко к некоей жене, сидящей на море, на окияне, в палатах красна золота да чиста серебра, и к огню-сварожичу, и к печке, и к иным, иже стихии суть, или руками деланная!»*

Христианское духовенство много, конечно, рассеяло первобытной тьмы. Но то, что выработано самим народом путем естественного развития, что составляет естественную ступень в эволюции его мысли, как видно, нелегко поддается сглаживанию и уничтожению. Оно исчезает при том непременно условии, чтобы мысль чело-

* Майков. Сочин., т. II, стр. 414.

веческая естественным образом вступила в следующий фазис своего развития. А для этого необходимы известные условия, как, например – некоторая материальная обеспеченность, дающая досуг для наблюдений, исследований и обобщений; обогащение нашего ума путем приобретения положительных сведений из различных отраслей знания и т. п. А так как до последнего времени ни одно из этих условий не имело места в жизни белоруса, то понятно, почему добрая половина его воззрений представляет из себя «живую старину». К ней-то мы теперь и обратимся.

Есть немало гор, с которыми связаны легенды и суеверные предания. Они сводятся, главным образом, к тому, что на такой-то горе стояла некогда церковь или костел и провалились, поглощены горой. Между прочим, такое предание связано с холмом возвышающимся среди местечка Лукомля (Могилевск. губ., Сенновского уезда). Этот холм, вероятно, старое замчище; но крестьяне говорят, что на нем давным-давно стояла церковь и провалилась. Они уверяют, что на Рождество, на Пасху и некоторые другие праздники, если приложить ухо к этой горе, то в ней слышен колокольный звон и пение. Нам кажется, что такие суеверия объясняются тем, что в былые времена на горах находились языческие капища и жертвенники; иначе – как-то не вяжется с христианским воззрением, чтобы церковь, святыня, проваливалась, – и нам никогда не удавалось получить объяснение, почему она провалилась. «От старых людей слышали» – говорят в таких случаях. Но в белорусских песнях сохранились намеки, указывающие на то, какое значение имели горы в обрядовых празднествах. Так в одной «волочебной» песне, записанной нами, между прочим, восхваляется хозяин, прославившийся своим чудным двором:

*На яго дваре ды стояць горы,
Ды стояць горы высокия;
А на тых горах ды лежаць брусья,
Ды лежаць брусья цесовые;
А на том брусью ды стояць стоубы,
Ды стояць стоубы малеваные;
А на тых стоубах ды висяць котлы,
Ды висяць котлы отливаные;
А по-под котламі ды горяць агні,
А гараць агні ясенькіе,
Ды ідуць дымкі сіненькіе;
Тамъ сидзяць дзедкі старенкіе,
Вараць воскі жоўценькіе,
Сучаць свечі двойчастыя,
Двойчастыя і тройчастыя;
Сподзюютца любых тосційкаў
Любых госьційкаў – велікоднічкаў
і пр. (село Погорелое, Ігуменскаго ўезда).*

Это, несомненно, картина языческого жертвоприношения, сопровождавшегося обыкновенно народным пиршеством, картина, несколько измененная в христианском духе. Внешняя сторона этого обрядового торжества, обстановка его, весьма выдержана, – от нее так и веет духом древности; но тут уже дедки старенькие, языческие жрецы, не точат ножей булатных, не собираются резать козла, как это поется в известной великорусской «колядке», а варят «воски жоўценькіе» (желтые), сучат свечи двойчастые и тройчастые, т. е. языческую жертву заменяют христианской. Но нам здесь, главным образом, интересно то, что для этого торжества, для встречи дорогих гостей-великодничков понадобились высокие горы, настолько понадобились, что певец, совсем не к месту, громоздить их на хозяйском дворе, хотя, разумеется, и воск варить, и гостей встречать гораздо удобнее на ровном месте. Здесь песня, очевидно, остается верной старинным обы-

чаем, в силу которых некоторые языческие празднества должны были совершаться на горах.

И теперь в Белоруссии выкликание весны и другие весенние обряды совершаются непременно на горах, «на юру».

Также сохранились отголоски прежнего *поклонения «рощениям»*, о котором упоминает Густинская летопись. Так в Борисовском уезде нам приходилось слышать, что давным-давно, близ Старого Борисова, большого имения, некогда принадлежавшего князьям Радзивиллам, расположенного в местности богатой лесами, рос на одной полянке «стародавний дуб» очень больших размеров. Если кто, бывало, рубнет его топором, то непременно с тем случалось несчастье. А когда, по приказанию владельца, срубили этот дуб, то, падая, он раздавил всех рубивших его, и, кроме того, целую неделю свирепствовала страшная буря, с громом и молнией, причинившая много бед.

В той же местности и в Игуменском уезде до последнего времени, среди выделывателей клепки, ходило мнение, что есть такие деревья, которые рубить небезопасно: как ни берегись, а оно тебя придавит. Не советуют рубить дерево, которое скрипит, ибо это верный признак, что в нем человечья душа мучится. Срубивший такое дерево заставляет ее искать себе новое пристанище, за это он может поплатиться увечьем, а иногда и своею жизнью. Много связано поверий и с осиною. Это дерево употребляется при волхованиях.

Все растения, по поверью, разговаривают между собою, и есть такие люди, что понимают их речь, и вследствие этого могут узнать, какая заключается в них сила: целебная или ядовитая, – и в каких болезнях известное растение помогает. В прежние времена, говорят белорусы, много было таких людей, а теперь очень мало, но все-таки есть они.

Особенно отличаются таинственными свойствами папоротник и разрыв-трава. *Папоротник*, как гласит поверье, цветет только в ночь на Купалу (23 июня); цветет он один миг; цветки его горят, как искорки. Завладеть этими цветками очень трудно, ибо нечистая сила поставляет к этому всякие препятствия: отводит глаза, а более всего пугает разными страхами, так что за это дело надо браться умеючи, и даже не всякому чаровнику оно по силам. Всего чаще ушедшие в лес за этим чудным цветком умирают со страху.

Собирает эти цветки беспрепятственно только *Купальский дзедок*; он ходит с лукошечком и наполняет его цветами, так что лукошечко горит как жар. Купальский дзедок – добрый. Если встретиться с ним и разостлать перед ним белую скатерть, то он бросит на нее один цветок. Хватай, тогда скорее его и, разрезавши ладонь правой руки клади под кожу: оттуда нечистик не достанет. Счастливый обладатель чудного цветка получает дар всеведения, а в особенности знает, где какие клады лежат и как к ним приступить, знает, какие заклятия на них наложены и как их отчаровать. Понятно что, «нечисьчики», стерегущие клады, всеми силами стараются отнять цветок.

Разрыв-трава добывается особым способом. Эту траву знают только вещие птицы, как например, сорока, сова и сойка. Найдя гнездо с птенцами одной из этих птиц, нужно в нем замазать глиной отверстие, так чтобы птица не могла кормить своих детей. Под деревом, на котором свито гнездо, следует разостлать скатерть и самому спрятаться под ней. Побуждаемая писком голодных детенышей, желая освободить их из неволи и накормить, птица полетит искать разрыв-траву. Бывает, что она и находит ее. Тогда она прикладывает разрыв-траву к гнезду, и замазка с него спадает. Вот тогда-то и нужно смотреть

на скатерть: не упала ли разрыв-трава. Если найдешь ее, разрежь ладонь на правой руке и подсунь под кожу траву. Тогда стоит только толкнуть этой рукой в запертую дверь – она отворится, стоит только взяться за замок – он сам открывается.

Крестьяне верят, что прославленные воры имеют разрыв-траву.

Животные. Из мира животных суеверное почитание вызывают главным образом змеи, а из них особенно ужи. Эти последние, в некоторых болотистых местностях Белоруссии, где водится много ужей, и до сих пор играют роль домашних божков.

По поверьям, все змеи обладают вещею силой, необыкновенною мудростью, но один только уж склонен употреблять свою мудрость на пользу дома, где он поселился, – и если угождать домашнему ужу, то и он, в свою очередь, будет радеть тому дому. Вообще поселение ужа в доме считается хорошим предзнаменованием: стоит только ужу угодить – и он будет приносить в дом счастье. Но беда, если домашнего ужа прогневить: тогда он постарается жестоко отомстить. Поэтому крестьяне кладут своим ужам пищу и питье и вообще заботятся о том, чтобы не раздражать их. Нам не раз приходилось слышать, что в южной части Бобруйского уезда и далее к югу, в Полесье, есть много ужей, совершенно ручных, которые едят из одной миски с детьми, посаженными есть на пол, как это часто бывает у крестьян. Думают, что уж имеет яд, но по доброте своей не пускает его в дело, не хочет жалить. Нам передавали за верное следующий невероятный рассказ. В одном доме долго жил большой уж. Положил он в хлеву в навозе свои яйца. Когда копали навоз, нашли их и взяли «на пробу», чтобы узнать, как отнесется к этому уж. Скоро он заметил пропажу яиц. Тогда он забрался в клеть и стал «плевать» в горшки с молоком,

чтобы отравить их своим ядом. Это видела хозяйка. Отсюда заключили, что с ужами нельзя шутить таких шуток и немедленно возвратили яйца в его гнездо. Увидев, что яйца принесены обратно, уж опять забрался в клеть и, обвившись головой за ножку стола, а хвостом за молочный горшок, попрокидывал все горшки, чтобы не отравить людей понапрасну. Убить ужа – большой грех, полагают белорусы, а убить гадюку – дело душеспасительное: за это отпускается 12 грехов.

Над всеми гадами есть царь. Под его личным начальством змеи идут на зимнюю спячку. Царь-змея идет впереди, а за ним, в несметном числе, его пресмыкающиеся подданные. Он по величине больше всех их, чешуя его отликает серебром и золотом, на голове его корона из маленьких золотых рожков. Трудно встретить змей во время их такого перехода, ибо они выбирают для этого непроходимые для человека места. А если удастся встретить змеиный «вырой», и разостлать перед змеиным царем скатерть, и положить хлеб-соль, и поклониться ему до земли, то он, проползая чрез скатерть, в знак благодарности, сбросит с головы один золотой рожок. Кто имеет такой рожок, тот обладает необыкновенной мудростью и проницательностью, так что в состоянии угадывать чужие мысли, давать подходящие объяснения, выпутываться из самых затруднительных обстоятельств. Кроме того, никакой яд не действует на счастливого обладателя змеиного рожка.

Другое поверье относительно змей говорит, что змеиное мясо, приготовленное таким образом, чтобы оно лишилось ядовитости (а такой способ приготовления знают только большие чаровники), сообщает тому, кто им питается, умение понимать речь животных.

К пению курицы по-петушиному белорусы питают суеверный страх, полагая, что такое пение предвещает беду

той семье, чья курица, – не только предвещает, но даже накликает ее. Услышав, что курица поет петухом, крестьяне говорят: на свою голову! – и тотчас же отрубают зловещей певунье голову, на пороге избы. Это предохраняет от несчастья. Иные в этом случае поступают так. Поймав ту курицу, которая пела, меряют ею, как аршином, по прямой линии, пространство от почетного угла до порога, поворачивая курицу попеременно то хвостом вперед, то головою, – и если на порог ляжет голова, то ее тут же отрубают, и курицу, зажарив или сварив, съедают; если же ляжет хвост, то, отрубив конец хвоста, сжигают его, а курицу пускают на свободу. Если она снова запоет, тут уж сразу отрубают ей голову. Вероятно, – это остаток первобытных умиловительных жертв домовым божествам.

По воззрениям белорусов, *вещими свойствами* отличаются: сорока, ворон, кукушка и сова; все эти птицы обладают сведениями относительно судьбы человека и предсказывают ее, только надо понимать их язык. Чаровники и ворожбиты умеют понимать их, поэтому-то, между прочим, они и предсказывают будущее. У некоторых чаровников эти птицы состоят в услужении и приносят им всевозможные вести. Но и простые смертные могут кое-что предугадывать при помощи этих вещей птиц. Сорока приносит и хорошие и дурные вести, но неважные. Ворон, каркающий над домом, предвещает смерть одного из обитателей этого дома. По кукованию кукушки гадают о долголетию, замужестве, богатстве. Крик совы над домом – дурное предзнаменование.

С летучей мышью, черной кошкой и черным петухом также связаны некоторые суеверные представления, но мы обратимся теперь к самому распространенному виду фетишизма – к *фетишизму слова*.

На первых ступенях развития ум первобытного человека не отличает вполне предмета от его обозначения

словом: предмет и его название как-то сливаются воедино в сознании дикаря. С точки зрения интеллигентного человека: «что́ имя? – звук пустой»... Мы сознаем, что не в названии дело. Но дикарь думает иначе. По его понятиям, сообщить другому человеку свое имя – это значит в известной степени подчинить себя власти этого человека: обладая именем, колдуя над ним, он может причинить вред самому носителю этого имени. Поэтому дикари или не сообщают своих имен тем людям, которые могли бы злоупотребить таким доверием, или же меняют имена. К этому порядку идей, свойственных первобытному уму, следует отнести воззрения на *тотемов*, т. е. на одноименные предметы. Поясним это. У дикарей в обычае давать людям имена одинаковые с названиями разных предметов из мира животных или неодушевленной природы, например: Серый Волк, Дикая Кошка, Дуб и т. д. Отсюда вот что выходит. Дикарь, который называется, положим, Дикая Кошка, не различая предмета от его названия, считает всякую дикую кошку чем-то общим, чем-то однородным с ним самим; она для него *тотем*, тезка, – и этого довольно, чтобы он считал ее предметом священным для себя. Он не только не убьет своего *тотема*, но будет опасаться причинить ему какое-либо зло, хотя бы невольно. Слова, сливавшиеся в представлении дикаря в одно целое с соотносительными предметами, во время господства фетишистического миросозерцания наделялись такими же свойствами, как и самый предмет, и были такими же фетишами, как и весь мир. В период одухотворения и олицетворения стихий, слово почиталось такою же стихийною силою, как и силы природы, и так же, как и эти последние, имело своих богов.

Такое грубо-фетишистическое отношение к слову сохранилось в среде белорусов до сих пор – и сохранилось в значительной степени. Так, они верят, что можно овла-

деть всякою вещью посредством особого слова: скажи только такое слово – и вещь или животное, или человек пойдут за тобою, будут делать то, что им прикажешь. Также и в колдовстве имя человека, которого желают «счаровать», занимает не последнее место.

В Белоруссии, до воссоединения униатов, а в полеской ее части и в недавнее время, практиковался такой обычай. Если почему-либо было неудобно везти новорожденного к священнику крестить, и крещение отлагалось на некоторое время, а вместе с тем желали дать ребенку имя, то кумовья или родители отправлялись к священнику одни и просили его прочесть молитвы, положенные при наречении имени, и произнести это имя над шапкой или детским чепчиком; шапку сжимали рукой, иногда завязывали, чтобы имя не улетучилось из нее, и, принеся ее домой, одевали на голову ребенка. Так как не многие священники соглашались исполнять такую просьбу, то крестьяне проделывали этот обряд самостоятельно: проносили имя в шапку и одевали ее на голову ребенку.

Полагают, что особенно чудесную силу имеют слова, скомбинированные в созвучия, в речь размеренную: почти все белорусские заговóры и причитания имеют известный склад, иногда размер и рифмы. Магическая сила слова может быть механически передана другим предметам: стоит только произнести данные слова или целый заговор над водой, хлебом, водкой и т. п. Кто проглотит «нашептанный» хлеб, воду, тот, полагают, проглатывает и сами слова. Если написать заговор на бумагу и проглотить ее саму или, сжегши, проглотить пепел, результат будет одинаков: слова или вселяют в человека боль, или вытесняют ее, смотря по тому, какие это были слова. Можно «пускать слова по ветру», с целью причинить кому-нибудь зло, но это не совсем-то удобно, потому что они могут попасть и не туда, куда следует. Есть такие слова,

которым повинуются нечистая сила, но такие слова знают только «хорошие чаровники».

Выше мы попутно приводили заговор против «ночниц». Но чтобы дать читателю более полное понятие о «фетишизме слова», приведем здесь те заговоры, которые не сопровождаются особыми чародейскими действиями.

Вот заговор против укушения змеи, чтобы оно не имело дурных последствий:

На синем мори двананцять дубоў;
Под тыми дубами двананцять папоў читаюць,
Поганья зубы замоўляюць.

Нужно проговорить трижды над больным местом, не переводя духа.

А вот другой против так называемого *золотника* (болезнь матки):

*Золотник, золотничок,
Золоценечкий рожок!
Сядзь на своем месъци,
Як пан на кресли.*

(Игуменскаго у. с. Пережир).

Заговор против вывиха и полома костей:

У горадзи Русалиме Христа распинали, пакуту давали, к хросту прыгвождали, ручки ножки ломали, косточки хрущали. Приходзила Прачистая Матка, горкая слезки проливала, Яго раны цалёвала (исцеляла), косточки зращала, суставы скрепляла. Зрасцися ты, косць, у раба (такого-то или такой-то) скрапцися яго суставы, закрыйцися яго раны.

(Холопеничи, Борисовскаго уезда).

Этот заговор надо нашептывать каждый день, перед восходом и закатом солнца, до тех пор пока не спадет опухоль. Впрочем, не ограничиваясь верой в целебную силу заговора, белорусские знахарки умело вправляют вывихи и делают перевязки полумов костей; и та знахар-

ка, которая сообщила нам вышеприведенный заговор, в целительную силу которого она безусловно верила, искусно вправляла вывихи и налагала повязки при поломах, употребляя лубки и глину вместо гипса.

Заговоры от кровотечения:

С-пад дуба каранистаго цекла Юрдань-река: там ишоу Исус Христос и святая Ильля: вадзяные ключи закрывалися, Юрдань-река станавилася. Закрыйцися жилы кровавый! стань, не цячи, кроу чирвоная!

(Борисовскаго у.).

Ишоу пан Езус праз Юрдан;

Река стала и кроу стань.

(Новогрудскаго у.).

Заговор перед отъездом в дальнюю дорогу:

Першим разом, добрым часом. Господу Богу помолимся, храсту поклонимся. Учора з вячора соўнийка играло, добрую дорогу провещало; сягоння з ранку зара занялася, ў неби на парози з сонцем споткалася; залатые ключи ў ручки брала, дубовую дзверку одмыкала, шоўковый полог подымала, соўнийко не небо выпушчала, добрую дорогу провещала. Устай (или устала) я рано – подыйду к ваконцу; щира я щира уздыхну до Бога: дайже мне, Боже, счасливу дорогу! Аж св. Юрий каня запрагае, св. Айлас помогае, от бяды, напасьци зберегае.

Заговор произносится пред иконами, на коленях, а также его говорят на дворе, обходя вокруг лошади.

Приведем здесь еще несколько заговоров, которые нашептываются на воду. Делается это так. Берет знахарь кружку воды, выходит на двор, становится лицом к востоку и произносит над водой заговор, потом поворачивается лицом к югу и западу, каждый раз произнося одно и то же. Самое лучшее – проделывать это при восходе солнца. Это называется «даць воды»: самый употребительный вид знахарского врачевания в Белоруссии. Наго-

ворную воду пьют, обмывают ею больные места, вливают в уши и т. п.

Вот два заговора против «нутранных» болезней:

Чорная хмара (туча) на небе ўсхадзіла, ясное сонце закрыла; наносила чорная хмара мжаку (мглу) и туманы, напушчала тугу (печаль, тоску) и балецьци, чорную и белую немочь на людзей, на жывёла (животных). А мы Господа молим, мы святыцеля просим: нашли, Божга, цеплые ветры, праганы чорную хмару, тугу и балецьци, чорную и белую немочь, каб рабу (такому-то) быць здоровым, каб яго ножки стояли – ня млели, каб яго ручки работыньку брали – крапчели, каб яго вочки весяло глядзели.

* * *

У цемным леси стоиць гора высокая, там растуць дубы вячистыя, там стоиць церква свяццоная, там бяжиць вода цудоўная. А я ж тую воду брала, балючое цела обмывала, пиць давала, слаўцо вымоуляла: пашла немочь з цела вон! Кали ты трасца идзи ў балота; кали падвей ты – идзи на вецер; кали ты резанка – зарежся; кали ты суроцы – соль табе у вочи, кали ты с пуду – сама спужайся. Пашла хира (болезнь) з цела вон!

(Холопеничи, Борисовскаго у.).

Последний заговор записан от знахарки, которая объяснила, что это заговор «жанецкий», т. е. употребляющийся женщинами.

Заговор от «зъеду»:

Помолимся мы и поклонимся Господу Богу и духу святому, троицы святой ядыной, и прачистой мацери божай, и святому воскрасэнийку христовому, честному, милосерному, и усим святочкам, годовым празьничкам, киявським, пярчэрським и рымським и русалимським,

и Исакову и Якову, и Антоняму и Хвядосяму, и святому Юру и Ягору, и святому вотчу Миколу. И святы́й вотча Миколочка, вы скорые помощники, вы божия угодники, вы вяликыя молитвенники, вы ж скоранько помогаея, – гтому рабе бажаму чаловеку, зьед замовляйтя, и злого чаловека на мхи на болоты ссылайтя. И найсвеншая Маря ина стоиць у храми Господням, дзяржиць ина свое ключики золотэя при столи, чаровнику и злой хвороби замыкая губы и зубы, засылая ина яго и злую хворобу на мхи на болоты, на ницую лозу, на колючую грушу, дзе ж быдлы не бегаюць, дзе птицы не летаюць, дзе вужигады не живуць, там нехай злы́й чаловек и злая хвороба проживая и пробывая.

(Церковиц, вол. Могил. у).

Заговор от «уроц» (сглазу):

Царица водица, красная дзявица, самоцветница и угодница, и ходзила и гуляла, рыдысь-брыдысь обмывала, круты бэреги обрывала, жовты пяски приносила, бело каменя, сыро коренья. Обмывала царей, королей и увесь народ хрисцияньский, – обмый раба божяго (имя). Уговарюю я яго уроцы стрешныя и попярешныя, подзивныи и посмешныи, женьский и мужськэй и дзявоцкии лихеи. И ссылаю, издымаю усю печь яго, – не сам собою, Господом Богом.

*(М. Рудня, Оршанск. у.) **

Заговоры и чародейства представляют наиболее интимную часть пережитков далекого прошлого. Когда мы обращались даже к знакомым знахарям и чаровникам с просьбою сообщить нам известные им заговоры, то почти всегда получали отказ и уверение, что они, кроме того, как перекреститься, ничего не знают. В силу этой интим-

* Последние два заговора заимствованы из Белорск. сборн. Е. Р. Романова, вып. V, где собран богатейший запас этого рода материалов.

ности, в силу того, что заговоры обыкновенно сохраняются в одном каком-нибудь роде, а не пускаются в оборот, не являются общим достоянием, как, напр., песни, – в силу всего этого в них должны наиболее чисто сохраниться воззрения языческой старины. И действительно, в них фигурируют обычные предметы поклонения первобытных людей: и дубы зеленые, коренастые, «вячистые», упоминаемые иногда ни к селу, ни к городу, – без всякой видимой связи с остальным текстом заговора, и вода чудодейственная, и борьба двух начал – света и тьмы, солнца и тучи, закрывающей его и таким образом лишаящей людей его живительного действия и вместе с тем насылающей на все живое «тугу и болезни, черную и белую немочь», тут и заря, отворяющая золотыми ключами небо, поднимающая шелковый полог и выпускающая солнце и т. п. Однако, на ряду с этими, несомненно, первобытными чертами, в них заключаются и позднейшие наслоения в роде обращения к помощи Божьей Матери и святых, в роде упоминания об Иерусалиме, Иордан-реке, церкви, священниках. Тут, очевидно, произведена замена древних воззрений новейшими, языческих божеств – христианскими святыми. Но это нимало не лишает эти заговоры фетишистического характера, заключающегося в самой сущности воззрений на значение заговоров, в вере в их чудодейственную силу: «что скажется, то и сбудется». А эта вера крепко укоренилась в народе. И всего печальнее то, что белорусы обращаются к знахарю с просьбой «дать воды» именно при серьезных заболеваниях, когда обычных народных медикаментов, вроде питья липового цвета, натирания комфорой, тертой редькой, хреном, паренья в бане крапивой вместо веника и т. п. бывает недостаточно.



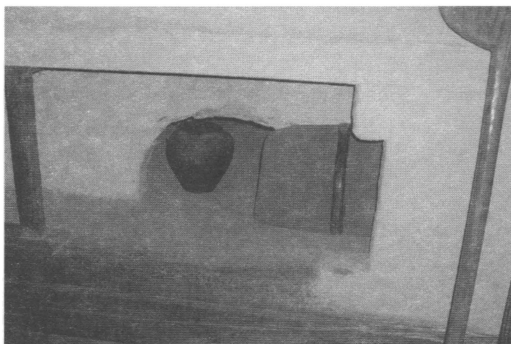
Усадыба зажиточнага беларускага крэсьцяніна (музей в Дудутках)



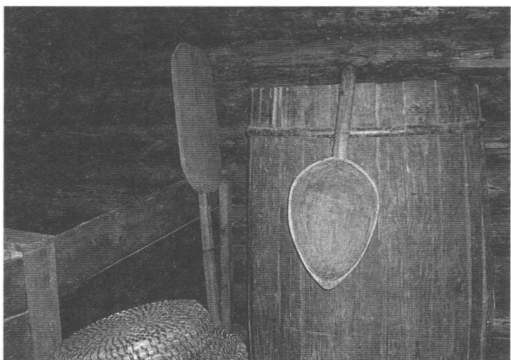
Крыты агульны калодец (музей народнай архітэктуры і быта в Озерках)



Калодец-журавель на заднем дворе усадыбы (музей народнай архітэктуры і быта в Озерках)



Традиционная белорусская печь имеет много общих черт с русской (музей народной архитектуры и быта в Озерках)



Кадка для солений (бел. «мочинка»), ковш, лопата, короб (музей народной архитектуры и быта в Озерках)



Традиционная деревянная и лепная хозяйственно-бытовая утварь белорусских крестьян (музей древнебелорусской культуры АН Республики Беларусь)

II.

ПЕРЕЖИТКИ АНИМИЗМА

В начале предыдущей главы мы коснулись процесса осмысливания внешнего мира, выразившегося в перенесении свойств человеческой личности на внешние предметы. Наряду с этим, в душе первобытного человека развивался и другой процесс, который антропологи называют *анимизмом*.

Сущность анимизма заключается в том воззрении, что человек и все чувственные предметы – двойственны; что они состоят из видимой, осязаемой оболочки, за которую скрывается нечто неуловимое, тонкое, невещественное, но все-таки существующее и тесно связанное с нашим личным существованием, с нашим страданием и благополучием.

К такому понятию, по мнению Спенсера*, приводили дикаря наблюдения над облаками, которые то появляются, сгущаясь, в известных очертаниях, то тают и исчезают; над звездами, появляющимися вечером и исчезающими при дневном свете; над ветром, который качает деревья, вырывает их с корнями и, однако, невидим; также наблюдения над такими явлениями, как, например, тени: они хотя и похожи на те предметы, которые их отбрасывают, но отличаются неуловимостью, тем, что их «из стены не вырубишь», а также и над такими, как отражение предметов в воде, как эхо и т. п. Но самое главное значение в процессе выработки анимистического строя мышления имели сновидения. В виду их важности в этом отношении, мы считаем необходимым остановиться на них несколько дольше.

* Основ. социол. т. I.

Представьте себе дикаря, которому приснилось, что он охотится за оленем, убивает его, жадно пьет его теплую кровь, пожирает лучшие куски мяса. Вот к нему приходят его знакомые; с одними он делится своей добычей, других отгоняет прочь, вступает с ними в драку... Он видит своих покойных родителей, родственников и соседей, давно умерших. Словом, он живет во сне полною жизнью, несколько отличною от той, которую он ведет наяву.

Какое объяснение может дать дикарь всем этим явлениям? Какие он должен сделать отсюда выводы?

С одной стороны, он лежал неподвижно, закрывши глаза, что удостоверяют бывшие в хижине во время его сна; с другой – он ясно помнит, что он ходил, охотился, видел, ел, пил и проч. Как то, так и другое – одинаково, несомненно. Примирить это противоречие возможно только при допущении, что в нем существует другое «я», которое может оставлять свою оболочку, тело, и удаляться в мир, отличный от нашего, ибо в этом мире наблюдаются такие явления, каких в действительности не увидишь. Из того, что он видел во сне своих отсутствующих друзей и знакомых, он должен заключить, что их «я», что их души, так же, как и его душа, способны покидать свои тела на более или менее продолжительные сроки. Случаи обмирания, летаргии, эпилепсии и т. п., нередко встречаемые в действительности, приводят дикаря к тому же заключению и еще более убеждают его в справедливости своего предположения. Из того же, что он видел во сне своего деда или соседа, которые давно умерли, он должен заключить, что умер не весь его дед, а только одна грубо-вещественная его оболочка; что внутренняя сущность отжившего предка, его душа, не умерла, а только переселилась в особый мир, который и души живых посещают во время сна.

Так возникает и укрепляется мнение об аналогичности явлений сна и смерти, мнение, что смерть есть продолжительный сон и что, следовательно, умершие нуждаются в удовлетворении потребностей, свойственных живым людям. Отсюда же, мало-помалу, развивается культ предков, общий всем первобытным народам; а также отсюда ведут свое начало воззрения на происхождение некоторых болезней и средства к лечению их*.

Пережитки анимистического строя мышления живо сохранились и в миросозерцании белорусов. Но мы здесь рассмотрим только те из них, которые связаны с представлениями о сне и сновидениях, душе и загробной жизни, относя в особую главу анимистические воззрения на происхождение болезней и их лечение.

Сон и сновидения. Белорусы еще сохраняют воззрение, свойственное первобытной ступени умственного развития, что во время сна душа выходит из тела и посещает разные места, в том числе и такие, которые недоступны человеку в бодрствующем состоянии, как например загробный мир. Однако она не покидает тела совершенно. По мнению одних** – она как бы вытягивается изо рта в виде неизмеримой ленты, которая одним концом остается в человеке, а другим может быть, где хочет. Этим объясняется, что тело во время сна живо. Другие же, игнорируя последнее соображение, полагают, что душа выходит из тела вполне, но, как бы далеко она не отлучилась, не упускает тела из виду, и если ему грозит опасность или если спящего будят, то спешит возвратиться на свое место. Как те, так и другие толкователи согласны в том, что крепкий сон, когда человека трудно разбудить, зависит от крайнего удаления души.

* См. об этом Спенсера – Основ. социол. и Тэйлора – Первобыт. культур.

** Между прочим – Розалин Осьмаковой – знахарки и толковательницы снов (Борисовск. уез.).

Сны – это видения души во время ее странствования. В реальности этих видений белорусы нимало не сомневаются. Только надо их, эти видения, понимать. Отсюда толкования снов. Одно понимается прямо, другое – аллегорически или по аналогиям, а иное толкуется в обратном смысле, – словом, предоставляется широкий простор снотолкователям.

Приведем, для примера, несколько традиционных толкований.

Видеть во сне попа – иметь дело с нечистой силой; видеть похороны – к свадьбе; пожар – счастье, богатство; видеть бобы, горох – лить слезы; вырвать зуб или лишиться какого-нибудь члена своего тела – означает смерть близкого человека; если при этом течет кровь – значит, умрет кровный родственник и т. п.

Особое значение придается сновидениям, в которых фигурирует кто-нибудь из умерших родственников. Тут надо стараться так или иначе угадать их волю и исполнить ее*.

Пророческий смысл придается также «сонному бреду». Но так как он часто бывает отрывочен, бессвязен, так что из него, при самых грубых натяжках, мудрено вывести какое-нибудь заключение, то, чтобы избежать этого, советуют, лишь только начнется бред, взять спящего одной рукой за мизинец и, слегка поглаживая другой рукой его руку, задавать ему вопросы; тогда он будет отвечать связно и толково и не будет в состоянии утаить что-нибудь. Между прочим, таким способом ревнивые мужья испытывают верность своих жен.

* Даже самое название сновидений указывает на отношение их к загробному миру. «Видеть во сне» – по-белорусски *тризнить*. Это слово стоит особняком в белорусской речи, не имея однокоренных и производных. Нам кажется, что не будет излишней смелостью сблизить его с древн. славянск. словом «тризна».

Понятие о душе. Из предыдущего отчасти видно, что белорусы представляют себе душу, как нечто материальное, но более тонкое, чем осязаемые предметы. Душа, по их объяснению, – «дух», пар (как в бане), который может бесконечно изменять свою форму и принимать различные образы, а равно быть невидимым. Многие положительно уверяют, что они, будучи при умирающем, видели, как душа выходит изо рта в виде пара*. В недавние времена, а в некоторых местностях Белоруссии и теперь, тотчас после смерти одного из домашних, ставят на столе миску с водой и вешают перед образами или около окна чистое полотенце, чтобы душа могла умыться и утереться.

В случае, долгой агонии, когда «душе трудно расстаться с телом», открывают отдушину, а иногда выдирают из потолка доску, чтобы дать душе свободный выход на вольный воздух.

Чаровникам, что «душу черту запродали», особенно трудно умирать; им не помогает и «громничная» свеча**, которую, обыкновенно, дают в руку умирающим: душа их, зная, что ее ожидает в загробном мире, не хочет покидать тела, и черти выдирают ее особыми крючьями.

Загробный мир и пережитки культа предков. После смерти человека душа его не сразу переходит в загробный мир: сорок дней она еще остается в родном селе; из них сначала шесть дней бродит около дома и три дня по своим огородам и полям. После этого срока она или отправляется на тот свет, куда ей предназначено – в пекло, в отхлань (нечто в роде чистилища), в рай – или же остается здесь, на земле, отбывать свою «покуту»: поселяет-

* В Малороссии, наоборот, крестьяне полагают, что душа, подобная пару, существует только у нехристей.

** Освященная на «громницы» (2 февр.), предохраняющая от грома и пожара.

ся в дереве (такое дерево скрипит), в животном и даже в человеке. Такой человек страдает всю жизнь, пока поселившаяся в нем душа не искупит своих грехов.

Эти последовательные переходы души во время путешествия ее в загробный мир сопровождаются «поминальными столами», вероятными остатками языческой тризны, основанными на том представлении, что человек и по смерти нуждается в пище и питье и что удовлетворение этих потребностей покойника есть нравственный долг его родственников, за невыполнение которого они рискуют подвергнуться мести со стороны умершего. Первый поминальный стол устраивается в день погребения и приглашаются к этому столу все бывшие на «хавтурах». Обязательные блюда – кутья, клецки и блины; что сверх этого – зависит от состоятельности родственников покойника, но чем больше будет «потрав», кушаньев, тем больше чести умершему. Ни один поминальный стол не обходится без водки, но пьют в меру: напиться допьяна, как это бывает на свадьбе, на крестинах, в этом случае было бы неприличием. Пьют не только посторонние, но и близкие покойному люди, пьют, чтобы заглушить горе, чтобы притупить сознание невозвратимой потери. Застольные беседы посвящаются памяти «небожчика», при чем выставляются на вид только лучшие стороны его характера и только похвальные поступки.

Другие поминальные столы – шестины, девятины, сорочкины и погодки – ничем не отличаются от вышеописанного, и даже шестины и девятины в последнее время редко устраиваются: разве уж семья покойного очень богата и желает оказать ему особую честь. Но сорочкины и погодки должны быть обязательно справляемы. Первые, если то позволяет время года, сопровождаются «прикладщинами», т. е. приведением в приличный вид могилы и постановкою креста или памятника. Памятники ставятся из

камня, из дерева, отесанного наподобие гроба, а в некоторых местностях сооружается над могилою маленький домик. На сорочины приглашаются только родственники и ближайшие соседи. После постановки креста или памятника, женщины начинают, обыкновенно, голосить по усопшему, «причитывать», припадая к его могиле. Причитанье – это слезная импровизация, в которой, с одной стороны, дается исход естественному чувству горести, но вместе с тем это обряд, так сказать, публичное выражение горя, связанное с восхвалением покойного: нечто в роде надгробных речей, принятых в образованном обществе. В этом смысле причитанью придается немаловажное значение, так что, например, одинокие люди нередко скорбят о том, что на их могиле некому будет плакать. Иногда роль плакальщиц берут на себя посторонние женщины, но это выходит из обычая. По окончании голошения для присутствующих устраивается трапеза тут же на могиле, когда это удобно, или в хате.

Если в могиле находят человеческие кости, то или роют яму в другом месте, или бросают в нее медную монету на покупку места у прежнего владельца, «каб небожчики не дралися».

Погребение, под влиянием духовенства и школы, в последнее время более или менее очистилось от языческих обычаев; но и теперь иногда кладут в карман покойнику курительщику трубку с табаком, а нюхальщику – табакерку. В недавние же времена клали ножи, гребни, а мастерам некоторые их инструменты, а тем, кто любил выпить, и водку ставили в бутылках или «гляках» (глиняные бутылки). На кладбищах, копая могилы, иногда находят эти вещи*.

* Ходят рассказы, что копальщики ям находили бутылки с водкой. Кто выпивал ее, то тут же падал мертвым, потому что водка напиталась «мертвым духом». Нам случалось видеть вырытые «гляки», но они были без водки, потому что пробка сгнила, и водка вылилась или испарилась.

Теперь в этом отношении стал распространяться более возвышенный взгляд: самым верным способом для передачи чего-нибудь покойнику считается дарение нищему.

Это мнение отразилось даже в народном творчестве. Так в одной сказке говорится, что один покойник, являсь на тот свет, был очень удивлен, когда ангел подвел его к пустому столу, тогда как другие покойники имели перед собой столы, уставленные разными «напитками и наедками». Он просит разъяснить ему: почему это так? что он за исключение? Ему отвечают, что те, которые имеют пищу, принесли ее с собой. Тогда он просит Бога отпустить его домой, чтобы запастись пищей, так как ему нечего есть. Не умирать же ему с голоду? Бог его отпустил. Явился этот человек домой и приказал своим домочадцам приготовить самой разнообразной пищи и питья и при том в возможно большом количестве. Приготовили изрядный запас. Все это свалили ему в могилу. Отправился он и сам на кладбище в сопровождение друзей и знакомых. Следом шло много нищих, которые просили у него подавания. Но он, из жадности, ничего не хотел им дать. Случилось, что один пирог, при перевозке, свалился в грязь. Постыдился он нести его на тот свет и отдал нищему. Чуть только лег этот человек в гроб, как и очутился на том свете. Подходит он к своему столу и видит, что на нем лежит только тот грязный пирог, что он отдал нищему.

В этом рассказе, несомненно, слышится протест против грубо-материалистического взгляда на загробный мир. Однако прогресс в этом отношении сделан еще незначительный: большинство и по сей день верят, что матери, оставившие после смерти грудных младенцев, являются их кормить, и частые боли в животе ребенка приписываются недоброкачественности «мертвецкого» молока; об этом же свидетельствуют и верования в *дедов* и *баб* и обряды, основанные на этих верованиях.

Так, по воззрениям белорусов, весной, вместе с оживанием природы, с пробуждением ее от зимнего сна, оживают и души мертвых и выходят из тесных гробов на вольный свет. Полагают, что они нуждаются в пище и питье, что они едят и пьют, но редко: три-четыре раза в год с них вполне достаточно. Для удовлетворения этой потребности и в знак уважения к предкам, периодически устраиваются поминальные столы, по-белорусски – «дзяды»*. В такие дни все как-то торжественно настроены, полны ожидания чего-то таинственного. Разговоры, обыкновенно, вращаются около умерших; вспоминаются обстоятельства их жизни, вкусы, привычки; чисто случайные явления приводятся в связь с обитателями загробного мира: сядет, например, птичка на окно, как уж в ней видят душу покойника, который чего-то хочет от родных, о чем-то напоминает им. Начинаются догадки, предположения... Старики, которые уже хранят «сорочку на смерть», видят в этом знамение своей близкой кончины: «Это такой то, говорят они, за мной являлся; нужно готовиться в дальнюю дорогу»... в этот день обязательно чистят избу, словно бы к приему дорогих гостей.

«Дзедуюць» поздно вечером. Покрывают стол белой скатертью, кладут хлеб-соль, ставят кутью; перед образами зажигается свеча, – и все молятся за усопших. После сего хозяин выходит за дверь и призывает предков, «дзядов», разделить со всеми домочадцами обрядовую трапезу, которая доходить до 7 блюд. Едят «покладаючися», т. е. проглотят ложку «потравы» и предоставляют то же сделать дзедам – кладут для них свои ложки. Но, принимая во внимание, что дзедов может быть больше, чем

* В Белоруссии «дзяды» справляются в субботу пред мясопустною неделей, во вторник на Фоминой, накануне Троицы и 24 октября (Дмировские дзяды).

кладется ложек, хозяева отливают и откладывают всякой пищи на окна и под стол.

Есть обычай – ничего не убирать со стола после этой вечера, чтобы «дзедам» было что есть, когда они соберутся ночью.

Бабы справляются накануне дзедов. Но этот обычай распространен весьма мало; мы наблюдали его только в Лепельском уезде. По существу обрядовая сторона «баб» ничем не отличается от «дзедов», только блюд готовится меньше.

Радойница, или «небожчицкий велик день» (вторник на Фоминой неделе) отличается от других дзедов тем, что в этот день поминальная трапеза устраивается непременно на могилах. В этот день хозяйки обязательно пекут «грибки», т. е. толстые блины из пшеничной муки, на масле и яйцах; запасаются водкой; к этому прибавляются куличи, яйца, сыр, масло и другие остатки пасхальных яств. Все это, завязанное в скатерть, несут на кладбище; там покрывают скатертью могилу, которая к этому дню приводится в порядок, и расставляют на ней принесенное. Что не съедят, оставляют на могиле; на нее же льют водку, если покойник любил выпить, сыпят табак, если он был курильщик или нюхальщик. Иные, следуя более возвышенному взгляду, все остатки отдают нищим, оставляя на могиле только пасхальное яйцо.

Вампиры. Самым чудовищным порождением первобытного анимизма, несомненно, является вера в вампиров или, по белорусскому произношению, вупароў, упырей. Эти чудовища страшно кровожадны; особенно они любят кровь человеческую, но, при случае, не брезгают и кровью животных.

Только люди, знавшиеся при жизни с нечистой силой, превращаются по смерти в вампиров. По ночам они приходят в дома своих бывших недругов, а иногда даже дру-

зей и родных, ложатся на грудь избранной жертвы, припадают губами к ее сердцу и высасывают горячую кровь. Увидев «вупара», можно узнать, кем он был при жизни, ибо основные черты он сохраняет и после смерти, только у него губы раздуваются от частого сосания, а язык делается остер, как змеиное жало. Его-то вупар и запускает в грудь человека и потом из ранки высасывает кровь. Рана остается небольшая, так что ее и не заметишь, тем более что вампир ее искусно засасывает. Только по бледному лицу – так говорит поверье – можно узнать жертву алчности вампира. Тогда нужно пригласить сведущего человека, знахаря, чтобы узнать, кто этот вупар. Впрочем, для смельчака – это дело нетрудное. Нужно на ночь спрятать под сосуд зажженную восковую свечку, стараясь, чтобы свечка не потухла. А после полуночи – когда разгуливает нечистая сила – нужно, по временам, приподнимать сосуд и освещать комнату. При внезапном освещении вупар виден. Тогда бей его наотмашь осиновым поленом, заранее, конечно, приготовленным. Таким образом его можно «отвадить» от этого дома. Но чтобы окончательно прекратить его ночные похождения, для этого поверье рекомендует присмотреться, на кого из умерших известных чаровников он похож. Узнавши, надо раскопать гроб этого чаровника, отрубить ему голову и положить ее между ног, а тело прибить к земле осиновым колом. Это считается радикальным средством против вампира.



Традиционная женская и мужская одежда центральной Беларуси сохраняет великое множество архаических черт и весьма напоминает сделанные археологами реконструкции той одежды, что носили далёкие предки белорусов тысячу и даже более лет назад (музей народной архитектуры и быта в Озерках)



Каждая историческая область Беларуси сохранила и свой, особенный вид национального костюма (музей древнебелорусской культуры АН Республики Беларусь)



Национальные костюмы и ткани в экспозиции музея древнебелорусской культуры АН Республики Беларусь)



Искусство белорусских мастеров прошлого живо и сегодня

III.

Пережитки олицетворений

При помощи сновидений и некоторых других факторов, первобытный человек, как мы видели, научился одухотворять предметы, находить за их чувственной, материальной оболочкой неуловимую, неосязаемую сущность, – словом, пришел к заключению о двойственности как его самого, человека, так и всего внешнего мира.

Это весьма важный шаг вперед в процессе развития человеческой мысли и в деле выработки мирозозерцания. Важен он и сам по себе, и по своим дальнейшим последствиям. Достаточно обратить внимание на то обстоятельство, что фантазия, под влиянием сновидений, создавая мир грез, наполняя его причудливыми образами, тем самым шевелила застывший мозг дикаря, пробуждала его коснеющую мысль, призывала ее к деятельности. Работа мысли не пропадает даром: она дает в результате или увеличение запаса знаний, большую точность их, или улучшение мыслительной способности; всякий шаг на этом пути облегчает следующий, иногда его обуславливает. Пробужденная мысль первобытного человека, подчиняясь данному ей толчку, начинает углубляться в раскрывающийся пред ней мир, проникает в него дальше и разностороннее, чем это было возможно при одном грубо-материалистическом отношении к предметам наблюдения. Если прежде, в период фетишизма, дикарь знал отдельные предметы, легко подмечал единичные признаки, то на дальнейшей ступени развития, по мере накопления наблюдений, он стал подмечать более общие признаки, видовые и родовые, – и ум его, поднятый ани-

мистическим строем мышления на высшую ступень, получил некоторую способность к отвлечениям: он разбил наблюдаемые явления на группы, сообразно их общим признакам, и создал соответствующие понятия видовые и родовые. Прежде, положим, первобытный человек знал березу, сосну, дуб, – теперь он знает *дерево*. Прежде, положим, он знал *свой огонь*, приносил ему жертвы, попросту – кормил его, бросая в очаг часть своей добычи, в благодарность за то, что он его обогрел; но, заметив тождество между своим огнем и всяким другим, он стал поклоняться *огню вообще* и приносить ему жертвы. То же самое можно вывести и относительно других предметов, которым поклоняются дикари.

С течением времени, вследствие накопления все большего и большего количества наблюдений, при чем предполагается, что ум человеческий их переваривал, группировал, обобщал; вследствие педагогического влияния старших поколений, более опытных, на младших; вследствие, наконец, таких факторов, как естественный подбор и борьба за существование, из которых первый подхватывал улучшения в органе мышления, передавая их по наследству, закрепляя их в потомстве, а второй давал победу умнейшему, более приспособленному к борьбе, – вследствие всего этого мысль человеческая, в ряде поколений, все более и более совершенствовалась, становилась способной к более широким обобщениям и отвлечениям.

Отсюда в процессе выработки мирозерцания вот что выходит. Человек, подметив единообразие известного класса явлений, заключает о единстве воли их производящей. Но волю он знает только в личностях; поэтому он создает *личных* деятелей, управляющих этими явлениями. Подобно тому, как некогда он переносил на предметы внешнего Мира свойства своей личности, так и теперь во-

ображаемых деятелей природы он творит по образу и подобию своему, наделяя их свойствами, присущими человеку. Так наступает стадия *политеизма*, олицетворяются стихии, являются «ово боги небесные, а другие земные, а другие польстие (полевые), а другие водные».

Характер этих олицетворений, их свойства, их размеры, их сила зависит, как показал Бокль*, главным образом, от *общего вида природы*, среди которой обитает данный народ. Так, например, в странах, наполненных высокими горами, вершины которых покрыты вечным снегом, подверженных частым землетрясениям и вулканическим извержениям; в странах, где протекают большие реки, причиняющие страшные наводнения, иногда образующие шумные водопады, где свирепствуют опустошительные ураганы, где растительность пышна, могуча, недоступна для человека, где множество ядовитых змей, кровожадных зверей, словом, где жизнь дикаря в постоянной опасности, – в таких странах, ум первобытного человека, подавленный величием природы, цепенеет, мало развивается, а фантазия, возбуждаемая разнообразными явлениями к деятельности и не регулируемая, не сдерживаемая в надлежащих пределах рассудком, напротив, чрезмерно развивается. Дело понятное. С одной стороны, сопоставляя, сравнивая свои слабые силы с силами величественной природы, человек, невооруженный знанием, должен придти к печальному сознанию своего бессилия, а при таких условиях у него едва ли могут пробудиться попытки к ближайшему исследованию природы, к подчинению ее своей власти, ибо сознание своего бессилия – плохой помощник во всяком деле, в том числе и в деле исследования природы, проникновения в ее тайны. С другой стороны, непонимание грозных явлений природы порождает

* Истор. цивилиз. в Англии, т. I.

страх перед ними, а страх возбуждает фантазию, иногда до болезненности. Естественно, что воображение, пораженное страхом, олицетворяя грозную, могущественную стихию, придает своему созданию соответственно грозный, могущественный, даже чудовищный образ.

Совершенно противоположное мы видим на крайнем севере. Чрезвычайное однообразие природы этого края, а, следовательно, и скудость впечатлений от внешней действительности, обусловило бедность мифологического творчества его обитателей. Там мачиха-природа, так сказать, придавила своей ледяной рукой творчество своих пасынков, парализовало его.

Среднее между двумя этими крайностями представляет нам природа умеренных стран, особенно тех местностей, где нет высоких гор, вулканов и частых землетрясений, где растительность не столь пышна и недоступна, как в странах тропических, где крупных хищников и других вредных животных гораздо меньше, где климат здоровее, словом — где природа представляется заботливою матерью, которая не балует своих детей излишней роскошью, не изнеживает их, но и не пугает своей суровостью или недоступностью. В таких странах ум человеческий менее запуган, критическая мысль более развита и равновесие между развитием ума и фантазии не нарушено, а вследствие этого и образы мифологического творчества обитателей таких местностей лишены чрезмерной чудовищности и колоссальности, более подходят к размерам человеческой личности.

В зависимости от природы белорусского края, не блещущей, как известно, яркими красотоми, величием, могуществом, недоступностью, и олицетворения ее сил и другие создания мифологического творчества белорусов, поскольку они сохранились в памяти и воображении этого народа, также не отличаются величиим, особенным могуществом, пластичностью своих форм,

отчетливостью очертаний; напротив, почти все они бледны, расплывчаты, недостаточно определены. Надо полагать, что они потускнели от времени, поистерлись, как стирается старая монета от долговременного употребления; но, в силу вышесказанных оснований, можно думать, что и в былые времена они не отличались особенной яркостью и рельефностью. От некоторых мифологических созданий сохранились лишь незначительные обрывки, клочки, по которым нельзя составить цельного представления.

Чур. Так, например, белорусское заклятие, употребляемое для ограждения от нечистой силы: «Чур мяне!» – представляет, как думают, обращение к покровительству божества Чура или Щура. Название отдаленного предка, производное от Щур, именно – пращур, употребляемое и теперь не только у белорусов, но и у великорусов и малорусов, дает основание предполагать, что Чур – божество родовое, предок, родоначальник, который и по смерти «радеет» своему роду и охраняет его членов от козней духов враждебных родов и вообще от всякой нечистой силы. Другое производное белорусское слово от этого же имени «зачураться» значит призвать Чура и тем оградить себя от нечистой силы, а также значит провести черту углем или мелом* или чем-нибудь другим на земле или на полу, за которую, согласно поверью, никакая нечистая сила не может перейти. Так «чураются» все те, которым приходится иметь дело с нечистой силой, особенно с вампирами; так «чураются» в подобных же случаях герои народных сказок. Из этого можно заключить, что Чур, вероятно, считался охранителем границ родовых владений,

* Угли для этого надо выбирать из печи, вытопленной в Страстной четверг до восхода солнца, или брать с «каганца», когда справляется «женильба комина», а мел рекомендуют употреблять тот, которым пишут кресты на косяках в день Крещения.

что он не позволял другим духам проникать за черту, за свою межу. Это мнение отчасти подкрепляется смыслом другого белорусского глагола: «отчураться», что вообще значит – не касаться, считать себя непричастным, а в частности значит отказаться от батьковщины. Даже и в первом случае, когда желают выразить окончательный, решительный отказ от чего-нибудь, то употребляют выражение: «отчураться хаты и таты». Это наводит на мысль, что первоначальный смысл слова выражал отказ от родового имущества и рода, означал, так сказать, выход из-под власти и ведения Чура. Вот, кажется, и все, что сохранилось в языке народа относящегося к Чуру, но в воображении народа не осталось о нем никакого представления.

Пережитки верований в усадебных божеств. Более посчастливилось в этом отношении другим первобытным божествам, которых мы назвали бы *усадебными*, ибо подведомственная им область ограничивается крестьянской усадьбой; впрочем, даже и эта тесная сфера размежевана между ними довольно точно и определенно. Мы говорим о дымовом (домовом) или хатнике, ёўнике или гуменнике, лазьнике и хлеўнике. Первые три божества разнятся только названиями, да сферю своего влияния, а по своему характеру и даже по своему виду, или, вернее, по тому виду, которым их наделяют белорусы, сходны между собою. Есть основания полагать, что хатник, евник и лазьник (от лазьня – баня) – это олицетворения первобытного домашнего фетиша – огня.

Хатник или дымовый напоминает собою великорусского домового. В воззрениях белоруса он наделяется всеми качествами домовитого хозяина. Те, кому он «здавауся», как выражаются белорусы, т. е. представлялся, привиделся, – говорят, что он имеет вид старенького дедка, с седой бородой и длинными седыми волосами;

одет он в «насоу» (белорусск. холщевый кафтан), а другие говорят – в белую рубаху; подпоясан он «дягой» (ременным поясом), а по другим версиям – лыком. Спит он на печи или под печью, поэтому его иногда называют *подпечником*. Встает он рано и пугает петуха, толкая его. Петух, с испугу, хлопает крыльями и кричит, чем будит хозяев на работу. Иногда домовый, как говорят многочисленные рассказы и поверья о нем, вздувает огонь и идет в клеть или в «свирен» (амбар) и просушивает хлеб, пересыпая его горстями; заглядывает в хлев и задает корму лошадям и коровам, гладит их и холит. Такие ухаживания «господаря» (другое название домового) очень благодетельны: зерно «спорнеет» от пересыпаний домового, скот становится бодрым и выносливым от его поглаживаний. «Господарь» любит дружную семью, он не терпит сварливых баб и иногда строго наказывает зачинщиков семейных несогласий: ночью, во время сна, он наваливается зачинщику на грудь и душит его. Иногда же он любит и пошалить, когда в хорошем расположении духа, когда все дела идут хорошо и хорошее предвидится в будущем: тогда он пляшет на «лаве» в хате или в клетке или в сенях. Когда же семье предстоят несчастья, он, предчувствуя это, начинает завывать по ночам и этим предупреждает хозяина. С домовым нужно жить в мире, нужно уметь ему угождать, а это требует известного искусства со стороны домохозяина. Прогневишь домового – и он не только не будет «сприять», но даже может повредить в хозяйстве.

В некоторых местностях Белоруссии (Борисовский и Лепельский уезды), при закладке нового дома, под одним из углов отрубают голову петуху, которую и зарывают тут же в землю или просто кладут под угловой камень. Петуха же жаривают для обычной закуски при закладке всякого нового здания. Иногда этот обряд совершается при закладке

печи*. Это, несомненно, остаток прежних жертв домовому; тем более что в древности кур часто приносили в жертву богам, как об этом, между прочим, упоминается в слове Христороубца: «Куры им (богам) режут».

К отголоскам первобытных жертвоприношений домовому также надо отнести повсеместно распространенный в Белоруссии обычай затыкать в углы и щели дома человечьи волосы, вычесанные или остриженные, и ногти. В настоящее время домовые, как видно, менее кровожадны, если, вместо животрепещущего мяса и теплой крови, довольствуются такими неудобоваримыми вещами, как волосы и ногти.

Нам кажется, что домовый представляет с одной стороны антропоморфизацию огня, домашнего очага, на что указывает название «дымовый»**, а также то обстоятельство, что его местопребывание главным образом приурочивается к печи, к очагу. Правда, по тем же верованиям, живет он и в клети; но клети в Белоруссии в большинстве случаев устраивают теплые, с печами, чтобы можно было пускать туда зимний приплод домашних животных и ставить все то, что не должно замерзать (такие клети называются *истопками*, *издобками*; от слова – топить, топливо), и там, в клети, его помещают на печи или под печью, что не только не опровергает нашего предполо-

* Понимание значения этого обряда утеряно белорусами: совершается он просто по традиции. Нам, впрочем, объясняли зачем отрубают голову петуху при закладке печи: «чтоб куры плодились». (Зимой их держат в подпечнике).

** Впрочем, может быть, что это искаженное произношение великорусского «домовой»; это название (дымовый) малоупотребительно в Белоруссии: домовый больше слывет под именем *господаря*, *хатника*, *подпечника*, иногда – *запечника*. Но если даже это только неправильное произношение великорусского слова, то и оно характерно, так как показывает, что домового, хатника народ ставит в непосредственную связь с огнем.

жения, а скорее подкрепляет его. С другой стороны – на домового, вероятно, перенесены некоторые черты Чура, обоготворенного родоначальника, ибо домовый, по поверьям, отличается такими атрибутами, которые свойственны родовому божеству: домовый, напр., убаюкивает раскричавшихся детей и надсматривает за ними, если они предоставлены самим себе*.

Евник и Лазьник. Но за то от домового отделились евник и лазьник, которые тоже, несомненно, «огненно-го происхождения», тоже олицетворения огня. Они получили свои особые, слишком уж узкие, области: первый – евню (овин), второй – лазню (баню). Белорусские овин и баня, по своему устройству, очень мало отличаются друг от друга, и овин нередко заменяет баню. Также мало отличаются друг от друга и их сберегатели, так что мы можем считать евника и лазьника родными братьями и ближайшими родственниками домового.

Евник живет в овине, в печке или на печке; по внешности он отличается от домового только тем, что этот последний «сдается» в белом «насове», а евник черен (надо полагать – от постоянной копоти безтрубой печи), только глаза, как угли горят. Тот и другой с решительно хозяйственными наклонностями: евник по ночам подметает гумно, веет зерно, придает ему «спорню», а у *знающих* хозяев даже молотит по утрам.

Когда насаживают евню, т. е. кладут снопы для просушки, то бросают сноп в огонь; также по окончании молотбы, оставляют сноп ржи в евне, чтобы евнику «была занятка». Если прогневить его, то он начнет бросать снопы в огонь и сожжет овин – так объясняют белорусские крестьяне частые пожары овинов, происходящие от дурной насадки снопов.

* Отсюда, вероятно, пословица: Богатому черт детей колышет.

Лазьник любит париться и мыться; ему оставляют для этой цели веник и воду. Свои омовения он совершает после полуночи, а потому не любит, чтобы кто-нибудь оставался до этого времени в бане. Если же кто остается так долго, то лазьник начинает бросать с печи камни, стараясь убить дерзновенного.

Хлевник. Несколько иным характером отличается хлевник. Домовой и евник всегда желанные гости, с ними дружат, им угождают. Они сравнительно нрава безобидного, заботятся о приумножении хозяйства, если живут в ладу с хозяином. Но не таков хлевник и не таково отношение к нему. Как только обнаруживают, что он завелся, сейчас же стараются его выжить, избавиться от него. И не диво! По поверью – он портит скот; он ездит по ночам на лошадях в конюшне, а от такой езды лошадь быстро худеет, слабеет и, если не избавить ее вовремя от хлевника, то вскоре околевает. Иногда он ездит попеременно то на одной, то на другой лошади, а иногда привязывается к какой-нибудь одной излюбленной. Лошадь бьется, мечется, старается сбросить хлевника, но это ей не удается. Она ржет, зовет на помощь хозяина; войдет он – никого нет, только лошадь взмылена и не может отдышаться. То же бывает и с коровами, – и на них хлевник ездит. Коровы бегают по хлеву, мычат, быстро тощат и перестают давать молоко.

Хлевник почему-то боится сороки, и опытные кучера вешают эту вещую птицу над дверями конюшни. Но ворожбитка и лекарка м. Холопенич Борисовск. уезда, Розалия Осьмак, от которой мы позаимствовали значительную часть наших материалов, сообщила нам, что самое верное средство изгнать хлевника – следующее. Нужно свить из «поскони»* кнут (пугу), – свить в три «стволки»; на кон-

* Конопля с тычинковыми цветками.

це завязать три узелка; от них на расстоянии одной пяди еще три, а через пядь и еще три. Этот кнутик навязать на осиновое «пугавье». В ночь, когда настает «молодзик» (новолуние), перед воротами хлева поставить жаровню с осиновыми горячими углями; впрочем, могут быть угли и другие, но осиновые как будто бы лучше. Когда все это готово, тогда, взявши корову или лошадь за хвост, нужно гнать ее через хлев к двери, стегая наотмашь кнутиком и стараясь перегнать через жаровню. И так перебрать всех коров и лошадей. При этом следует приговаривать: «Пошла, хира (немочь, болезнь, погань) наўзвей вецер!»

Или же:

*Як у нас Юр'я
Кони пасець,
Статок сциражець,
Нячистую силу
Прочь отгоняиць,
Хлеуника и цмока
Вожяхом пориць,
Приговариваиць: Хира у лес! (3)*.*

Если на котором-нибудь животном и сидел хлевник, то, от соединенного воздействия кнута из «посконных» волокон, который рассекает его тело до крови, огня, которого он боится, и, наконец, заговора, которому придается чудесная сила, он не дерзнет возвратиться вспять и оставит стадо в покое.

Из сказанного видно, что хлевник едва ли был когда-нибудь богом-покровителем стад. Атрибуты Волоса, скотьего бога, перенесены на св. Георгия, которого народ и считает покровителем стад, защитником от волков, вовколаков, хлевников, гадов, ведьм-коровниц, отбирающих у коров молоко; тогда как хлевник является силой

* Этот же заговор произносят пастухи, обходя стадо, когда в первый раз выгоняют его на пастбище.

враждебной, недоброжелательной, причиняющей вред стаду, силой, против которой необходимо бороться при помощи св. Юрья и огня-очистителя. Искусным считается тот пастух или конюх, который умеет умиловить св. Юрья и изгнать, в случае надобности, хлевника.

Также очевидно, что хлевник не представляет, так сказать, разновидности домового, ибо домовый, как мы видели выше, любит лошадей и коров, ласкает их, холит и от его ухаживаний скот улучшается, тогда как хлевник, раз он поселился в хлеву, приносит животным только вред. И прототип домового, огонь, имеет свойство изгнать его. Домовому надлежит быть в каждом порядочном доме, а хлевник появляется случайно или насылается лихими людьми.

Змей-деньгоносец. Чтобы покончить с домашней «нечистой силой», нам еще необходимо сказать несколько слов о змее-носителе-денег.

Про каждого сколько-нибудь богатого крестьянина в Белоруссии говорят, что «ему змей гроши носиць», и вы встретите немало людей, которые самолично, воочию, видели-де этого змея; при том вам укажут чей он, т. е. какому богачу принадлежит. Но всего интереснее то, что такие змеи, по рассказам, производятся искусственно. На этот счет существует такое поверье. Если черный петух проживет семь лет, то к концу седьмого года снесет особого вида яйцо, напоминающее, будто бы, по форме раковину обыкновенной улитки. Это яйцо нужно носить под мышкой три года. Тогда вылупится из него маленький змееныш. Его нужно холить, держать в тепле, кормить яичницей (это его исключительная пища) и ничем не раздражать. Выросши, он станет летать, отыскивать клады и носить деньги своему хозяину. Живет змей в клетке (истопке), никому не показывается. Туда ему хозяин или хозяйка каждодневно носят свежую яичницу. Но ее

почему-то нельзя солить: ничем так не прогневишь змея, как посоливши ему яичницу. За это он сжигает все хозяйское добро и сам улетает. Вообще он, рассердившись, мстит пожаром. Если кто-нибудь увидит его несущего деньги и оскорбит неприличием, то он деньги рассыплет, а своего хозяина почему-то сожжет.

Каков вид у этого змея?

Мы предлагали этот вопрос тем лицам, которые, по их словам, видели его. Ответы получались разные. Но большинство того мнения, что он похож на обыкновенного ужа, только гораздо больше его, – весь золотой, горит, как жар, и имеет крылья. Другие уподобляют его человеку, который, впрочем, может летать.

Нам часто приходилось слышать в деревне: Змей полетел. Это был какой-нибудь блестящий метеор.

Сопоставляя все вышесказанное, мы затрудняемся, где искать предков змея. Что это один из пенатов, из домовых, не подлежит сомнению: это только особый вид домового; это – клетник, потому что в хате он не живет, а только в клетки. Возможно, что он представляет дальнейшую эволюцию ужей-фетишей; но с другой стороны – слишком бросается в глаза его «огненный характер»: он и сам как жар горит, и когда летит, то оставляет огненный след, и рассердившись, сжигает хозяйское добро, так что последнее заставляет предполагать в нем одно из олицетворений огня. Чтобы примирить эти противоречия, нам кажется наиболее вероятным предположить, что это создание народной фантазии представляет слияние двух фетишей: огня и ужа; таким образом и получилось представление об «огненном змее», каким его воображает белорусский народ. А если верно предположение, что домовик, которого белорусы воображают в человеческом виде, есть олицетворение огня, тогда становится понятным и уподобление змея-деньгоносца человеку.

Олицетворения стихий. Выше мы видели, что усадебные божества, за исключением одного Чура, довольно отчетливо представляются воображению белоруса. Но нельзя того же сказать о стихийных божествах, олицетворениях сил природы, более удаленных от непосредственных, так сказать, домашних интересов белорусского крестьянина.

Например, от *Перуна*, бога небесного огня (следовательно, родственника домового), – бога, как говорят летописи, некогда главенствовавшего на славянском Олимпе, – от этого громоносного и дождящего бога сохранилось очень немного. Перун убивает, посылая свои каменные стрелы в клубы огня; стрелы убивают, а огонь сжигает. Свои удары он направляет более всего на черта; а черт любит прятаться во время грозы под деревом, поэтому опасно становиться под деревья, чтобы укрыться от дождя: вместо черта Перун может убить человека. При громе и молнии надо креститься, чтобы отогнать от себя черта.

Нам не раз приходилось слышать такое объяснение происхождения грома и молнии. Перун держит в руках два чрезвычайно громадных жернова, трет ими и ударяет один о другой; трением и ударами он производит гром и извлекает молнию, подобно тому, как извлекают искры, ударяя сталью о кремень. Осколки жерновов, отскакивающие при ударах, летят на землю и поражают, как стрелы. Мы уже имели случай говорить, что перуновыми стрелами народ называет каменные топоры и ножи.

Водзяник или *Водзяный* живет в «живой» воде, т. е. только что пробившейся из-под почвы. Каждый «вир» (водворот, а также источник в реке или озере) имеет своего водзяника; они же обитают в криницах бездонных, в глубине рек и озер, вообще в таких местах, которые зимою не замерзают: это – по объяснению народа – лед тает

от дыхания водяника. Сохранилось до сих пор воззрение, что водяник требует человеческой жертвы, и невольные утопленники считаются жертвами его хищничества: он тянет их к себе на дно. В Белоруссии указывают много мест, на которых, по преданию, были некогда озера, и в них обитали слишком жадные водяные. Они очень часто таскали людей «у вир». Тогда окрестные жители обращались к какой-нибудь знахарке, и она, отыскав вир, смело ныряла на дно, затыкала жерло – главный источник озера – «горохвинами» и закладывала сверху камнем. Вода в озере мало-помалу иссякала, и водяной переселялся куда-нибудь в другое место.

Русалки. В воде же живут и русалки. Они, впрочем, могут считаться «земноводными», потому что обитают в воде только с осени до «русальной недели» (первая после Троицы). Тогда они выходят из воды и поселяются на ветвях деревьев, особенно на березах. Русалки качаются на их гибких ветвях, подзывая прохожих: «человек! человек! ходи колыхаться!» А если кто сдуру подойдет к ним близко, то они защекочат его до смерти.

Представляются они воображению белоруса красивыми женщинами, с распущенными длинными волосами. Пока русалки не выйдут из воды, т. е. до русальной недели, считается опасным купаться, потому что или болезнь какая-нибудь приключится, или русалки к себе заташат в глубь реки и утопят.

Существует поверье, что души детей, умерших до крещения, превращаются в русалок.

Леший. Над лесами и всем, что в них, властвует леший. Это, кажется, наиболее величественный образ, созданный фантазией белоруса. Оно и понятно: в природе его страны, за исключением грозowych явлений, дремучие леса были наиболее величественны, таинственны, более всего поражали воображение своим заунывным шумом

при легком ветре и треском ломающихся деревьев, стоном, пронзительными воплями, диким хохотом и другими странными звуками, которые наполняют лес во время бури или урагана. Под влиянием впечатлений из жизни могучих лесов своей родины белорус и создал образ своего лесовика или лешего. Он ростом в уровень с деревьями того леса, в котором разгуливает. Он может увеличиваться и уменьшаться, принаравливаясь к величине деревьев. Он чрезвычайно силен: когда разыграется в лесу во время бури, то с корнем вырывает могучие дубы, на куски ломает вековые сосны, в лоск кладет множество деревьев, застилая свой путь в лесу, чтобы никакая сила не могла пробраться по его следам к его логовищу. А живет он в так называемом «маточнике» – это середина пуши, совершенно недоступная для обыкновенного смертного. *Маточник* окружен непроходимым лесом, запружен массою валежника и сверх того – его облегают засасывающие болота, которые не замерзают и в самые суровые зимы. Там-то и живет леший со своими зверями и птицами. Все крупные звери туда идут умирать: они только знают таинственные тропы, которыми можно пробраться в маточник.

Когда леший разгуливает по своим владеньям, его сопровождают стада зверей и стаи птиц, особенно совы, филины, вброны и сороки. Голова его покрыта длинными кудрями, так что напоминает верхушку сосны; громадное туловище, одетое в звериные шкуры – волчьи и медвежьи – шерстью навыворот; руки и ноги толсты и крепки, как стволы дубов, глаза горят, как у волка или совы. Он «ржет», хохочет, когда весел; волком воет, когда печален; рычит, как медведь, когда зол, а по временам дико взвизгивает. Он плещет в ладоши, и от этого треск идет по лесу. В руках он держит иногда громадную дубину, которою ударяет по деревьям; оттого-то, как полагают,

и слышится в лесу грохот. По другой версии – в руках у него длинный бич, которым он хлопает, подгоняя своих спутников.

Такой леший водится только в больших лесах и пущах; с ним очень уж опасно встречаться. А в малых лесах и леший бывает поменьше; впрочем, и ему пальца в рот не клади: может изрядно напугать человека и волками за-травить.

Подвей – это тот дух, который кружится в вихре. Он поражает людей особой болезнью, которая тоже называется подвеем: набежит вихрь на человека – и свернет ему голову набок, отнимет язык, а не то скрючит руку или ногу. Поэтому надо спасаться от вихря. Когда он кружится, надо показывать ему кукиш: этого подвей не любит и промчится стороной, не набежав на человека.

Других олицетворений из области атмосферических явлений белорусы не знают.

Легендарный шкловский идол, датируемый X столетием, сделан из песчаника и был найден в окрестностях г. Шклов Могилевской области в 1963 г.

Этот один из немногих сохранившихся идолов времен славянского язычества ныне представлен в экспозиции национального исторического музея Республики Беларусь в Минске

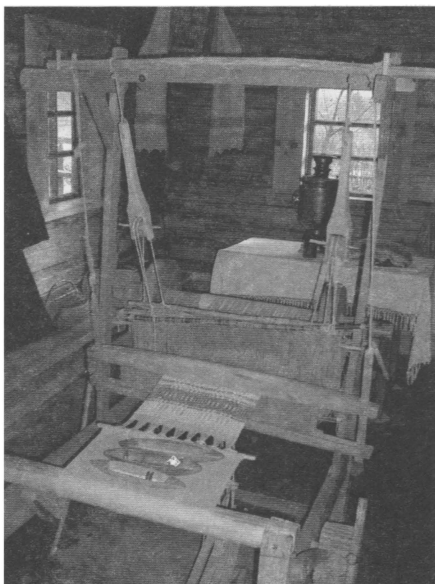


Один из весенних обрядовых хороводов, сфотографированный этнографами в белорусском Поднепровье уже после Великой Отечественной войны





Прялка – неотъемлемая часть бытовой утвари у всех восточных славян, не только у белорусов. Предмет, как принято говорить, высокой степени сакральности, ибо прядущая кудель женщины уподоблялась в далеком прошлом богине-матери, свивающей нити человеческих судеб. Особое отношение к пряже-нию сохранялось у славян очень долго... (музей народной архитектуры и быта в Озерках)



Кросны, ручной ткацкий стан. Его устройство не менялось на протяжении столетий, а может быть, и тысяч лет. Также наделялся народным сознанием различными волшебными качествами и мифологическими чертами (музей народной архитектуры и быта в Озерках)

IV. ПЕРЕЖИТКИ СОЛНЕЧНОГО КУЛЬТА

Достигнув известной степени умственного развития, первобытный человек, наблюдая явления природы, не мог не заметить той зависимости, в которой находятся растения от солнечной теплоты и света. Когда же, так или иначе, было сознано, что без теплоты и света не может быть растительной жизни, то отсюда не трудно сделать вывод, что без растений не возможна жизнь животных, а без тех и других не возможна жизнь человека. Это сознание, на ряду с другими причинами, в разбор которых мы не намерены вдаваться, повело к обоготворению солнца, как источника теплоты и света, как плодотворного начала, *дождь-бога*, дающего изобилие плодов земных и саму жизнь; а обоготворение повело к созданию культа, в котором выражалось в известных формах отношение человека к обоготворяемому светилу.

Культ солнца был тем более развит и его проникновение в мирозерцание народа тем глубже и значительнее, чем больше народ освоился с мирными земледельческими занятиями и зависел от них, а не от войны и грабежа.

Наши предки, как известно, вынесли свои верования из своей первобытной родины – арийского нагорья, страны вечного солнца и лазурного неба, где им были уже известны начатки земледелия. А так как и осевши на новых местах, они продолжали заниматься земледелием, то понятно, что культ бога земледелия и мирных искусств, солнца, играл в их мирозерцании и в обрядовой стороне их жизни важную роль, о чем свидетельствуют памятники нашей древней письменности и многочисленные пережитки. Белорусы, как народ преимущественно

земледельческий, в своих воззрениях, обрядовых песнях и празднествах сохранили немало таких характерных особенностей, которые являются видимым отражением древнего солнечного культа. Правда, в белорусской речи не сохранилось прежних наименований, приписываемых солнцу, в роде Сварожича, Хорса Дажьбога, Ярилы, но древние празднества в честь солнца, связанные с весенним и осенним равноденствием, с зимним и летним солнцестоянием, и теперь отбываются в Белоруссии. Они, конечно, приноровлены к христианским праздникам, но связаны с такими воззрениями и сопровождаются такими обрядами, которые ничего общего не имеют с христианским значением праздника. Таковы коляды, масленица и великодни, купала и богач.

Общая черта всех этих празднеств – их открытый, общественный характер; они празднуются «сбор-дружиной», толпой; это не то что «дзяды», которые справляются каждой семьей отдельно.

Коляды. Трудно сказать, что означало слово *коляда*. Было ли это название божества, или название праздника, посвященного некоторому божеству, или то и другое вместе, – на этот счет только можно делать более или менее остроумные догадки: ученые исследования, поскольку они касались этого вопроса, не дают ничего положительного и убедительного. Но, наблюдая обряды и суеверия, связанные с этим празднеством, исследуя колядные песни, можно придти к заключению, во-первых, что коляды служили началом года, во-вторых, что празднование их имело тесную связь с хозяйственной стороной жизни народа, с его земледельческими воззрениями и, в-третьих, имело, в некоторой степени, связь с брачными или вообще половыми отношениями народа.

Все это дает основание отнести коляды к числу празднеств солнечного культа. А такое празднество могло

возникнуть только тогда, когда первобытный человек настолько обогатился наблюдениями, настолько развил свой ум, что мог установить связь между важнейшими явлениями внешнего мира, мог понять, хотя бы и несовершенно, грубо-эмпирически, соотношение между ними; когда он уже имел представления о прошлом и заглядывал в будущее, а не только жил интересами текущего дня. Для этого, как показали наблюдения над жизнью дикарей, человек должен был пройти долгий путь.

Но когда была замечена правильная последовательность времен года и установлена зависимость их от того или иного положения солнца на небе, было естественно считать началом года то время, когда солнце как бы возрождается, поднимается все выше и выше, светит дольше, когда дни увеличиваются, а ночи уменьшаются; празднование же коляд почти совпадает с этим временем. Затем, раз установлена связь между солнцем и плодородием, естественно было придать празднеству в честь солнца земледельческий характер. А так как эта связь понимается первобытным умом в том смысле, что солнце своими любовными ласками оплодотворяет землю, отсюда могло возникнуть представление, что любовь, половое влечение, находится в зависимости от солнца, есть следствие его влияния. Отсюда *любовный* (в половом смысле) характер празднества. Впрочем, нужно сказать, что эта сторона солнечного культа довольно слабо выражена в колядных обрядах; она сосредоточена главным образом в праздновании Купалы.

Белорусы употребляют слово *коляда* в двух значениях: как название празднества и как название продуктов, приготовляемым к колядам из свинины: колбас, сала, окороков, – все это в собирательном смысле называется колядою. Например, выражаются так: дал ему немного коляды, разумея кольцо колбасы, кусок сала и т. п.; или

же: у него всю коляду украли, – при чем также понимают продукты, приготовленные из свиного мяса. В этом же смысле поется в колядной песне:

*Ехала Коляда по ляду,
Разсыпала коляду.*

А в первом смысле, в смысле праздника, название коляды присваивается трем дням: кануну Рождества – это постная коляда; кануну нового года – это богатая коляда, иначе тоустая, тлустая (жирная), щедрый; и кануну Крещения Господня – это крещенская коляда или голодная. Но в некоторых местностях под словом коляды понимают все время с 24 декабря по 6 января. Иногда вместо коляды употребляют слова *кутця*, т. е. название главного блюда, обязательно приготовляемого на каждую коляду, присваивают самому дню. Но какого-нибудь личного существа, называемого колядой, народ не представляет; по крайней мере, нам не удалось подметить сколько-нибудь ясных признаков того, что такое представление существует, хотя это и можно бы думать, судя по вышеприведенному отрывку песни.

Как без блина – не масленица, так без колбасы, жирной верещаки – не коляды, и каждый хозяин старается заколоть к этим праздникам откормленного кабана, а не то и двух, кто посостоятельнее. Странное дело: как ни блюдут крестьяне посты, но при разборе убитой свиньи многие не могут устоять от соблазна, чтобы не полакомиться «свежинкой», особенно белоруссы-католики, которые менее строго относятся к соблюдению постов.

Пластанье колядной убоины – это целый обряд, которому белорусы придают важное значение в смысле гадания, главным образом, на счет урожаев будущего года. Сначала кабана делают крестообразно надрез на груди; потом перерезают горло и собирают кровь в особый сосуд (из крови, смешанной с мукой, пекут блины). Если

кровь льется обильно, непрерывной струей – это значит, что лето будет дождливое; отсюда вывод, что навоз надо запахивать, а не сеять «под пристилку». Длинная грудобрюшная преграда – по-белорусски *коса* – предвещает долгое лето; если она быстро суживается к концу – это знак, что только первые посевы будут удачны. Наблюдают, каких зерен больше в требухе, полагая, что такой род хлеба будет наиболее урожайным. Так гадают старики, отцы семейств, озабоченные на счет урожая будущего года, а девушки, заинтересованные больше по части женихов, получают в свое распоряжение печень и, всматриваясь в ее блестящую поверхность, стараются увидеть там отражение своей будущей судьбы.

Во всем этом нельзя не усмотреть связи с языческими жертвоприношениями, которые, как известно, сопровождалась гаданиями по внутренностям жертвенных животных. Весьма вероятно, что у наших предков на коляды – время зимнего солнцеворота, именно кабан приносился в жертву солнцу, и по внутренностям животного гадали о тех предметах, которые, по первобытным воззрениям, находились в зависимости от этого божества. Как мы увидим далее, все коляды сопровождаются гаданиями, при чем эти последние распадаются на три отдела: гадания, так сказать, хозяйственные, земледельческие; гадания о суженом, любовные; и гадания вообще о грядущей судьбе: «про живот, про смерть, про весь род человек». Всего естественнее было гадать о будущем в начале года, а это отчасти указывает на то, что коляды считались именно началом года; также естественно гадать об урожаях и любовных делах в то время, когда справляли праздник именно бога земледелия, плодородия и любви, каковым, несомненно, считалось солнце. В дальнейшем мы найдем еще подтверждения всему этому.

На *постную коляду* (24 декабря) готовят кутью с сытей, поливку с грибами или рыбой, оладьи с медом или маком, блины, рыбу жареную, клёцки, кисель, – словом, чтобы было побольше блюд, но никак не меньше семи, – число, которое в обрядовых трапезах имеет, по видимому, символическое значение.

Вечером, как только покажутся звезды, когда уже все в избе прибрано, выметено, вычищено, кладут на стол сена, сверху покрывают скатертью, кладут хлеб-соль и ставят кутью. Все молятся Богу. Затем хозяин берет кутью и, вышедши на двор, обносит вокруг дома, если это возможно, или кругом двора, потом, подойдя к окну, стучит трижды. Из избы хозяйка или старший в семье спрашивает: «Хто там?» Хозяин отвечает: «Сам бог идзець, кутцю нясець» – и после этой оригинальной церемонии входит в хату. Кутья ставится на стол, и начинают есть все из одной миски, не спеша, наблюдая, чтобы все брали по очереди, по старшинству. Описанный обычай существует в Бобруйском уезде; в других местностях зовут мороз кутью есть, при чем просят его, чтобы он не поморозил всходов. Все едят до отвала; нельзя ни одного блюда проминуть.

После вечера *гадают*. Вытягивают из-под скатерти стебельки сена и по длине заключают, каков день будет – длинный или короткий. Ищут в сене зернышек, и если найдут, скажем, ячменное зерно – значит ячмень уродится. Вытягивают колосистые травы и по сходству их колосков с колосьями хлебных растений заключают какой хлеб будет наиболее урожайным. Частые звезды на небе в эту ночь означают, что будет много грибов и ягод. Парни и девушки топят воск и льют в воду, стараясь по отлившимся фигурам угадать свою судьбу. Девушки, захватив краюху хлеба, выбегают на «смалище» (место, где обжигали кабана) и, кушая хлеб, слушают, в какой стороне раздастся звук – говор, лай собаки и т. п. – туда ей

выйти замуж. Гадают и на другие коляды. Накануне нового года льют олово или свинец в воду и по фигурам гадают. Уединившись в комнате или в клетке, смотрят чрез кольцо на пламя свечи, надеясь увидеть суженого или то, что будет. Есть и другой подобный способ гадания. Надо, запершись ночью в бане и поставив перед собой зеркало, а по бокам его две свечи, смотреть в зеркало, не мигая, не отрывая глаз и не осматриваясь по сторонам. Кто не труслив и выполнит все условия в точности, тот увидит-де все, что ему предстоит важного в будущем. В вечер перед Крещением считают колья в заборе; перебирают их все до конца, приговаривая: кол – колица, кол – колица; если на последний придется – кол, значит, выйдет замуж, а если колица – значит не выйдет. Берут дрова в охапку и, принеся их в избу, считают четное или нечетное число поленьев захвачено; вывод тот, что если четное число, то выйти замуж. И много других есть способов гадания.

На *богатую коляду* готовят множество блюд, при том скоромных, жирных, тогда как на крещенскую коляду все блюда постные и готовится их менее, потому-то она и называется *голодной*. Особыми обрядами, кроме гаданий, о которых мы уже упоминали, они не отличаются.

Колядные обычаи и игры. Рождественская коляда начинается и кончается хозяйственный год. По обычаю, завешенному исстари, с этого дня нанимают батраков на год; так и уговариваются: от коляд до коляд. Но обычай требует, чтобы батрак, отбывший свой срок, не был удаляем до второго дня Рождества. При расчете его одаряют *колядой*: колбасами и салом. Бездомные батраки или гуляки отправляются в корчму, чтобы кутнуть на остатки полученного жалованья.

На коляды, после вечера, господа «сеют боб» по избе и по двору, чтобы хлеб родился как боб. А хозяйки кормят кур кутьей в обруче, чтобы они держались своего дома,

не клали яиц где попало. В течение двух недель между первой и последней колядой, даже в будни, нельзя производить никаких серьезных хозяйственных работ, кроме как присмотреть за скотом – задать корму, напоить – да приготовить обед. А вечером и совсем ничего нельзя делать. Эти вечера зовут *святыми*, а в иных местах *кривыми*, вероятно вследствие того поверья, что если в эти вечера работать, то приплод домашнего скота будет рожаться уродливым. Особенно нельзя шить и прясть; от первого, не только домашние животные, но и дети могут родиться слепыми, а от второго может свиться колтун в волосах. В эти вечера крестьяне собираются по избам, которые попросторнее, и проводят время в беседах, играх и забавах. Старики рассказывают подросткам сказки, поучительные бывальщины, примеры, загадывают загадки. Таков обычай. Также в обычае грызть в эти вечера орехи, играть в чет и нечет.

Взрослые молодые люди, собравшись отдельно, справляют *женитьбу Терешки*. Это специально колядная игра. Другие игры, как например «ящур» или «ящер», игра в «Бога и черта», хотя устраиваются в колядные вечера, но не обязательно: в эти игры играют и в другое время и при том играют больше дети и подростки; а в *женитьбу Терешки* играют исключительно на коляды и при том взрослые парни и девушки.

Женитьба Терешки – это игра-пляска, сама по себе не сложная. Она интересует взрослых молодых людей главным образом потому, что здесь непринужденно обнаруживаются их вкусы и взаимные влечения. Порядок игры таков. Сначала устраивается в сладчину выпивка и закуска, между прочим – для большей развязанности. Потом выбирают *святю*, – разбитную вдову, солдатку или девушку, которая побойчее. Это та же *пани-матка* малорусских вечерниц. Она ставит играющих в два ряда, по

одной стороне парней, по другой – девушек, и начинает сватовство. Берет одного из парней за руку и, вышедши с ним на середину, запекает особый куплет, подплясывая в такт напева:

*Цярешка валочитца,
Бо жанитца хочитца;
Ен туды-сюды зирнець,
Гдзе милу сваю найдзець.
Валочитца, выглядае,
Хто к яму любось мае.*

Скрипач при этом наигрывает подходящий мотив, а стоящие по сторонам плещут в ладоши и в ответ девушки поют:

*Цярешка, Цярешечка!
к моей хаці стежечка
Битая, топтаная;
Я у мамки каханая.*

Пройдя раза три-четыре взад и вперед, сватья выхватывает одну из девушек и вручает ее парню. Сватья пока отходит в сторону, а эта пара начинает плясать под пение хора:

*Цярешка хадзій, блукай, –
Ен жаны шукай, шукай,
Каб была пригожая,
Хоць куды дык гожая.
Узяў сабе дзевочку
Як тую пралесочку,
Тонкую, високую,
Лицом белоліцую.*

Но тут девушка, если ей сосватанный парень не нравится, ловким движением увертывается от него и убегает в ряд своих подруг. Муж старается ее поймать, а девушки закрывают. При этом поется:

*Цярешку беда стала:
С ким яго жана спала?
Под дубом зялененьким
С казаком молодзеньким.*

Парень ни с чем отходит на свое место. Если же молодые люди чувствуют друг к другу некоторую склонность или не желают обращать на себя внимания, то они отходят в сторону и становятся рядом, отдельно от тех, которые еще не женились.

Тогда сватья снова выступает на сцену и таким же порядком, как выше описано, соединяет новую пару. И так до тех пор, пока всех не переженит. Все это пересыпается остротами, шутками, прибаутками как по адресу сватьи, когда она сделает неудачный выбор, так и по адресу «молодых», если есть к тому повод, особенно, если парень неловок и не сумеет удержать девушку. зубоскалят больше парни: девушки заняты пением.

Когда все переженены, тогда с двух противоположных сторон выступают две пары и начинают плясать, а остальные поют:

*Мая ж ты жанулечка,
А я ж твой мужулечка!
Мы ж будзем на севци жиць,
Мы ж будзем дзяцей пладзиць;
Мы ж будзем гарелку пиць,
Мы ж будзем дзяцей жаниць и пр. ...*

В это время девушки снова ускользают от парней, а те их ловят, ищут. Когда так пропляшут все пары, та же процедура повторяется снова, с тою только разницею, что уже убегают парни, а девушки их ищут, при чем и куплеты соответственно изменяются, которые, надо сказать, довольно многочисленны и, смотря по местностям варьируются на разные лады.

Эта игра в женитьбу служит как бы прелюдией к предстоящему брачному сезону, и многие парочки впоследствии действительно соединяются брачными узами. Но мы остановились на этой игре потому, что в ней, по видимому, отразились пережитки древних брачных отно-

шений и обычаев, имевших, вероятно, связь с празднованием коляд, с культом того божества, в честь которого совершалось это празднество.

Ящур или *ящер*. Теперь в эту игру играют только дети да подростки, играют зимой в хате, весной – на лужайке. В последнем случае девочки сплетают венки из цветов и одевают их на головы, а зимой, на святках или в мясоед, вместо венков, довольствуются обыкновенными платками. Сначала девочки выбирают из мальчиков «ящур». Он покрывается большим платком, завязывая концы его на шее, так что выходит нечто в роде мантии.

Ящур усаживается на чем-нибудь, а вокруг него девочки, взявшись за руки, образуют *колотанок*, хоровод, и, кружась то в одну сторону, то в другую, напевают:

Сядзиць, сядзиць, ящур, –
Ладо, ладу.
Ладо, ладу! –
*в ареховом кусце –**
Ладо, ладу,
*Ладо, ладу!***
Арешечки луца;
Ен женитца хочиць;
Ты жанися, ящур,
Бяри сабе панну,
Каторую хочешь;
Панну (такую-то) Марильку,
За белую ручку,
За русую коску,
За золото-персычень.

Тогда «ящур» встает и снимает с указанной девочки венок или платок и кладет возле себя. А в некоторых местностях он, взяв девочку за руку, несколько раз кружит

* Вариант: *Посярод гароду (огорода)/У зяленом кусьце* и пр.

** В таком же порядке припев повторяется после каждой строчки.

вокруг себя и тогда снимает венки. Все это повторяется до тех пор, пока ящур не снимает всех венков.

Тогда начинается выкуп венков. Одна из девочек выходит из круга и, кланяясь ящору, поет:

*Пане ящеру, паночик,
Атдай жа мой вяночик!
Зиму (?), лето хадзила,
Ручки-ножки сцирала,
По красочцы збирала,
У вяночик звивала;
Я ат татки ховалася,
Я ат мамки тулялася.
Пане ящору, паночик,
Атдай жа мой вяночик!*

Ящур требует выкупа. «Поцалуй мяне, говорит, дык атдам». Или же, если ему девушка не нравится, то заставляет ее плакать, плясать, больше просить и т. п., как это, например, делается при игре в фанты. Девочка, получив венок, пляшет вокруг ящура и поет:

*Я свой венчик выплакала,
Я свой венчик выпросила,
Я свой венчик выскакала,
Я свой венчик выкупила.*

А хор одпевает:

*Ладо, ладу,
Ладо, ладу.*

Когда все венки выкупят, то или прекращается игра, или начинают ее снова, выбрав нового ящура.

Как мы сказали, теперь это детская игра, но, по видимому, в ней скрыт какой-то пережиток древнего обычая или обряда, уже утратившего для взрослых свое значение и смысл. Можно догадываться, что это был обычай любовного характера; на это намекает сущность игры: женитьба ящура, выкуп венков, поцелуи и т. п. Затем, что это отголосок далекого прошлого, указывает припев:

Ладо, ладу, а также название самой игры, созвучное со словом щур. При этом считаем не лишним заметить, что ящур по-белорусски вовсе не значит ящерица, равно как этим именем не называют известной лошадиной болезни; оно сохранилось только как название игры.

Колядовщики. На первый и второй день Рождества Христова, а в некоторых местностях также на богатую коляду, ходят по домам колядовщики. Это толпа молодежи, которая, подходя под окна, если не препятствует погода, или же войдя в хату, песнями славить хозяев и за это получает *коляду* т. е., как мы уже объясняли, сало и колбасы. Колядовщики напоминают пасхальных волочебников, и песни их носят отчасти тот же земледельческий характер, что и волочебные, (о них будет речь – впереди) только эта сторона в волочебных песнях более ярко выражена. Но в некоторых колядных песнях есть и особенности; это именно сравнение хозяина с месяцем, жены его – с солнышком, а детей со звездами, – сравнение, которого нам не приходилось встречать в волочебных песнях. А сами колядовщики тем отличаются от волочебников, что нередко *водят козу*, что волочебники не делают. В таком случае, т. е. если ходят с козой, то поют только одну песню, приспособленную именно к этому обычаю.

Коза снаряжается так. Берут козью голову, насаживают ее на палку и пришивают к кожуху; а если нет настоящей головы, то делают ее из дерева, окрашивают в белый цвет, выводят глаза, прилаживают рога и т. п. Кожух, вывороченный шерстью вверх, одевает какой-нибудь ловкий парень – и коза готова. Толпа колядовщиков, вводя козу в хату, затягивает обычную песню:

*Бог – помочь таму,
Хто у гэтым даму!
Мы у госьци идзем*

*И казу вядзем.
Го-го! каза,
Го-го! шера!
Гдзе каза ходзиць,
Там жито родзиць,
Гдзе каза нагой,
Там жита капой,
Гдзе каза рогом,
Там жита стогом.
А наша каза
Была у бару,
Грызла там кару
С козеняткамі;
Споткала воука
С ваученяткамі;
Як хваціць ваучок
Казу за бачок,
А ваученяткі –
За козеняткі.
Ледзь-ня-ледзь коза
Ат воука уцекла,
У сяло пришла.
А ты, козынька,
Топни ноженькой,
Не бойся ваука, –
Ен ня зесь цябе;
А бойся, каза,
Стараго дзеда:
Ен цябе згубіць,
Скуру облупіць.
Вже бяре ён меч,
Каб козыньку сечь.
Поцекла юшка (кровь)
Козынька пала –
Здохла, пропала.
– Гасподарочик,
Сличный паночик!*

Гаспадыничка,
 Як малиночка!
 Ты вазьми ключи
 Залаценькіе;
 Запали свечку,
 Пайдзи у клетку:
 Приняси казе
 Решето авса;
 Решето авса,
 На верх килбаса
 И кусок сала,
 Каб каза устала.

(Игуменск. уез.).

Во время пения, коза неуклюже поворачивается из стороны и в сторону, в соответствующих местах песни при-топывает ногами, постукивает рогами, кланяется, падает и лежит, словно мертвая, а в конце мгновенно оживает, вскакивает на ноги. В этом и вся штука. Что же касается песен, под которые пляшет коза, то все они по складу совершенно одинаковы, поются одним напевом, но по содержанию разнятся. Некоторые из них представляются как бы отрывками разных песен, – отрывками, сложенными вместе только вследствие сходства размера, но без всякой логической связи между частями и без общего смысла. Мы привели здесь наиболее типичную и цельную из них и привели потому, что в ней сквозят, хотя слабо, намеки на древнее жертвоприношение: именно упоминание о старом деде, который собирается погубить козу. Этот дед несколько намекает на языческого жреца; в таком случае в козе можно бы видеть жертвенное животное, и тогда весь обряд получил бы смысл. Но, в виду бедности содержания этого рода песен, трудно сделать какой-либо определенный вывод, тем более что есть варианты, указывающие на то, что дед хочет содрать кожу с козы затем, чтобы сделать дуду.

Масленица. Празднование масленицы сопровождается теми же катаньями с гор, катаньями на тройках (это как бы прощание с зимой, со снегом, с санной дорогой), блинами, что и в Великороссии; но есть и особенности или специально свойственные Белоруссии, или сохранившиеся в ней отчетливее.

На Авласа (Власия, 11-го февраля), празднование которого часто совпадает с масленицей, в некоторых местностях Белоруссии справляется «конское свято», – задают лучший корм лошадям, но ничего на них не работают, и объезжают молодых лошадей. Если у лошади или коровы в этот день понурый вид – это признак, что она не выживет года: или волк съест, или околеет.

В смежных уездах разных губерний – в Борисовском, Сенновском и Лепельском – существует масленичный обычай «возить бабу на почастунок» (угощение). Это выполняют внуки, которые или сами запрягаются в саночки и с торжеством везут свою бабу-повитуху к себе на блины, или приезжают за ней на лошадях, что в последнее время чаще практикуется.

В той же местности в понедельник и во вторник первой недели великого поста женщины «цепляют колодки» холостякам, требуя от них угощения за то, что те не женились. Колодку надо прицепить незаметно, и если это выполнено, то угощение, состоящее из выпивки и закуски, должно быть непременно поставлено. Цепляют колодки и женатым, но это считается отступлением от обычая. Кроме того, компании женщин «вяжут неженатых», т. е. крутят им платком руки, и в таком виде приводят в корчму, заставляя купить водки, меду или пива и закуски, и только тогда развязывают, когда их требование выполнено.

На масленице, по вечерам, девушки собираются на улице петь «масленичные» песни, содержание которых

распадается на два отдела. Содержание одной части: призыв весны, ожидание наступления ее и полевых работ; другой – жизнь замужней женщины с ее радостями и горестями. Последние нередко поются под окнами «молодых», которые в этот «мясоед» повенчались. Приводим наиболее типичную из этих песен:

На вулице дзейки гуляли
 Про мяне молоду гукали:
 Што у мяне молодой муж лихий, –
 На вулку гуляць не пустий;
 А хоць пуспу – позненько:
 Усе дзевочки розненько.
 А я выйду и гукну,
 Усех дзевок созаву,
 Звонкаго музыку я найму
 И буду гуляць до свету
 Аж до познаго абеду!
 А дамоу итци баюся, –
 Дзeverатоньку кланюся:
 «А ты, дзeverатка, – больший брат, –
 Завядзи мене до дому!
 Пошию кашульку до долу,
 Дам табе хусту шаукову».
 А почуў тое лихий муж:
 «А я табе, шельма, бок пабью,
 До долу кашульку сам знашу,
 Шоукову хусту сам сотру».*

«Молодые» иногда приглашают девушек в хату и угощают их. Тогда в хате они поют шуточные или укоризненные песни по адресу придирчивой свекрови или свекра, как бы заступаясь за свою бывшую подругу. Например:

*На дворе бабы сядзели,
 Кулаком зямлю пробили,
 Про нявесточек судзили:
 А моя нявестка шельма была:*

* Последнее слово каждой строчки повторяется 2 раза.

*Целую клетку добра звела!
А там добра много было:
Орехова чашка круп было,
Желудова чашка меду было,
Мяшок и рагожа платця было,
в стяне иголка большь долота и т. д.*

На «Сороки» (40 мучен. Севастийских, 9 марта) молодежь собирается по гумнам, где к этому дню устраиваются качели; приносят с собой печенье – «жаворонков» – и целый день проводят в качанье на качелях, распевая «весновские» песни, выкликая весну:

*Благослови, Боже,
Зиму замыкаци,
Вясну выкликаци.
Дай же нам, Боже,
Жита и пшаницы.
Зяленой травицы.
Дай же нам, Боже,
На хлеб-жита род,
А на статок (на стадо) плод,
На людзей здороўе.*

В старину, по рассказам, пение весновских песен не прекращалось в течение всего Великого поста, но в последнее время, под влиянием духовенства и более сознательного отношения к христианской вере, в Великий пост пение редко слышится, а во вторую его половину почти совершенно прекращается. Но после Пасхи, когда очистится от снега земля, молодежь обоего пола, по вечерам, собирается на пригорках и там песнями призывает весну. И так продолжается до Николина дня.

Не можем не привести одной из этих песен, записанной нами в Борисовском уезде:

*Дзякуй табе, Боже,
Што зиму скончали,
Што вясны дождали!
Помажи нам Боже,*

У добрый час начащи
 Вясну выкликаци!
 Придзи, придзи, весна,
 Придзи, придзи, красна,
 к нам у таночик (хоровод)!
 Приняси нам збожжа (зернов. хлеба),
 Приняси нам красок (цветов),
 Каб нам звиць вяночик!
 Едзиць весна, едзиць,
 На залатом* кони
 в зяленом саяни,
 На сесе (сохе) седзючи,
 Сыру зямлю аручи,
 Правой рукой сеючи,
 А смыком скародзючи.
 Вязець, вязець весна,
 Вязець, вязець красна
 Ясные дзянёчки,
 Частые дожджочки,
 Зяленые травы,
 Красные цвяточки
 Нам на вяночки

В основании этих призывов лежат, прежде всего, пережитки мифологических верований народа, но эти верования поддерживаются также факторами психологического и экономического порядка. Во-первых, всякому живому существу присуще стремление к свету и теплу. А во-вторых, надо иметь в виду, что к весне частенько крестьян постигает бесклубица и кормы для скота бывают на исходе. В это время иногда и зажиточные мужики «солому секут – пироги пекут, сеном подмазывают», как поется в белорусской «веснянке». Это, разумеется, гипербола, но в иные годы она довольно близко подходит к трезвой

* В белорусских сказках очень часто упоминается о коне «золотая шерстинка – серебряная шерстинка».

действительности. В таком случае, как не ждать весны, когда она приносит с собой «шнитку-матку, дзюгеля-батьку, щавель-братку, крапивку-сестрицу» – травы, которыми питается весной отошавший, полуголодный народ. На его счастье красное солнышко работает, борется с чарами лютой зимы, точит ледяную кору, покрывающую землю, пробуждает ручьи и потоки от зимнего сна. Злое чудовище, зима, противится доброму солнышку, не поддается, посылает свои последние морозы и метели, но изо дня в день ослабевает, словно бы изнемогая в борьбе. И народ, с участием следивший за этой стихийной борьбой, живо заинтересованный в ее скорейшем окончании, начинает, по обычаю своих предков, выходя на взгорки, «выкликать» весну. И вот наконец она, как бы послушная призывам, одетая в зеленый саян, едет на золотом коне в сопровождении ясных теплых дней, осыпая свой торжественный путь цветами... Счастливая пора – пора любви, пора цветов!

Но для крестьянина этого мало. Он, конечно, знает, что цветы красивы, но, как мы видели, боле помышляет о шнитке-матке, дзюгел-батьке и прочих травяных кормильцах. Он еще далек от осуществления своего заветного идеала человеческого благосостояния, который в том заключается, чтобы мужик мог вдоволь поесть хлеба с березовиком. Обыкновенно так бывает, что есть березовый сок, да хлеба нет; или же есть хлеб, да березовику нет. Поэтому для белоруса весна не только «краса природы», но главным образом – время полевых работ, от которых зависит все его благосостояние. Поэтому его фантазия снабжает весну атрибутами земледелия: она сидит на сохе, хотя это и не совсем-то удобный экипаж; она бороздит мать-сыру-землю, сеет хлеб, и смыком, первобытной бороной, устраиваемой из суковатых еловых планок, связанных вместе, скородит посеянное. Она посылает

частые дождики, столь необходимые для посевов. А в золотом коне нетрудно видеть одно из уподоблений солнца, приносящего весну.

Хотя в настоящее время нам не приходилось наблюдать особого обряда встречи весны, кроме простых выкликаний, но, по рассказам, «за унияцких часов» такие обряды совершались. Нам передавала старуха-крестьянка, от которой мы записали вышеприведенную веснянку, что она в молодости была участницей следующего обряда встречи весны, обряда, в то время распространенного почти по всем деревням Борисовского уезда. Весной, в один из праздничных дней, под вечер, молодежь обоего пола собиралась на поле, предназначенном под яровые посевы. Раскладывали костры, приглашали «музыку» – большую часть дударя (в то время дудари были очень распространены в Борисовском уезде) и приступали к выбору из девушек «вясноўки». В выборе принимали участие и парни и девушки. Требовалось, чтобы избранница была красива и работяща. Ее украшали венком из весенних трав и цветов и сажали на «смык», застланный сверху плавунном; в борону впрягались молодые люди и возили «вясноўку» по полю вокруг огней, при чем девушки пели, под аккомпанемент дуды, вышеприведенную песню. После этого тут же возле костра устраивались «танки», хороводы. Молодежь, взявшись за руки, кружилась вокруг «вясновки» сидящей на бороне. Потом начинались обыкновенные танцы, в которых принимала участие и «весновка». Необходимо дело без выпивки и закуски, при чем первую доставляли парни, а вторую девушки.

Великодни. К особенностям празднования Пасхи в Белоруссии надо отнести хождение по домам «волочебников» для прославления хозяев и собирания «даров». Хор волочебников составляется не только из бедняков, но и людей зажиточных, что лишает волочебников нищен-

ского характера. Во главе хора стоит «починальник» – запевало, и музыка; кроме того есть еще «мехоноша», носитель и хранитель «даров», а остальные называются «подхватниками». Подойдя под окно со всею громадой, починальник поет, сопровождаемый скрипачом, волочебную песню, а подхватники после каждого стиха выкрикивают хором припев: Христос воскрес Сын Божий или: Зеленый сад вишневый и др. Подают им деньги, яйца, сыры, сбожже и кое-что из пасхальных яств, в изобилии приготовляемых к этому торжественному дню. Из собранного устраивается общее для всех волочебников угощение.

В содержании волочебных песен, слышанных нами и записанных в разных местностях Белоруссии, нет ничего такого, что указывало бы на христианское значение праздника Пасхи, если не считать припева: «Христос воскрес», заменяемого впрочем и другими припевами, в роде – «Зелена елка, зелена», или: «Спевайте, молодойцы, спевайте».

«Великоднями» начинается земледельческий год, и песни великодные почти сплошь посвящены воспеванию земледельческого труда; даже волочебников в некоторых местностях Белоруссии (Новогрудск. и Слонимск. уезды) называют *ралешниками*, (от слова ралля, оральля – пахота), т. е. певцами земледелия. В них поется том, какое участие принимают в земледельческом труде «святые святочники»: как *Сороки в поле соху волокли, а святая Благовещення заорывала; как св. Юрий, Божий ключник, землю отмыкает, росу выпускает; св. Борис «ляды палиц», а св. Микола по межах ходит – жито родит, св. Ушесьця (Вознес. Госп.) поле подметаает, св. Девятник жито ровняет, а Десятуха «краску» дает, а Пятинка «краску» снимает; св. Петро косы острит, сено косит, св. Павла «грабли робиць», св. Илья, славная жнея, жито зажинает в снопы вяжет, а Прачистая с поля возит* т. д. Большая половина этих песен представ-

ляет «земледельческий календарь» в роде приведенного. Другая часть песен восхваляет хозяина и его домочадцев, при чем выставляется на вид их трудолюбие и вытекающее отсюда благосостояние: *как на небе зори часты-густы, так у него (хозяина) на поле копны часты-густы; у него в гумне навезисто и намолотисто**, в клети насыписто, в мельнице – намелисто, в деже-хлебнице – подыходисто и т. п. Обыкновенно этого рода прославления оканчиваются пожеланием быть *«вясельм, як хороша весна, здоровым, як кринична вода и богатым, як сырая земля»*.

Нигде в белорусских песнях не отводится столь почетное место земледельческому труду, как в волочечных, и это, в связи с тем обстоятельством, что в них почти не затрагивается христианское значение Пасхи, по нашему мнению, указывает, что эти песни некогда относились к празднеству нехристианского происхождения, к празднеству, которым наши предки ознаменовывали наступление «великих дней», господства солнца, начала полевых работ, после преобладающей зимою ночи, – дней, вероятно, посвящавшихся солнцу и другим земледельческим божествам, особенности которых перенесены на святых христианской церкви, по христианскому воззрению ничего общего не имеющих с теми свойствами, которые им приписываются народом.

Празднование Пасхи не ограничивается тремя днями, как это установлено церковью, а продолжается гораздо далее: среда пасхальной недели празднуется «от граду», и она так и называется «градовая среда», четверг – от грома, пятница – от засухи, суббота – от падежа скота, – как видит читатель все это празднества, имеющие отношение к земледелию. Нужно еще заметить, что название

* Особая форма белорусск. наречия и имени прилаг. с усеч. оконч.; значит: много навезено, насыпано и т. д.

«великодни» относится не к одной Пасхе*, а ко всем празднествам, начиная с Пасхи и до Микола включительно. Юрий и Микола так и называются «святочками-великодничками». При том на одного и другого перенесены свойства земледельческих божеств:

*Святым Юрий, Божий ключник,
Землю одмыкае – росу выпускае;
Росу вынуцае, – статок выгоняе;
Статок выгоняе, слоуцо вымоуляе:
Каб тому статку не было упадку,
От того змея грамучаго,
От того гада бягучаго,
От той ведзьмы кароуницы.
А св. Микола, старая особа,
По межах ходзит – житцо родзит, –
Ядронистое, колосистое –
Зерня к зерню – колосок у землю;
Колосы гнутца, у землю бьютца и т. д.
(Село Погорелое, Игум. уезда).*

Сообразно с этими воззрениями, совершаются и обряды. На Юрья, до восхода солнца, каждый хозяин выгоняет освященной вербой свой скот в поле на «Юрьеву росу». Он берет с собой освященное яйцо, соль, кости от пасхальных яств и угли с домашнего очага. Все это зарывается по четырем углам поля, чтобы предохранить его от града, засухи и «заломов». Потом скот гонят домой, и хозяйки сдают его общему пастуху с подпасками, который обыкновенно нанимается к этому времени и с этого дня вступает в отправление своих обязанностей. При этом пастуху приносят хлеб, сыр, масло и яйца**.

* Если белорусы хотят указать именно на Пасху, то употребляют выражение «велик-дзень».

** В Белоруссии пастухи 4 раза в лето ходят за сбором в свою пользу, который, в большинстве случаев, платится натурою. Его кормят и одевают хозяева по неделям или сколько придется по расчету.

Пастухи, выгнав стадо на поле, разводят огонь, жарят яичницу себе на закуску, и, прежде чем приступить к еде, обходят стадо с хлебом и солью и с горящими головнями в руках, при чем старший пастух произносит заговор, который мы привели при описании обряда изгнания «хлевника».

Потом приступают сами к угощению и коров кормят хлебом с солью.

В недавние времена, если целая деревня или кто-нибудь из ее обитателей были постигнуты неурожаем, то, чтобы обеспечить хороший урожай в будущем году, справлялась микольщина: в первом случае, всей деревней, а во втором – отдельным хозяином. Микольщину также справляли в благодарность за хороший урожай предыдущего года.

Микольщина – это «беседа», пирушка, устраиваемая в Николин день (9 мая) или накануне, «на Миколинаго батьку» (Иоанна Богослова). Если погода позволяла, то микольщина устраивалась в поле, а в противном случае в доме. Всей ли деревней она устраивалась на общие средства или одним хозяином, но на эту «беседу» приглашались все односельчане, даже нищие, прохожие и проезжие. На празднике, угостившись водкой и медом, гости затягивали песни в честь св. Николая, которые так и называются микольскими. Теперь микольщину справляют только пастухи да конюхи.

Нам кажется вероятным предположить, что это также остаток прежних празднеств в честь земледельческого божества.

Купала. Едва ли есть другое народное празднество, более богатое пережитками языческой старины, чем празднование Купалы, в ночь с 23 на 24 июня; к этому празднеству относится много любопытных воззрений, легенд, преданий и обрядов.

Мы уже упоминали о цветении папоротника в ночь на Купалу, о Купальском Дедушке, собирающем таинственные цветки, дающие всеведение, в том числе и средство к нахождению кладов. Кроме того, на Купалу «солнце играет», т. е. распадается на несколько солнц, которые то разбегаются в стороны, то соединяются в одно солнце. Травы и цветы, собранные в этот день, приобретают особую силу – целительную или чародейную.

В этот день девушки и замужние женщины рассыпаются по полям и лугам для сбора трав и цветов, которые на следующий день приносятся в церковь для освящения. Такие травы употребляются как лекарственное средство. Особенное знание придается «купалке». К сожалению, не можем привести ботанического названия этого растения. Кажется, что это *galunculus agris*. Оно принадлежит к отряду сложноцветных и имеет белые пушистые цветки, напоминающие «барашки» ивы, но имеют чашелистики. Эти цветки, подобно одуванчикам, при солнечном свете поднимают свои головки и раскрывают свой пушистый венчик. Ими пользуются для гаданий: втыкают к образам «купалку», и если она на следующий день окажется развернувшейся, это означает исполнение желанного и на оборот. Растения в купальскую ночь разговаривают между собою, ходят друг к другу в гости, даже пляшут, только для обыкновенных очей это не видно.

Клады на Купалу выходят из-под земли на поверхность, «купаются и сушатся»; они в это время «сдаются», представляются людям в разных образах, чаще всего в виде огня или жара, который, при приближении к нему, мгновенно исчезает. Чтобы овладеть кладом, надо знать какое заклятие на него положено. Заклятия же кладутся страшные, в роде напр., следующих: *кто мертвым заарець (будет пахать), той гэтыя гроши споживець; или: хто тут сына забьець, той гэтыя гроши споживець*

и т. п. По поводу первого заклęcia рассказывают, что его наложил было один старик, пряча перед своею смертью деньги, чтобы они не достались его детям, которых он не любил. А невестка и подслушала его заклęcie. Как только умер старик, она позвала своего мужа и рассказала ему о заклęcie. Делать нечего: не пропадать же деньгам? Тотчас надели отцу хомут, запрягли его в соху и стали бороздить сени, где был зарыт клад: деньги сами и вынырнули из земли. Другой же, зарывая деньги в гумне, заклинал их так: *кто голову положишь, той мое гроши возьмишь*. Ему казалось, что сокровище окажется навсегда недоступным для людей. Ан нет. За ним подсматривал зять и воспользовался его оплошностью – тем, что он не упомянул – какую голову надо положить. Принес зять петуха, отрубил ему голову на том месте, где был зарыт клад, и тотчас же беспрепятственно добыл деньги.

В Лепельском уезде указывают гору, на которой, по преданию, стоял замок, в подвалах которого скрыты несметные сокровища. Но владелец замка наложил на них мудреное заклęcie: никак ими овладеть нельзя. В давние времена, на Купалу, эти деньги «пересушивались»: земля расступалась, были видны железные решетки, а за ними блестело золото, пересыпаясь в «анкарках». Как ни ломали решетки – не поддаются. Пробовали на длинные жерди наматывать тряпки; макали их в горячую смолу и погружали в бочонки с золотом: пристанут червонцы к смоле, а как станешь вытягивать палку вон, они все и попадают. Народ просто с ума сходил, так что ксендзы, для прекращения соблазна, наложили новое заклęcie, и клад являться перестал.

В эту ночь снятся вещие сны. Вот один образчик. Снилось мужику, что он на таком-то мосту найдет деньги. Он и пошел туда искать их. Искал, искал – не нашел. Зашел к мельнику, что возле моста жил, и рассказывает,

какой он странный сон видел, поверил этому сну и обманулся. Мельник ему и говорит: «Не всякому сну верь. Вот и мне несколько раз снилось, что у такого-то (называет имя нашего искателя), живущего там-то, под печью деньги зарыты». Тогда догадался наш искатель, что значил его сон. Пришел домой, стал рыть под печкой и нашел деньги.

В этот же день, по поверью, «ведьмы-коровницы отбирают молоко у коров», «портят статок». У «порченной» коровы или удои уменьшается, или молоко делается жидким, лишенным сливок; это значит, что молоко и сливки «отобраны» ведьмой и перенесены на ее коров; у них, вследствие этого, молоко становится так густо, что во время доения «сбивается» в комочки масла.

Для этого ведьма в купальскую ночь ходит по огородам, собирает цедилкой росу в подойник, дает ее пить своим коровам и обмывает им росой вымя. От этого пропадает молоко у коров тех хозяев, у которых таким образом собрана роса. Еще собирают камни по чужим дворам и употребляют их для «паренья» молочных горшков. Поэтому заботливые хозяйки всю купальную ночь стерегут свои огороды, чтобы «коровница» не собрала на них росы.

Какая связь между собиранием росы и убылью молока? Нам объясняли, что роса это «сок земли», дающий растениям питательность; что роса может быть живительная и вредоносная. Первым свойством она особенно отличается на Юрья, потому-то и выгоняют скот на Юрьеву росу. На Купалу же она «молочная»: поверье говорит, что в былые времена случалось, что если намочить цедилку в купальской росе, то с нее лилось настоящее молоко. Объяснение, очевидно, недостаточное, но другого народ не знает; первоначальный смысл этого воззрения, кроющийся в особенностях первобытного мышления, в настоящее время утерян.

Ведьмы могут портить росу и тем вредить скоту. Для того чтобы узнать вредная ли роса или нет, знахарки вывешивают на ночь тряпочку и утром пробуют – какова роса на вкус: если сладковата, значит порченная, и тогда нельзя выгонять скота на пастбище, пока не обсохнет роса, иначе скот может заболеть или в молоке будет показываться кровь.

На Купалу, чтобы предохранить коров от порчи, прогоняют их чрез огонь, разложенный у ворот. Если же и это не поможет, и молоко будет отобрано, тогда варят цедилку в «купальском зелье» и отвар дают пить коровам. Таким вывариванием цедилки достигается и другая цель: ведьма, отобравшая молоко, должна от этого исчашнуть, если только ей ничего не одолжить в течение трех дней.

Купала вместе с тем и праздник огня. В купальскую ночь молодежь обоего пола собирается на полянку «в житную смену»; там раскладывают огонь; приносят с собой водку, купленную в складчину; девушки жарят яичницу из принесенных яиц. Когда все готово, садятся вокруг огня и закусывают. Потом зажигают старое колесо, облитое дегтем и насаженное на жердь. Эту жердь вбивают в землю так, чтобы колесо высоко горело. Когда одно колесо сгорит, зажигают другое и так далее, если только они припасены – и пляшут вокруг колеса, взявшись за руки, под пение купальских песен или «купалок». Прежде всего поется песня очевидно сложенная в честь солнца:

*Купальская ночка короткая, – соўнийка, соўнийка!
Соўнийка рано усходзила – соўнийка, соўнийка!**
*Рана ўсхадзила поле освяцiла;
Дзевок, хлопцоў будзила,
Работку давала – ў поле посылало,
Каб хлопчыкі огні палiли,
Поле свяцiли, жiта пiльновалi,*

* Слова: соўнийка, соўнийка, – повторяются после каждой строчки.

*Каб ведзьмы заломоў не ломали,
У кароў малака не 'тбिरалі.
Отбери, Божса, таму ручки-ножски,
Выдзяри, сова, со лба вочки,
Каб яны свету не бачили,
Яснаго сонца ня видзелі!
А дзевочки каб жита зажиналі,
Краски-цвяточкі сбиралі,
Вяночки звівалі,
На галовоньку клалі,
Ў таночку скакалі,
Хлопцоў прываблялі.*

После этого парни и девушки, попарно и в одиночку, прыгают через огонь, чтобы очистить себя и предохранить от «немочей, порчи и заговбров».

На этом, по-видимому, кончается одна часть праздничного обряда, посвященная очевидно летнему солнцу и его земному заместителю – огню (надо сказать, что все это совершается по традиции, без сознательного понимания значения обряда), и начинается другая часть, напоминающая одно из тех празднеств любви, о которых упоминает летописец, когда описывает обычаи Северян, Радимичей, Вятичей и Кривичей: «брати (браков) не бываху в них, но игрыща, межю селы. Схожахуся на игрыща, на плясание, и на вся бесовская играща, и ту умыкаху жены себе, с нею же кто совещашеся».

Мы уже говорили, как связывается в понятии народа в одно целое представление о солнце, как начале плодородия, с одной стороны – и любви с другой. Несомненно, что эта связь устанавливается посредством аналогии между плодородием земли и детородием. Подобно тому, как плодородие земли в представлении народа является последствием живительного действия солнца, как бы оплодотворяющего землю, так и чувство любви и деторождение, при помощи уподобления, подводится под

действие, как часть к общему, того же начала, дающего жизнь всему, – солнца. Кроме того, весной, летом, т. е. во время господства солнца, происходит, как известно, спаривание животных, что первобытная мысль могла приписывать влиянию солнца.

Как бы там ни было, но дальнейшие обряды празднования Купалы сохранили ясные следы любовного культа. Так в Борисовском уезде, после описанного нами, девушки с венками на головах из цветов и ржаных колосьев, становятся попеременно с парнями, составляя, таким образом, новый хоровод. Те из девушек, которые сосватаны, запасаются «рушниками» или кусками тонкого холста, своего изделия. Все кружатся, и девушки поют песню, в которой выхваляют достоинства одних парней и осмеиваются недостатки других: у такого-то голова, как ведро, – воду носить, волосы, как помело, – печь выметать; язык, как лопата, – хлеб сажать; нос как «копач» – навоз разбрасывать; руки, как грабли – сено согребать; ноги, как «кочережки», – жар загребать. А у такого-то кудрявая голова, – девушек приманивать, ясные очи, девушек высматривать, румяные губы – девушек целовать и т. д.

Потом выходит на середину хоровода одна из девушек сосватанных (иногда, впрочем, выходят вместе все сосватанные или обрученные) и закрывает себе лицо, «чубром», покрывалом из холста. Тогда поют:

*Ишла купалка сялом, сялом,
Закрыуши вочки чубром, чубром,
Довала хлопцам чалом, чалом,*

(в это время девушка кланяется на все стороны).

*Стали людзи дзивитися
Стала купалка сваритися:
Ах вы, людзи, вы дзийные!
Чи вы на вулку не ходзили,
Чи вы купалки ня видзели,
Чи вы цвяточкой не сбирали,*

*Чи вы вяночкоў не зывалі
Чи вы у таночкі не ходзілі,
Чи вы дзевок не зводзілі?*

Потом купальщица начинает выбирать себе парня «до пары». В прежние времена брали того, кто попадетя; теперь же умудряются выбрать или жениха или того, кто нравится, потому что парни обыкновенно подают голос, перебрасываясь шутками, часто очень нескромными. Нам приходилось слышать от «ревнителей старины и отеческих преданий» порицание такому новшеству: «бьяри того, хто попадзецца: на тое стародаўнй звычай!»

Избранники снимают с купальщиц покрывало и повязывают себе на руку или через плечо, как это делается на свадьбе. Это им дар, «на рукавы», как говорится в Белоруссии. В это же время поют:

*На мори вуточка купалася,
На бережку сушилася;
Млада Ганнулька зажурилася,
Што яе дары не прадзены,
Хоць прадзены, не снованы,
Хоць снованы, дык не тканы,
А хоть тканы, – не бялены,
Хоць бялены, – не качаны,
Хоць качаны, – не резаны,
Хоць резаны, – не дзеляны.
А хтож тые дары дариць будзе?
Будзе дариць млада Ганнулька:
Таму-сяму по локцику,
Свайму суженьку ня меручи.*

Потом поются другие купальские песни, которые, по своему содержанию очень напоминают «масляничны» песни. Тут нарекания на свекра, на мужа, которые не пускают молодую «на купалийка, дзевоецкое гулянийка»; тут преподаются советы за кого выходить замуж – за старого или молодого; какую выбрать себе невесту – богатую

или бедную и т. п. А также поется баллада, распространенная в Белоруссии во множестве вариантов, о том, как брат женился на сестре и как они обратились в «братки» – цветок Иван-да-марья. Пение продолжается до тех пор, пока колесо сгорит и костры потухнуть. Тогда парни бросаются хватать девушек. Подымается свалка: жених отбивает свою невесту, если она выбрала другого; поклонники одной и той же девушки начинают оспаривать ее друг у друга; девушки вырываются из рук тех парней, которые им не нравятся; другие же счастливые пары стараются, под шумок, убраться подальше в рожь, если они не успели этого сделать прежде; наконец, так или иначе, вопрос улаживается, и все «пары» расходятся по ржи, вдвоем коротать ночку, встречать восход солнца.

В Лепельском уезде этот обряд дарения «рукавов» совершался с тою особенностью, что невеста дарила *всех* парней.

В других местностях мы этого обычая совершенно не встречали. Просто жгут костры, иногда из разных отбросов и негодных вещей, поют песни, прыгают чрез огонь, и, пользуясь темнотою, мало помалу, расходятся влюбленные пары.

Из того, что мы описали, можно подумать, что купалка праздник «свободной любви». Может быть, оно когда-нибудь так и было. Но в последнее время это не более, как обряд, и отношения молодых людей слишком далеко не заходят. Могут, конечно, быть исключения, но они случаются и помимо купальских обрядов и случаются всего чаще там, где бытовой уклад жизни белоруса пошатнулся: в местечках, городах, вблизи железных дорог, фабрик и заводов. Где же крепок коренной строй жизни белоруса, там этого почти не бывает. В таких местах женихи года по два спят на одних сеновалах с невестами и, однако, это почти не отражается на нравственности молодых лю-

дей. Главная причина такой сдержанности – сила общественного мнения деревни. В Белоруссии широко распространен свадебный обычай «сводить» жениха и невесту и потом предъявлять гостям рубаху. Если не окажется доказательств «честности», то это покрывает позором семью невесты и для нее самой влечет многие неприятные последствия. Обычай, конечно, в высшей степени грубый, дикий, варварский, но его влияние велико.

Однако надо отметить, что в последнее время многие женихи, из числа побывавших в школе, нередко протестуют против этого постыдного обряда; но невесты все еще консервативны, – конечно, только те из них, которые могут публично щегольнуть тем, что они «блюли» себя. Иногда даже плачут, если им отказывают в этом варварском тщеславии, особенно в том случае, если было на счет их «честности» какое-либо сомнение. В этом они всегда встречают настойчивую поддержку в старом поколении, которое, с одной стороны, довольно ревниво относится к сохранению старины, а с другой – не желает лишиться «солодкой горелки».

Нам кажется, что в описанных нами обрядах с достаточной ясностью отразился древний обычай умыкания невест, а в обряде дарения парней и слепого выбора «пары», – намек на первобытное общинное право мужчин на всех женщин, принадлежащих к данной общине. Это нечто в роде выкупа, освобождения себя от принадлежности всем мужчинам общины, для того, чтобы впоследствии принадлежать исключительно одному, как о том поется в купальской песне:

*Дружочкам на одну ночку,
А сужаньку на увесь век.*

Не случайно, конечно, приурочена к празднованию Купалы и баллада «о братках», столь распространенная в Белоруссии, как ни одна песня. Вероятно, она служит

отголоском того далекого прошлого, когда было в обычае супружеское сожительство в ближайших степенях родства. На это также намекают некоторые обряды белорусского свадебного ритуала, как например, обряд выкупа женихом у брата невесты ее косы, с которой обыкновенно соединяется понятие о девичестве.

*Богач**. В Игуменском уезде «Богачом» называлось Рождество Богородицы (8-го сентября); последнее название почти не известно народу**.

В жизни земледельца это самое счастливое время – время сравнительного довольства, когда и у бедных есть хлеб на столе, а у богатых, «как князя скирды широко сидят, подняв головы». Отсюда понятно, почему народ называет «богачом» праздник, совпадающий со временем окончательной уборки хлеба и хозяйственного обилия. Но есть факты, заставляющие думать, что «богач» – одно из земледельческих божеств дохристианского периода, одно из видоизменений несторовского Даждь-бога солнца, бога изобилия, богатства, на что указывает и самое имя его. Представление об этом боге стерлось в памяти народа, но указания на то, что он, этот бог, некогда занимал место в верованиях белоруса, сохранилось в обрядах. Хотя «богачом» называют собственно Рождество Богородицы, но празднование «богача» справляют не только в этот день, а и в другие праздники, близкие к осеннему равноденствию. Если, например, в деревне есть церковь или часовенка в память святого, празднуемого в это вре-

* Так как описание празднования «богача», сколько нам известно, впервые появляется в печати, то, в видах дальнейшего дополнения нашего описания, считаем нужным указать, что мы наблюдали эти празднества в Игуменском уезде, где оно бытует во многих деревнях, преимущественно Погорельской вол. Также «богач» празднуется в Волковысском уезде, Гродненской губернии.

** В других местностях Белоруссии этот праздник зовется Малая Пречистая, в отличие от Успения – Большой Пречистой.

мя, то и празднование «богача» приравнивается к этому дню.

Главную роль в обряде этого праздника играет «богач» или «богатце». Это «лубка» ржи со вставленной в нее восковой свечой. «Богач» стоит в течение целого года в доме очередного хозяина, в почетном углу, под иконами. В этот день свеча зажигается. Приглашается священник для служения молебствия, которое и служится прежде всего в том доме, где стоит «богач». Потом хозяин, вслед за священником несет «богача» в следующий двор, где их встречают хозяева. Для встречи ставят на дворе стол, покрытый белой скатертью и установленный «лубками» ржи, пшеницы, ячменя или другого хлеба. «Богач» ставится на стол к хлебу, и служится краткое молебствие. Священник и все его сопровождающие приглашаются в хату для угощения, причем «богач» ставится на покути. И так обходят по очереди все дома. Зерновой хлеб, которым встречали «богача», идет в пользу причта.

На другой конец села сгоняют весь скот, и когда обойдут все дворы, то обносят «богача» вокруг скота. После этого относят его в дом к очередному хозяину, где он и остается целый год. Он, по поверью приносит, в дом богатство и счастье.

В некоторых местностях рожь и воск для «богача» собираются со всей деревни и подменяется только тогда, когда «богач», по очереди, обойдет всю деревню или же когда свеча сгорит. А в других местностях рожь и свеча подменяются ежегодно очередным хозяином, причем рожь для этого вымолачивают из первого, «зажиночного» снопа*.

* Первый сноп (зажиночный), подобно дожиночному венку, повсеместно в Белоруссии пользуется особым значением; его каждый хозяин, принеся домой, ставит в почетном углу. Это соблюдается и там, где «богача» совсем не празднуют.

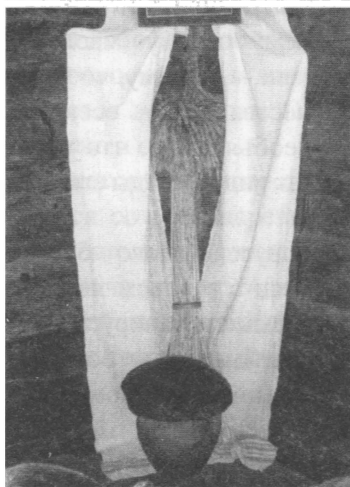
В последнем случае подмененная «богачовая» рожь смешивается с обыкновенной и употребляется на семена. Приготовление свечи сопровождается общей вечерей всех участников и особыми песнями, напоминающими «дожинковья».

Не есть ли это соединение зернового хлеба, символа благосостояния, со свечою, символом светоносного начала, не есть ли это прообраз солнца Дажь-бога, источника света и вместе с тем покровителя земледелия, следовательно, бога обилия и благосостояния? Ведь трудно придумать более подходящую символизацию солнца, согласно первобытному представлению о нем, как о боге земледелия. Кроме того, то обстоятельство, что празднование «богача» более или менее совпадает со временем осеннего равноденствия, также отчасти указывает на принадлежность этого празднества к солнечному культу, и если это верно, то таким образом заполняется пробел в цикле празднеств в честь солнца. Одно из этих празднеств, несомненно, должно было справляться осенью. Если коляды посвящались зимнему солнцу, масленица и великодни – весеннему, купала – летнему, то было бы не понятно отсутствие празднества в честь осеннего солнца, тем более непонятно и необъяснимо, что в это именно время первобытный человек видел плоды его благодетельного влияния.

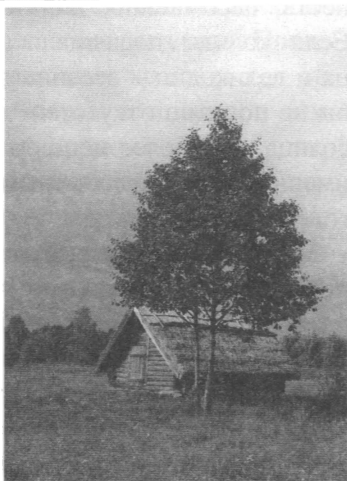
Надо еще заметить, что по-белорусски слово «богач» не употребляется в том смысле, как в русском языке – в смысле богатый человек. В этом смысле белорусы употребляют «богатырь» или прилагательное – богатый. А «богач» употребляется только в вышеуказанном смысле, т. е. как народное название Рождества Богородицы и лукошка с зерновым хлебом и свечой; последнее, впрочем, не всюду называется «богачом».



Ветряная мельница (мельн) из центральной Беларуси, сооружена в XVIII веке. Мельница у всех славян (и не только у них) была окружена множеством поверий и представлений, восходящих ко временам язычества. Некоторые наблюдения за устройством именно этой мельницы позволяют предположить, что она могла использоваться и как своего рода культовое сооружение (музей народной архитектуры и быта в Озерках)



Сноп—«богач» в красном углу крестьянской хаты



Амбар для хранения зерна из Западной Беларуси



Прощание невесты с родительским домом (фото XIX века)

*Встреча молодых
(старинная гравюра)*



V. Олицетворение Зла

Вообще человек субъективен, а первобытный человек в особенности. Поэтому все явления внешнего мира он рассматривает по отношению их к самому себе и делит их на полезные и вредные для него, человека. На дальнейшей ступени своего интеллектуального развития, когда человек уже успеет выработать начала нравственности, различение добра и зла, он склонен относить полезное для себя к более общей категории добра, а вредное к категории зла.

Древним славянам, как народу арийского корня, было не чуждо подобное подразделение; так мы встречаем у них бел-богов и черно-богов, и последние, вероятно, имели более или менее демонический характер, противились благим начинаниям бел-богов. Но славяне не стояли на такой высокой степени развития, чтобы в их верованиях это разделение достигло той определенности и того значения, как в религии Зороастра. С принятием же христианства боги того и другого порядка еще более смешались, ибо с точки зрения христианства те и другие – бесы. Однако белорусы еще и до сих пор делают различие между домовыми и олицетворениями стихийных сил с одной стороны и между чертями с другой; по крайней мере, такое различие сказывается в воззрениях белоруса на тот и другой род нечистой силы.

Черт – это, так сказать, принципиальный противник всего благого, это чистое олицетворение зла. И водяной, и леший, и другие стихийные боги могут делать зло, но могут и не делать его; а черт не может: такова уж его натура. Если он и делает иногда будто бы добро, так это

только в видах достижения большего зла. Он неотступно следит за человеком, норовит воспользоваться всякой возможностью, чтобы причинить ему вред, ввести его в грех, погубить его душу. Он внушает человеку дурные мысли и поступки. Он особенно силен и навязчив, когда воля человека слаба, сознание смутно, так например, когда человек пьян. Тогда черт, смело выступает на борьбу с ним и не скрывается, а принимает свой настоящий вид. Каков же этот *настоящий вид*? Нечто вроде изображения сатиров; на голове рога, козлиная бородка, двукопытные или однокопытные ноги, коровий хвост, на руках длинные когти, тело покрыто шерстью. Кто из чертей поважнее, тот, вдобавок, еще хром и горбат. Черт также часто принимает образ козла. В этом виде он любит подшучивать над простодушными людьми. Когда разразится гроза или дождь, черт прикинется козликом и начинает жалобно блеять. Сердобольный человек, возьмет его в полу и несет домой, чтобы отогреть. А черту только этого и надо: с крещеной душой ему безопасней от грома, да и приятно заставить человека поднести себя. Чем дальше идет человек, тем козлик становится тяжелее. Человек, изнемогая под тяжестью, еле дышит, а козлика жаль бросить – так он жалобно блеет. Но вот уже и дом. Тут козлик, выпрыгнув из полу, расхохочется диким голосом, сделает неприличие – и только его видели.

Черт любит сбивать путников с дороги, сбрасывать колеса с осей во время езды, заводить пьяных в болота или в проруби.

Черти бывают большего и меньшего калибра, но величественного образа сатаны, как он рисуется воображению поэтов, народ не знает: белорусский черт вообще мелко-травчатый. Мы уже говорили, что более могущественными чертями считаются те из них, которые хромы и горбаты. По поводу приобретения ими этих уродств существует

предание, что черти когда-то воевали с ангелами, были побеждены ими и сброшены с неба на землю. Летели они, как черная туча, как снег летели долгое время. Мелкие черти во время падения отделались сравнительно дешево – получили легкие ушибы и только; а крупные, как более тяжелые, поломали ноги, понабивали горбы. Так и остались они навсегда хромыми и горбатыми. Кроме того, во время небесных войн многие из них получили тяжелые раны и увечья. А главный черт, который всеми ими предводительствовал, был закован ангелом в цепи и посажен в каменную гору*. Когда этот чёрт поворачивается в горе или в ярости начинает рвать цепи и метаться, то земля дрожит, горы трескаются. Цепь его чрезвычайно толста, но каждый год грехи людей переедают ее, как ржа железо. Случается, что к Пасхе она становится тонка, как волос, но все таки держит черта. Лишь только запоют «Христос воскресе» на пасхальной заутрени, она снова становится такую же толстой, как была прежде. Но когда грехи людей до того умножатся, что переедят цепь совершенно, тогда будет кончина мира: дьявол освободится и все разрушит; если же люди постараются поменьше грешить, то миру и конца не будет.

Белорусы воображают, что на дне неприступной трясинны восседает старший черт и оттуда рассылает подвластных ему чертей для искушения люда, выслушивает отчеты об их деятельности, подает им советы, как достичь более успешных результатов, и наказывает ленивых. Между ними существует довольно длинная иерархия, но честности в их среде нет и в помине; напротив, подчиненные всячески норовят обмануть начальников, увильнуть от заданной работы, особенно если она тяжела и непри-

* Этого черта нередко называют *цмоком*. Цмок собственно значит дракон.

ятна, и избежать наказания. Такие черты их характера сплошь и рядом встречаются в тех белорусских сказках, где фигурируют черти. Предполагаются у них и половые и возрастные различия: есть черти, чертовки и чертенята. Однако черт не прочь вступить в половую связь и с обыкновенной смертной. От такого общения рождаются чудовища и уроды, не имеющие никакого подобия человеческого. Тотчас же после рождения они исчезают с визгом и хохотом.

Черт – источник зла на земле. По космогоническому преданию, широко распространенному в Белоруссии, он, участвуя в создании земли, внес в нее все злое.

Вот это предание.

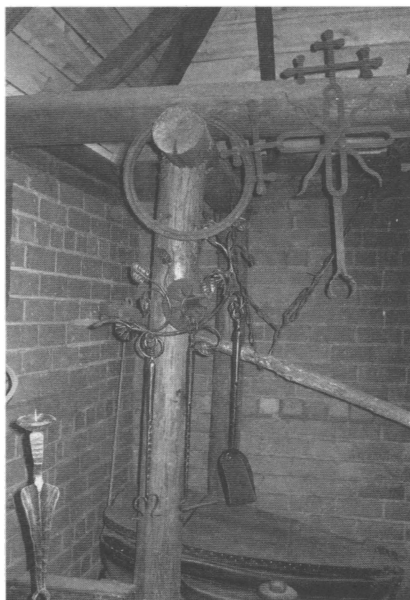
В начале вода покрывала землю. Бог приказал черту нырнуть на дно и достать оттуда горсть земли. Черт спустился на дно, захватил горсть земли, но не всю отдал Богу, а спрятал часть во рту. Бог взял в руки горсть земли, благословил ее и бросил на воды, – и земля стала расти, расширяться, покрывать воду гладким и ровным, как ток, слоем. Но стала расти и та земля, что была у черта во рту, стала раздирать ему рот. Черт, корчась от боли, стал кататься по земле и выплевывать изо рта землю. Долго он катался так и плевал. Оттого поверхность земли сделалась гористой, и земля местами отравилась чертовой слюной. Поэтому, когда Бог, подготавливая землю для человека, посеял жито (рожь), пшеницу, ячмень, просо, яблоны, груши и целебные травы, то местами вырос пырей, «кастер», лебеда, блекот (белена), застыр (терновник) и все другие вредные растения. Потом Бог создал полезных животных: лошадей, коров, овец, собак... Но некоторые из них, не умея различать полезных трав от вредных, наелись ядовитых и превратились в волков, росомах, медведей и прочих вредных животных. Так продолжалось до тех пор, пока животные не научились раз-

личать полезные травы от ядовитых. Слепил Бог из глины человека,дохнул на него, и человек зашевелился, ожил. Черт это все видел. Он улучил минуту, когда человек спал,дохнул на него, – и вселился в человека также и злой дух, и человек получил склонность ко злу. (*М. Холопеничи, Борисовск. уезда*)

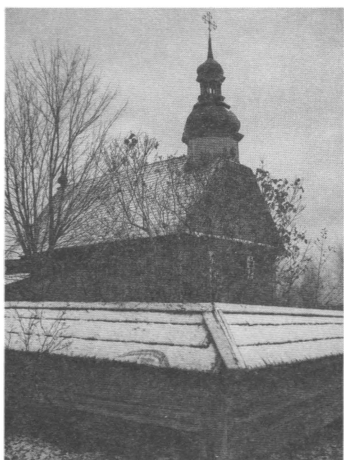
Этот рассказ циркулирует в Белоруссии в нескольких вариантах; мы выбрали самый типичный, в котором наиболее ясно и последовательно проведена идея, что все зло на земле от черта. Но, не довольствуясь этим исконным злом, он употребляет все усилия, чтобы его увеличить, чтобы больше и больше причинять вреда людям, чтобы в конце погубить их души. В этом отношении и сами люди являются ему ревностными пособниками, вступая в связь с нечистой силой.



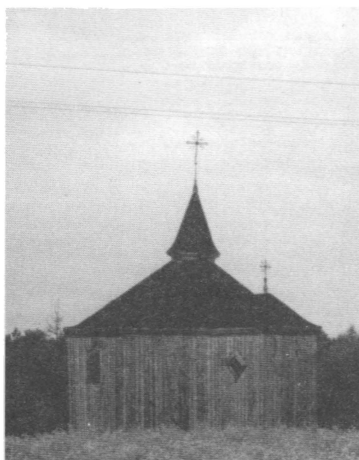
Домотканые занавески и рушники с традиционными обережными орнаментами центральной Беларуси (музей народной архитектуры и быта в Озерках)



Кузница – место, с языческих времен также надеяемое славянами особым статусом (музей в Дудутках)



Униатский деревянный костел XVIII века (музей народной архитектуры и быта в Озерках)



Часовни, как и костелы, сменили у белорусов древнейшие языческие капища



Борти, сохранившие весьма архаический вид. Сходно или даже также выглядели те древние борти, которыми пользовались славяне еще в IX–X веках. Мед и пчел окружало множество мифологических поверий и представлений. Точно также и бортник (позднее – пчеловод) мыслился человеком, связанным с иным миром, обладающим недоступными прочим людям способностями и знаниями (музей народной архитектуры и быта в Озерках)

VI. СООБЩНИКИ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ

В любой местности Белоруссии вам укажут людей обо-го пола, которые, как говорят белорусы, «знаютца з не-чистиком, свояки черту, свою душу ему запродали». На-зывают их разное: чароўнікамі и чароўніцамі, (иногда, но редко, колдунами), знахарямі и знахаркамі, ворож-битами, ведзьмакамі и ведзьмамі, воўкулакамі и пр. Все эти названия упоминаются в памятниках нашей древней письменности, с прибавлением некоторых других, несо-хранившихся в современном белорусском говоре, как например – кудесник, волхв, вещая женка. В этих памят-никах они употребляются как синонимы: ведун, знахарь, колдун, кудесник – все это названия, указывающие на высшее ведение. Так называли людей одаренных необык-новенною мудростью, даром предвидения, пророчества, поэтического творчества, обладающих знанием священ-ных заклятий, жертвенных и очистительных обрядов, умением совершать гадания и врачевать недуги. В на-стоящее время народ делает некоторые различия между этими названиями, смотря по тому, с какого рода нечи-стой силой имеют дело данные чаровники, с какою целью употребляют они свое таинственное знание и по другим причинам. Быть ведьмой, ведьмаком, вовколаком, с точки зрения белоруса, более предосудительно, чем быть просто чаровником: разные чаровники бывают. Ведьмой, ведь-маком, вовколаком белорусы ругаются, как чем-то позор-ным, но этого не замечается относительно слова чаров-ник, ворожбит и знахарь. Слыть знахарем даже почетно. Знахари и знахарки употребляют свои познания больше на пользу ближнего, а ведьмаки и ведьмы почти никогда.

Чаровником называют вообще того, кто умеет совершать чары, т. е. такие суеверные, таинственные обряды, заклинания, которым подчиняются стихийные и другие силы. Впрочем, не всякий чаровник умеет совершать все эти чары, а только тот, который душу черту продал. Большинство же из них знают только что-нибудь одно. В этом и различие между большими, «важными», «настоящими» чаровниками и малыми, узкими специалистами.

Профессиональное колдовство. В последнем смысле считаются чаровниками те люди, которые по своим знаниям поставлены в близкое общение с тою или другою стихиею, каковы кузнецы, мельники, лесники, пастухи, пасечники, пивовары и др. Предполагается, что каждый из них хорошо изучил свойства той «нечистой силы», с которой приходится иметь дело вследствие своей профессии. Плох был бы тот мельник, который не знал бы, как угодить водяному; или тот пастух, который не умел бы изгнать хлевника. Поэтому мельника с «ветрака» приглашают лечить «подвей» (паралич); мельники с водяных мельниц умеют «дать воды», т. е. нашептывать на воду заговоры для излечения болезней или с целью насылания их. Впрочем, некоторые из них, опираясь на помощь своего нечистика, могут производить чары, не относящаяся прямо к предмету их профессии. А при том никто, конечно, не воспрещается, например, мельнику, изучить ремесло лесника или ворожбита, он может быть и вовколаком, и жена его может быть отличной ведьмой. Но все это необязательно. А вот угодить водяному, чтобы он давал постоянно достаточное количество воды, чтобы мельница не стояла, когда много «завозу», – все это мельник должен знать или пусть не берется не за свое ремесло. И мельник с ветряной мельницы должен уметь «запрячь ветер» и, само собою разумеется, тех духов, которые производят ветер, вихрь, бурю и т. п. он должен

все предусмотреть: не насиловать ветра, чтобы тот не рассердился и на долго не улегся; должен уметь вызвать его в затишье, когда надо молоть, а также умиловать бурю, чтобы она не поломала мельничных крыльев.

Опытный мельник с водяной мельницы, при первых заморозках, когда вода покрывается тонкой скорлупой льда, опускает водяному под колесо кусок сала, «каб колесы не скрипели», как объяснял это старый мельник, Григорий Порецкий (Холопеничи, Борисовск. уезда); а когда убивают свинью, то бросают и целое стегно. Впрочем, неразборчивый водяной иногда довольствуется и частью свиных кишок, покрытых кишечным жиром. Не принеси мельник этой жертвы водяному, то не наберешься смазки для колес: водяной будет вылизывать ее из букс и слизывать с осей, а кроме того и бед может причинить не мало.

Мельник с ветряка, чтобы поднять затихший ветер, взбирается на «шапку» своей мельницы и бросает горстями муку «на ўзвей вецер», как говорят белорусы.

Лесник, в свою очередь, должен уметь умиловать лешего, а не то он может наслать на него какого-нибудь опасного зверя, который, чего доброго, может поранить или растерзать. И вот, в искупление себя, взамен своего тела, лесник добровольно приносит часть его в жертву лешему, – часть, впрочем, самую безобидную.

Заменять целое частью в таких случаях – дело обычное у некультурных народов. Так некоторые дикие племена, избивавшие в прежние времена на могилах своих вождей их жен и рабов для загробных услуг, теперь допускают некоторый компромисс в этом отношении; именно выбивают обреченным по одному зубу или отрезают мизинцы, волосы, ногти и бросают в могилу.

Так поступают и наши «знающие на речах» лесники. Отправляясь на Благовещение в лес, они несут с собою

кусок хлеба с солью; в него втискивают немного своих волос, а иногда и ногтей. Придя на опушку леса, становятся лицом к востоку и приговаривают, кружа хлеб около головы:

*Усю зиму морозы трещали,
Бури выли, ветры шумели,
Сосны и ели скрыпели;
Вауки хадзили, галасили –
Есьци прасили:
Чи ты дай голову авеччу,
Чи чалавеччу.
На святое Благовещення
Уси звяры на вырай пашли;
Вайки выюць, свиньни стогнуць,
Мядзедзи мармочуць,
Зубами скрыгочуць,
Есьци хочуць:
Чи ты дай галаву авеччу,
Чи чаловеччу!*

– *Досьць маих валасоў!* – трижды восклицает лесник, и после этих слов, бросает хлеб, наотмашь, далеко в сторону. По другому варианту в конце приговаривают: «Апричь (кроме.) маея галавы!»

Тут будет кстати сказать несколько слов о заговаривании ружья.

Белорусские крестьяне уверены, что искусные лесники, благодаря знанию особых заговоров, могут стрелять без промаха, могут прострелить кому-нибудь шейный платок, не тронув шеи, а другим могут «портить» ружья так, что они будут «живить»: таким ружьем как ни подстрели дичь, а она улетит или убежит. Иные так, дескать, «заговорят» ружье, что после выстрела дробь остается в стволе или выстрел не попадает в цель, или, наоборот, весь заряд будет попадать в мелкую дичь, так что она будет никуда негодна.

Опытные люди советуют держать дробь во рту, когда заряжаешь ружье, чтобы ее «не заговорили». А при том – нужно знать соответствующие заговоры. В нашем распоряжении имеется один из них:

*На синем мори,
На беражочку,
На жоутым пясочку,
Стоит дуб зялений,
к зямле нахилений.
А с того дуба
Як узнималися
Шуры да буры,
Ветры кавуры (?);
Як нанасили
Гяусцоу (глухарей), цяцерек,
Гусей и вуток,
Малаго птаства,
Як цемной хмары (тучи);
Як наганяли
Лисиц и зайцеу,
Ласей и дзикоу (кабанов)
Мне на потребу
(Или – Скольки мне треба).
Ой, ляцице пташки
И шерья вутки*

*Ка мне стральцу-малайцу!
Бежице лисицы
И шерья зайцы
На мою стрельбу (ружье)!
А моя стрельба
Рученая-вученая,
Каб маху не давала,
Усякое живела
На мести клала.*

Этот заговор произносится, когда входит охотник в лес, чтобы тянулась к нему дичь*.

«*Настоящие*» чаровники. Все указанные нами виды профессионального колдовства, если оно не выходит из очерченных нами рамок, немногими в Белоруссии считается делом предосудительным; напротив, большинство смотрит на все это, как на высшее знание данной профессии, существенно необходимое для ее успешного выполнения. Но чтобы быть заправским чаровником, обладающим высшей степенью могущества, нужно продать черту свою душу. Для этого надо порвать всякую связь с церковью и совершить нечто чрезвычайно кощунственное: во время причащения не проглатывать св. Таин, а удержать их во рту; потом вынести их «на розстаньки» (перекресток дорог), положить на одном из крестов, которые почти всюду в Белоруссии ставятся на перекрестках, и выстрелить в св. Причастие. В это время, как говорят, видится Христос Распятый.

Можно предполагать, что если на подобный поступок и решались, то разве только в глубокой древности, когда христианство боролось с язычеством. Этим актом, вероятно, знаменовалось отречение от христианства и окончательный возврат к прежним верованиям, к прежним богам. Ныне же почти всюду в Белоруссии так много распространено рассказов о том, что большинство стрелявших в Св. Причастие (если только это когда-нибудь делалось) сходили с ума, превращались в диких зверей и тому подобным подвергались наказаниям, что едва ли кто-нибудь решится совершить такое кощунство.

* По части профессионального колдовства кузнецов, пасечников и пр. у нас не имеется материалов; что же касается пастухов и колдовства, связанного с их занятием, то мы попутно сообщали о нем при описании обрядов изгнания хлевника и празднования Юрья.

Кто совершит такой поступок, тому-де до его смерти будет служить черт, исполнять все его приказания. Что скажет такой чаровник, то и сбудется.

По народным воззрениям, желание «счаровать» кого-нибудь является у чаровника стихийно, произвольно, иногда помимо его сознания. Он тогда чародействует, когда «кроў яму вочи зальець», когда «нячистая сила к галаве падступиць, у галаву удариць», – так народ выражает ту мысль, что чаровник действует как бы в иступлении, в полузабытьи. Будучи в таком состоянии, он должен непременно кого-нибудь «счаровать». Тогда ему на глаза не попадайся – ни за что пропадешь.

Известные чаровники пользуются среди населения наружным почетом, но в большинстве случаев – неискренним. Во время семейных торжеств – свадеб, крестин – их сажают на почетные места, обращают на них исключительное внимание, особенно усердно угощают, чтобы не раздражить их и тем не повредить будущему счастью новобрачных или новорожденного. Такое отношение к своей особе чаровник принимает как нечто должное, вполне заслуженное и не стесняется угрожать хозяевам или тому, кем он недоволен, что счарует. – «Ну, будзеце ж вы мяне помниць». – «Я вам дамся у цямки!» – говорит в таких случаях чаровник. Присутствующих при этом охватывает страх. Навлекшие неосторожно гнев одного чаровника, стараются разрешить его чары при помощи другого. Бывают случаи, что впечатлительные люди, при угрозе чаровника повредить им, падают в обморок, а иногда серьезно заболевают нервным расстройством. Это еще более увеличивает славу чаровника и вселяет суеверный страх к нему.

Ведьмы и вовколаки. Мы уже имели случай упомянуть, что, из числа сообщников нечистой силы, самой дурной репутацией среди белорусов пользуются ведьмы. Это,

во-первых, объясняется тем, что ведьма, по понятиям народа, – чертова любовница, что она находится в непосредственной связи именно с чертом, а не с какой-нибудь другою, более безобидною, нечистой силою. Во-вторых, в Белоруссии были нередкостью, даже в прошлом веке, публичные сожжения ведьм, что, несомненно, должно было ухудшать их и без того дурную славу в народе.

Правда, в Белоруссии формально не существовало священной инквизиции и потому сожжения ведьм производились не в таких ужасающих размерах и обставлялись далеко не так торжественно, как в Западной Европе; но и того, что по этой части творилось у нас, было достаточно, чтобы произвести сильное впечатление на умы. Насколько проста была у нас процедура этих изуверческих актов, видно из письма управляющего имением графа Тышкевича, письма, относящегося к половине прошлого столетия. Вот что пишет наш доморощенный инквизитор:

«Ясновельможный пан! С возвращающимися крестьянами доношу, что с вашего позволения сжег я шесть чаровниц: три сознались, а остальные – нет. Две из них престарелые, третья тоже лет пятидесяти, да к тому же одиннадцать дней они все просидели у меня под чаном, так, верно, и других заколдовали. Вот и теперь господская рожь в двух местах заломана. Я собираю теперь с десяти костелов святую воду и буду на ней варить кисель: говорят, непременно все колдуны прибегут просить киселя; тогда еще будет мне работа! Вот и г. Эпернетти, по нашему примеру, сжег женщину и мужчину... Этот несчастный ни в чем не сознался, зато женщина созналась во всем и с великим отчаянием пошла на тот свет*».

Автор этого письма, как видите, говорит о сожжении восьми человек, как о деле самом простом, самом зау-

* Афанасьев. Поэтич. возр. слав, на прир., т. III.

рядном, ни на минуту, по-видимому, не сомневаясь в своей правоте. Судя по этому наивному тону, от которого веет бессознательной жестокостью, холодным ужасом, немного требовалось, чтобы попасть на костер.

Почва, которая порождала столь печальные явления, как ведовство и многочисленные процессы ведьм, и у нас, и в западной Европе, была одна и та же. Это, во-первых, повальное невежество, благодаря которому и в высших и в низших слоях народа упорно держались остатки древних верований; во-вторых, чрезмерное закрепощение крестьян. Крепостное состояние давило народ экономически, держало его в постоянной нищете, изнуряло непосильным трудом... Оно особенно тяжело отзывалось на положении женщины, во-первых, потому, что она физически слабее мужчины, а во-вторых, потому, что она была закрепощена вдвойне: и мужу, и помещику. Чрезмерный труд, горе, болезни в конце расшатывали организм женщины. На этой почве легко возникало нервное расстройство, которое проявлялось в разных формах и при том действовало заразительно, как например, кликушество. Понятно, что могли являться такие люди, которые в силу особого болезненного состояния своей нервной системы, воображали, что они действительно находятся в общении с дьяволом.

Но обратимся к народным воззрениям на ведьм.

Благодаря своей любовной связи с чертом, ведьма научилась от него колдовству, узнала таинственные свойства некоторых трав и кореньев. Прибавляя к этим травам лисичье сердце* и кошачью печень, причитывая известный ей заклинания, она вываривает из них волшебную жидкость, которая имеет свойство придавать ведьме мо-

* Между прочим, лисичье сердце считается вернейшим средством от пьянства. Сердце сушат, размельчают в порошок, настаивают его на водке и дают пить пьяницам.

лодость и чудную красоту или же, не изменяя ее внешности, сообщает ей необыкновенную привлекательность, совершенно неотразимую для простого смертного. Кроме того, когда выпьет ведьма добытую ею чудесную жидкость, то становится легкою, как пух, и может носиться по воздуху, или «по ветру», как говорят белорусы. Так летает ведьма на таинственные бесовские игрища, шабаши, которые совершаются ночью, где-нибудь на высокой горе (такая гора, от соприкосновения с нечистой силой, становится «лысой»). Главный шабаш происходит один раз в году, в самую бурную ночь между Ильиным и Успеневым днем. Эта ночь почему-то называется *рябиновой*, *воробьиной*, иногда, но редко, *громовой*. Страшный гром, непрерывная молния отличают ее от других ночей. И вот под грохот грома, ослепительный блеск молнии, завывание бури слетается нечистая сила на свой годовой праздник. Далее этого народная фантазия не идет. Ничего напоминающего «Черную обедню» в памяти белорусов не сохранилось.

Кроме полового общения с сатаной и очаровывания мужчин, ведьмы еще отбирают у чужих коров молоко (ведьмы-коровницы), *заламывают заломы* во ржи на неурожай, на болезнь и на смерть людей, на падеж скота. Они могут сглазить беременную женщину, могут своим взглядом убивать плод в утробе матери и тем производить выкидыш; они тайно выкрадывают младенцев у рожениц. Ведьма также может оборачиваться в сороку и черную кошку.

Последнее свойство ведьмы – оборотничество – роднит ее с так называемыми в Белоруссии *войкулаками*.

Вовколак – это человек, превращающийся в волка. В волчьем виде он пожирает и людей и скот. Такой волк-оборотень чрезвычайно кровожаден и поэтому опасен. Ростом он больше обыкновенного волка; особенно вели-

ка у него голова; у него четыре глаза: два на лбу, два на затылке, так что он видит во все стороны.

Чтобы скинуться волком, нужно трижды перевернуться через нож, воткнутый в землю, произнося при этом особое заклятие. Но его-то нам никто и не мог сообщить.

Когда такой волк вдоволь напьется человеческой крови и захочет снова стать человеком, он должен трижды перевернуться через тот же нож, но в обратную сторону. А если кто-нибудь подстержет эти превращения и, в отсутствии вовколака, выдернет нож из земли, то вовколак так навсегда и останется волком. Впрочем, и обыкновенного человека, силою чар, можно превратить в волка; он также волей не волей, будет питаться людьми и животными, но когда его станешь травить собаками или захочешь убить, то он плачет человеческими слезами.

Вера во всевозможные виды превращений вообще свойственна миросозерцанию первобытных народов. Достаточно вспомнить отражение этого верования в нашем былинном эпосе, хотя бы в образе Вольги Всеславьича, который научился хитрости-мудрости – серым волком рыскать по полю, сизым орлом летать под облака, щукой рыбой плавать в море.

Убеждение в возможности подобных превращений основывалось на множестве наблюдений, дурно понятых и неверно истолкованных. Видел, например, первобытный человек, что семечко превращается в растение, завязь в плод, яйцо в птицу; он видел окаменелые деревья и еще много подобных примеров, которые должны были укреплять его в мысли, что переход из одного состояния в другое – дело возможное. В самом деле, если зерно превращается в растение, завязь в плод, яйцо в птицу, дерево в камень, то почему человек не может превратиться в волка, в кошку, в сороку? На этот вопрос первобытный

человек, не знающий границ, где кончается возможность превращений, должен был отвечать утвердительно.

Это первобытное воззрение сохранилось, в известной степени, в мирозерцании белорусов и до наших дней.

Ворожбитки и знахарки. В Белоруссии гораздо больше встречается ворожбиток, чем ворожбитов, и знахарок, чем знахарей. Эти люди хотя и причисляются к сообщникам нечистой силы, но, тем не менее, пользуются в народе искренним почетом и уважением, особенно те из них, которые избрали своею специальностью исключительно врачевание болезней и разрушение колдовства других. Они хотя и прибегают к нашептываниям и другим таинственным действиям, но также знают и довольно рациональные способы и средства лечения болезней: вправляют вывихи, связывают поломы костей, выравнивают у маленьких детей искривления ног, позвоночника и др.

Считаем не лишним привести здесь некоторые знахарские средства лечения болезней. Насколько они, эти средства, рациональны – судить не беремся, предоставляя это людям, более нас компетентным в медицине.

Средства против лихорадки. Мелко изрубленные листья полыни смешивают со свежим хлебом; из этой смеси катают шарики величиною с грецкий орех или немного поменьше и дают их глотать больному.

Иногда дают больному есть полынь в чистом виде, без всяких примесей.

Не менее действенным средством от той же болезни считается сердцевина подсолнечника, очищенная от коры и высушенная на солнце. Ее толкут в порошок и дают больному приблизительно столовую ложку этого порошка, размешав его в полу-стакане воды.

От ревматизма и ломоты в костях, кроме натирания камфорой, употребляется корень цикуты. Его сушат, тол-

кут в порошок, который смешивают со свежим коровьим маслом, и этой смесью натирают больные места.

Ломоту в костях лечат посредством втирания медвежьего жира; больное место, после каждого втирания обвязывают заячьей шкуркой, шерстью вниз.

При ломоте в спине или плечах натирают больное место мелко истертым хреном или редькой. Это натирание производится в бане, в сильном духу.

В самый разгар полевых работ многие крестьяне, истомленные чрезмерным трудом, жалуются обыкновенно на боль и ломоту во всем теле, особенно в сочленениях костей. Причиной этой боли они считают застой крови. Для оздоровления они парятся и натираются в бане, в сильном духу, крапивой-жигучкой, так что все тело покрывается волдырями. Это средство считается радикальным и предпочитается постановке рожков и пиявок.

От *чахотки* и других *грудных болезней*. Кладут телячьи легкие (от одного теленка) в глазированный горшок, прибавляют туда фунт свежего коровьего масла и фунт меду-липцу. Горшок герметически закупоривают, обмазывая крышку тестом, и ставят на целые сутки в жарко натопленную печь. Образовавшуюся в горшке жидкость дают больному 3 раза в день по столовой ложке.

В апреле месяце собирают смолистые молодые отростки сосны, которые в народе называют шишками. Их сушат на солнышке и, по мере надобности, кипятят в воде. Получившийся настой, когда он остынет, пьют по два, по три стакана в день.

С тою же целью собирают смолу-живицу (для этого нарочно очищают от коры сосны с солнечной стороны); ее кладут в бутылки, наливают криничной водой и ставят на солнце. По истечении, приблизительно, недели спивают настой из первой бутылки и вновь наливают ее, потом из

второй и так до последней (бутылок бывает от 5 до 7). Затем снова принимаются за первую и т. д.

Последние два средства считаются не только излечивающими чахотку, но и вызывающими аппетит, придающими здоровый цвет лицу, вообще оздоравливающими.

Кроме того, от грудных болезней практикуют следующее средство. Кипятят в молоке, а при недостатке молока и в воде, высушенные корни пырея. Пьют три или два раза в день по стакану или по полстакана.

Также советуют чахоточным пить настой на бобовнике (болотное растение) или же полынной водки по полрюмки в день.

Геморрой лечат ваннами, причем в ванну вливают отвар «дзивосила», а больному, прежде чем садиться в ванну, привязывают горячий кирпич к крестцу.

От *золотухи* дают пить настой на «чистеце» (чистотеле). Его же варят в воде, и отвар вливают в ванну, которую готовят для больного раз десять через день.

Худосочным детям дают сосать несоленое свиное сало.

Болезнь, называемую в народе «жоўтачкай», причину которой приписывают *разлитою желчи*, знахарки лечат довольно оригинальным средством. Из куриного кала выделяют белые части, толкут и смешивают наполовину с мелом; составленный таким образом порошок всыпают в воду и пьют. Понятно, что своим пациентам знахарки не говорят, какое лекарство они дают им. Как ни странно это средство, но мы должны сказать, что видели нескольких больных с разлитием желчи, употреблявших это средство и излечившихся.

Мелко-истолченная сера, смешанная с жиром, употребляется как средство против *чесотки*. Больной влезает в теплую печь и там натирается этой мазью.

Чесоточных также купают в очищенном дегте.

Если кого-нибудь укусила гадюка за руку или за ногу, то укушенный член перевязывают, чтобы остановить движение зараженной крови, и к распухшему месту прикладывают брюхом живых лягушек.

Сильные *ожоги*, а равно отмороженные члены лечат следующим способом. Из созревшего плавуна вытряхивают желтую пыль и этой пылью посыпают пораженные морозом или обожженные места, а сверху обвертывают полотном.

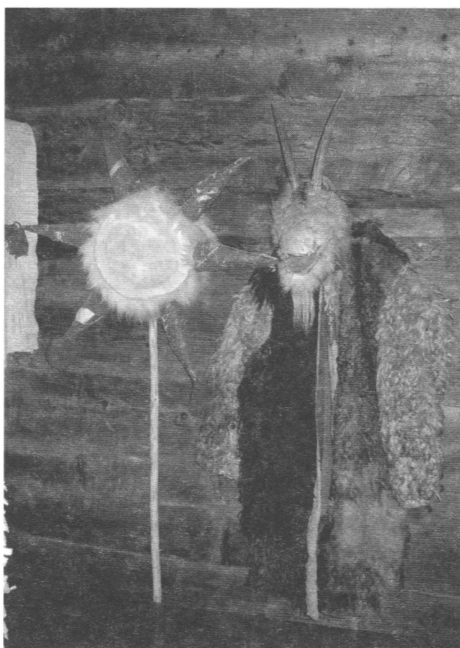
Мы здесь привели далеко не все средства, из числа известных нам. Мы имели в виду только дать некоторое понятие о той стороне знахарства, которая, хотя отчасти намекает на рациональность. Но нам известна незначительная часть знахарских средств, вообще многочисленных, которые еще ждут своего исследователя.

Вера в *ворожбу* так сильно распространена между белорусами, что редкий из них начнет сколько-нибудь важное дело, не побывавши предварительно у ворожеи. Эта последняя, если она особа умная, пользуясь знанием тайных и явных дел почти каждого семейства своей округи, часто довольно большой, имеет возможность давать дельные советы обращающимся к ней. Такая ворожея, благодаря превосходному знанию местных дел, пользуется нередко обширным влиянием на народ. Конечно, встречаются среди ворожей такие, которые сознательно обманывают темный люд; но большинство из них искренно верят в возможность тем или другим способом проникнуть за таинственную завесу неизвестного будущего. В семье автора этой статьи была настолько популярная ворожея, что по праздничным дням ее изба была битком набита желающими ворожить. Автор был поставлен в наилучшие условия для наблюдений, как эта ворожея относилась к своему ремеслу, и должен сказать, что относилась она с полной верой, что она была глубоко убеждена

в существование таинственной связи между известными комбинациями карт, расположением линий на руке и прошедшей или грядущей судьбой данной личности. Вместе с тем она обладала замечательной наблюдательностью и какой-то прирожденной, инстинктивной проницательностью, которая более всего содействовала ее популярности, как искусной гадалки. Эта бессознательная догадливость приводила в изумление всех домашних и ее саму. Помнится, как однажды какой-то деревенский скептик, которого ворожбитка вовсе не знала и окольными путями справок о нем не наводила, захотел испытать – насколько соответствует действительности слава о ее ворожбе, и для этой цели попросил ее погадать о его женитьбе, что он-де жениться хотел бы, так что ему выйдет на картах или на черепочках. Но ворожбитка, не гадая, лишь только взглянула на него, ответила: «ты женат!» что и было на самом деле. Подобных случаев встречалось в ее практике не мало. Бессознательность, инстинктивность таких угадываний укрепляла ворожбитку в вере, что она орудие какой-то таинственной силы, проявляющейся чрез ее посредство. Между прочим, это была натура энергичная, сильная волей и вместе с тем чуткая, впечатлительная, даже экзальтированная. Внешность ее вполне соответствовала внутренней личности и поэтому производила сильное впечатление на ее клиентов и пациентов (она была и лекарка). Ее ремесло не мешало ей, однако, строго выполнять все церковные обряды, а также те эпитимии, которые налагало на нее духовенство на исповеди, за ворожбу и знахарство. Но, не смотря на требования священников, она не могла оставить своих знахарских занятий, хотя и считала их делом греховным. Единственный компромисс, который она допускала в этом отношении – это не гадать в среду и пятницу и в установленные церковью посты; но даже и в то время «давала воду» больным

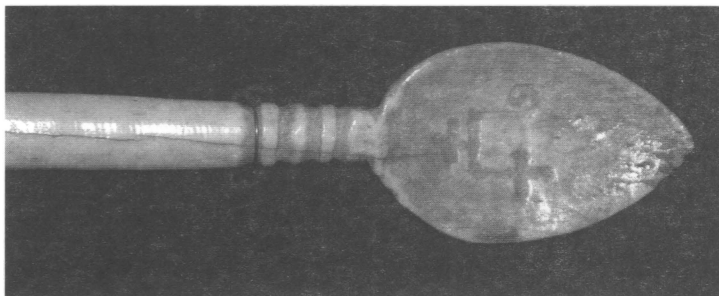
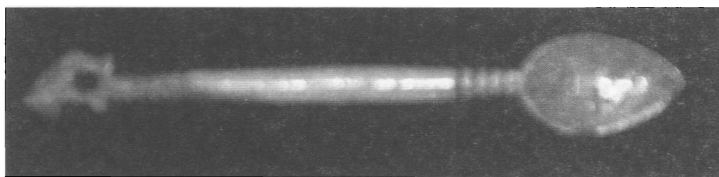
и свои «зелья». Иногда, впрочем, решалась и ворожить в постные дни, если, по ее мнению, повод для ворожбы был уважительный, например – пропажа у крестьянина лошади или что-нибудь в этом роде. При этом потерпевший соглашался обыкновенно взять на свою душу грех.

В семье нашей ворожбитки настолько сильна была вера в таинственность ее ремесла, что ни одна из дочерей ее не решилась усвоить способы ворожбы и знахарства, когда старуха-ворожбитка, чувствуя близость смерти, предлагала им научиться ее искусству.



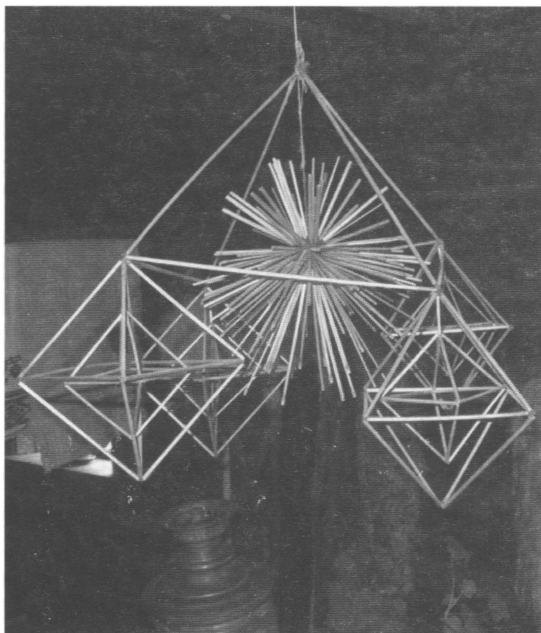
Дом деревенского колдуна, построенный им с соблюдением скрытых от несведущих правил (по крайней мере, так свидетельствуют сотрудники музея народной архитектуры и быта в Озерках, где он ныне находится)

Вифлеемская звезда и наряд колядовщика. Коляда – праздник зимнего солнцеворота, который очень долго сохраняет языческие черты под внешним налетом христианства



Костяная ложка XVI века с магическими знаками, использовавшаяся для лечебных целей (музей древнебелорусской культуры АН РБ)

Традиционный домовый оберег «паук», призванный защищать жилище от нечисти и дурного глаза. Такие обереги делали из соломы на определенный срок. Они могли иметь разный внешний вид, но всегда сходное назначение и собственно устройство



VII. СПОСОБЫ ЛЕЧЕНИЯ, ОСНОВАННЫЕ НА СЪЕВЕРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ, И КОЛДОВСТВО

Выше мы познакомили читателя со способами лечения, которые составляют более или менее положительную сторону народной медицины, в которых проглядывают некоторый опыт, наблюдения. Но на ряду с этими сравнительно рациональными способами рекомендуются знахарями, а также практикуются самими крестьянами, и такие способы, которые прямо вытекают из сущности фетишистического или анимистического строя мышления относительно происхождения болезней. Так мы уже говорили о «вогнике», — болезни, которая, по мнению белорусов, насыщается раздраженным огнем, в отместку за свое осквернение. По всей вероятности такое мнение о происхождении огника возникло из сходства этой кожной болезни со струпьями от ожогов: от сходства следствий сделано заключение об однородности причин. Переноса, сверх того, на огонь свойства своей личности, первобытный человек объяснял ожоги, вероятно, тем, что огонь не любит, чтобы к нему прикасались «голоручь», что за это он *кусается*. Про ожог и по сей день говорят: «укусила жижа»*. Приведем еще пример. Если переходить через круги, начерченные кем-нибудь на земле, или ступить на круг, оттиснутый дном ведра, или же ходить по

* Надо заметить, что «жижа» (название огня), «зюзя» (название зимы, холода) — употребляются только в детском языке или, вернее, в разговоре взрослых с детьми.

тем местам, где лошадь качалась, то от этого пойдут по телу лишай, а на голове появятся плеши. По этой причине советуют обходить круги или, еще лучше, сглаживать их, чтобы незнающих предохранить от болезни. Таково народное воззрение. Спрашивается, – каким образом оно могло возникнуть? Нам кажется, что здесь все дело именно в подобие, в уподоблении: есть, во-первых, лишай, имеющие форму круга, а во-вторых, то место, где качался конь, называют плешью, подобно тому, как плешью же называется место на голове, лишенное волос стригущим лишаем. По-видимому для первобытного ума было достаточно сходства в форме и в названии, чтобы заключить, что круг или плешь как бы перешли с земли на тело того человека, который к ним прикасался. Лечат лишай так. Сначала обводят концом веретена кружок около лишая, чтобы он не распространялся далее, а затем обмывают его или водой, осевшей на окнах, или помоями от посуды.

Ниже мы еще встретимся с разными суевериями, которые показывают – какое значение в воззрениях белоруса имеют уподобления (например, лечение «ячменя», нарыва на глазном веке, ячменными зернами и многое другое); теперь же, для полноты картины, напомним читателю, что большинство белорусских заговоров построены на фигурах уподобления, например: «водзяные ключи закрывались, Юрдан-река станавилася: закрыйцися, жилы кровавыя! стань, не цячи, кроў чирвоная!» или же: «река стала – и кроў стань» и т. д. Подобные обороты так часто встречаются, что дают основание заключить, что именно в уподоблении, по мнению белоруса, и полагается главная сила заговора.

Есть и еще случаи фетишистического объяснения происхождения болезней, но господствующее воззрение на причины их грубо-анимистического характера. Из этих воззрений можно заключить, что болезнь представляется белорусу, как невидимая, но материальная сущность,

которая может входить в человеческое тело или обволакивать собою его и тем причинять боль; или же болезнь – это злой дух, вошедший в тело во время сна или испуга. Точно также причиной болезни может быть «порушение души», при котором душа, хотя и находится в теле, но не на своем настоящем месте.

Все эти объяснения происхождения болезней логически вытекают из анимистических воззрений. Если наш дух может входить и выходить из тела, что, как думают дикари, случается во время сна, то почему же не может сделать это и всякий другой дух? Первобытный человек не имел оснований отвечать на этот вопрос отрицательно; напротив, много было данных, чтобы ответить на него утвердительно. Его побуждали к этому характерные признаки многих болезней, именно болезней, сопряженных с горяченным бредом, корчами, судорожными, произвольными движениями, дрожью и т. п. Соображая, что движения нашего тела зависят от присутствия в нем души (после смерти – в отсутствие души – тело неподвижно) и что в этом случае наши движения сравнительно целесообразны, более или менее разумны, и сравнивая это нормальное состояние человека с болезненным, например, когда человек одержим припадками эпилепсии, лихорадкой, сумасшествием и тому подобными болезнями, под влиянием которых он производит такие движения, совершает такие поступки, которые прямо клонятся к вреду его и дорогих ему людей – из всего этого дикарь должен был заключить, что их производит враждебный, злой дух, вселившийся каким-то образом в тело больного. При тех познаниях, которыми обладает дикарь, иного заключения он и не мог сделать, оставаясь логичным. Например, во время сильных приступов лихорадки, дикарь употребляет все усилия, чтобы не дрожать, не делать судорожных движений, однако тело его трясется, напряживается,

его руки и ноги сгибаются, челюсти дрожат... Очевидно, что эти движения производит кто-нибудь посторонний ему. Часто во сне ему приходилось вздрагивать, подпрыгивать... Кто это его подбрасывает? Очевидно, не сам он, ибо это было помимо его воли, а кто-нибудь другой. И мало ли в нем совершается произвольных движений? Он чихает, икает – все это совершается вопреки его воле. Но кто-нибудь производит же эти движения? И этот «кто-нибудь» невидим, неосязаем, следовательно – он дух.

Исходя из того взгляда, что большинство болезней происходит от вселения в человека чего-то невидимого и что это невидимое и причиняет болевые ощущения; что, затем, всякая нечистая сила, как могущая быть невидимой может вселяться в нас и всячески мучить нас, – человек делает заключение, что те люди, которые находятся в близком общении с нечистой силой, как например, разного рода чаровники, могут насылать всякую «нечисть» на людей и тем причинять им всевозможные болезни. Такой взгляд разделяют и белорусы, и про всякую, сколько-нибудь серьезную, болезнь говорят, что она *сделана* кем-нибудь, что ее тот или другой чаровник «зрабиў», «поддзелаў», «наслаў».

Сообразно с таким мнением о происхождении громадного большинства болезней, практикуются соответственные способы и средства для их излечения. Некоторые болезни только хороший знахарь может вылечить, а другие лечатся, так сказать, домашним порядком: настолько способы лечения их популярны.

Если болезнь есть некоторая материальная сущность, вошедшая в человека, или если ее производит поселившийся в теле человека какой-нибудь посторонний дух, то, очевидно, больной только тогда выздоровеет, когда будет устранена причина болезни, то есть изгнан враждебный дух. Вопрос – как его изгнать? Самый простой способ, дик-

туемый первобытным умом, есть способ, так сказать, механический, подобный тому, как, например, выгоняют воздух из пузыря, выжимают воду из мокрой тряпки и т. п.

И действительно, такие чисто механические способы широко распространены в нашей деревенской медицине.

Если болезнетворный дух поселяется в человеке, то, надо думать, что всего скорее он может поселиться в полостях грудной и брюшной, которые прямо сообщаются с внешним миром. А если это так, то всего легче изгнать духа посредством давления на грудную и брюшную полости, так сказать – выжимать его.

Топтание. Так и поступают в белорусских деревнях. Кладут больного у порога животом книзу, а на спину ему становится нарочно выбранный для этой цели человек и трижды слегка подпрыгивает, стоя у больного на спине. Это повторяется три раза подряд, но с небольшими промежутками. Делается это утром и вечером каждый день, пока больной не поправится или не обратится к другому средству. Топтание больного считается в белорусской первобытной медицине самым первым средством против всяких внутренних болезней.

Перед порогом кладут больного для того, чтобы вышедший из него дух нашел скорый выход из избы и не поселился в ком-нибудь из присутствующих.

Перворожденные слывят наиболее пригодными для роли топтальщиков.

Катание. На ряду с топтанием практикуется сродное ему средство – катание больного. Оно употребляется особенно тогда, когда болит живот, но не пренебрегают им и при головной боли. Больного кладут на дерюгу и, взяв в руки концы ее, качают его с конца в конец дерюги.

Растирание. Также в ходу растирание руками больных частей тела, особенно живота. Смотря по характеру болезни, растирание производится то сильное, то легкое

и притом в разных направлениях. Мы полагаем, что и этот деревенский массаж находится в связи с представлением о возможности изгнания болезней путем механического давления.

Грызение. Наросты на костной ткани, припухлости, вздутие жил, грыжу и тому подобные болезни лечат посредством легкого грызения зубами больного места. Вероятно этим способом думают утратить боль. Знахарки, впрочем, губами вдавливают внутрь пупочную грыжу.

Ставление горшка. К механическим средствам лечения должно быть отнесено и ставление горшка на живот; оно практикуется при болях в животе, при «порушении», т. е. предполагаемом перемещении внутренних органов брюшной полости, вследствие чрезмерного напряжения. Способ следующий: кладут больному на живот корку хлеба или небольшую дощечку, на ней зажигают клочок льна и покрывают печным горшком средней величины. Последующий процесс понятен: происходит то же, что и при ставлении рожков, только в гораздо больших размерах: иногда живот вдавливается в горшок до четверти его высоты.

Откидывание. «Ячмень», небольшой нарыв на глазном веке, лечат особым способом, который зовется в народе «откидыванием». Отсчитывают девять ячменных зерен и каждое из них, предварительно обмахнув трижды вокруг больного глаза, отбрасывают наотмашь в сторону. Потом пускают в избу курицу, чтобы она поклевала эти зерна.

Лечение болезней, происходящих от испуга. Вздрагивание при испуге белорусские крестьяне объясняют тем, что это «душа выскочиць хацела». Если испуг будет очень силен, то полагают, что душа может от этого очутиться «не на месте» или совершенно выскочить из тела. В первом случае человек претерпевает легкое расстройство, а во втором может серьезно заболеть, и такая болезнь будет сопровождаться горячечным бредом, неце-

лесообразными движениями, галлюцинациями и т. п.

Это сделалось «с пуду», «с переполоху», т. е. от испуга, говорят белорусы. В первом случае, при легком расстройстве, практикуется следующее средство. Берут четыре горячих уголька из своего очага и опускают их один за другим в сосуд с чистой криночной водой, и этой водой обмывают больного.

Если же болезнь более серьезного характера, то, чтобы возвратить испуганный дух, стригут понемногу волос у тех лиц, которые, по предположению, могли испугать больного, и теми волосами подкуривают его, заставляя глотать дым. Если причиной испуга было какое-нибудь животное, то и его стригут, и шерстью или перьями подкуривают. Так поступают, основываясь по-видимому на том соображении, что вместе с дымом войдет в больного его испуганный дух, который мог опочить на ком-нибудь из бывших при испуге или послуживших причиной испуга.

В Новогрудском уезде «переполох» лечат несколько иначе. Там, в этом случае, пускают в ход *выливание* и *вымеривание*, – средства, свойственные не только одной этой местности, а довольно широко распространенные, с разными, впрочем, видоизменениями.

Выливание. Надо взять воды «с лотока», т. е. с желоба, поддерживающего крышу, если изба крыта дранкой. Для этого, взобравшись на крышу, льют воду на желоб и тут же собирают ее, подставив горшок под конец желоба. Это проделывается несколько раз. Воду кипятят и сыплют в нее золу. Затем раздевают больного до гола и льют ему воду на макушку или только обмывают грудь и живот, собирая ту же воду в миску. При этом произносится заговор:

«Выход переполох из ручек, из ножек, из всяких косточек, из всяких суставочкоу! Можа чаго сполохоуся, можа воука, чи мядведзя, мо лиса, мо ката, мо сабаки,

усякаго зверя, мо якого дурного чилавека». (Щорсы, Новогрудск. у).

Собранную воду процеживают чрез полотенце, надеясь найти в нем волос того животного, которое причинило переполох.

Вымеривание. Берут клубок ниток и измеряют больного по всем направлениям и все части тела, произнося тот же заговор, что приведен выше. Когда вымеривание окончено, нитку обрывают, свертывают в моток и сжигают. Зола от нитки сыплют в воду и эту воду дают пить больному.

Но испуг может быть, по мнению белорусов, и хорошим врачебным средством, в тех именно случаях, когда больной одержим злым, болезнетворным духом. Так испугом лечат «припадок», падучую болезнь, и говорят, что помогает. Такого больного стараются подкараулить где-нибудь в уединенном месте, нарядившись предварительно каким-нибудь страшилищем, и стараются возможно сильнее испугать эпилептика. Если испуг будет настолько силен, что больного сейчас же «кинець припадок» (явится пароксизм падучей), то больной, как уверены белорусы, непременно выздоровеет, и выздоровеет вследствие того, что от испуга из него выскочил болезнетворный дух.

Суроцы или *уроцы*. Глаза некоторых людей, в особенности черные, и глаза колдунов и ведьм обладают особым свойством «взварушиваць душу», тревожить ее, «сурочить», как говорят в Белоруссии. Сурочить (сглазить) можно и взглядом и удивлением; последнее менее вредно, но и «с подзиву» также приключаются заболевания. Для излечения «суроц» или «подзива» нужно, чтобы тот, кто сурочил, дал изо рта воды, и этой водой обмывают больного. Но если не знают определенно, кто бы мог сурочить, то дают изо рта воду все домашние и те люди, которые видели в последнее время заболевшего.

Вода дается так: наливают в миску чистой воды (предпочтительно – криночной) и поочередно набирают этой воды в рот и выпускают ее изо рта обратно в миску; это делается трижды.

Можно сурочить невольно, и белорусы, при чем-нибудь удивлении, высказываемом по поводу человека или животного, говорят: «соль тебе у вочи, галавешка у зубы». Этим замечанием они думают предохранить предмет удивления от опасных последствий суроченья.

Лечение лихорадки. «Трасца», или лихорадка, как известно, характеризуются дрожью, судорожными движениями и т. п., т. е. такими признаками, которые, по мнению белорусских крестьян, отличают болезни, производимые враждебными духами, вселившимися в человека. И лечение этой болезни строго-последовательно направляется к изгнанию предполагаемой причины ее, т. е. болезнетворного духа.

Принимая во внимание, что желания, высказываемые больным, – не его желания, а болезнетворного духа, и что, следовательно, исполняя эти желания, мы только поблажили бы болезни и тем делали бы приятным для нее пребывание в теле больного, рекомендуется поэтому поступать как раз наоборот, т. е. делать противное воле больного. А чтобы сделать пребывание трасцы в организме человека решительно невыносимым для нее, советуют выкуривать ее чем-нибудь особенно вонючим. Она особенно не любит дыма сухих дождевиков; ими-то и советуют раза три в день подкуривать больного.

Вообще нужно заметить, что всевозможные подкуривания, как врачебное средство, в большом ходу в Белоруссии.

Лечение «сцени». Теперь нам предстоит ознакомиться с новым способом врачевания, применяемого к особой болезни, которую белорусские знахарки называют «счень», что значит – тень.

Как понимание этой болезни, так и способ ее лечения находятся в тесной связи с тем первобытным воззрением, что тень – это наше второе «я», совершенно самостоятельная сущность, которая может от нас отделяться, которую мы можем потерять и, наконец, которую колдуны могут у нас похитить. Словом, тень, в глазах дикаря, та же душа. И белорусские крестьяне разделяют это мнение, свойственное первобытному состоянию ума, как равно и то, что люди, продавшие черту душу, порою не имеют тени. Отсюда понятно, что если лишиться тени, а тем более вместо своей получить чужую, да еще злую, враждебную, то человеку несдобровать: он непременно заболит. Так как у «нечистика» есть в запасе много теней, принадлежавших нам, грешным людям, колдунам, чаровникам, то он и посылает эти тени мучить людей. Их также насылают и колдуны.

«Сцень» характеризуется горячечным бредом и галлюцинациями, так что, по выражению знахарей, человек, «аж на сцену дзяретца». Такого больного выносят в солнечный день на двор, кладут навзничь на широкую доску, заранее приготовленную, и очерчивают углем ту тень, которую он отбрасывает на доске. Иногда обрезают пилой те части доски, которые выходят за пределы очертания тени, но это не строго соблюдается. Эту доску с очертанием на ней тени потопляют в кринице, с приговором: «каб ты не ворочалася, каб ты утапилася». Когда возвращаешься домой после, потопления тени, нельзя осматриваться назад. Иногда сжигают тень (вернее – ту доску, на которой она была очерчена) в печи или так где-нибудь: во дворе, на огороде.

Подвей и его лечение. Паралич белорусы зовут *подвейем*. По их понятиям, эту болезнь производит тот дух, который кружится в вихре. Лечение этой болезни относится к тому виду волхования, которое церковные поучительные слова и номоканоны осуждали под именем «науз».

Знахарь или знахарка сучит предварительно длинную нитку из дикой конопли или крапивы. Больного сажают перед топящейся печью; потом начинают просить подвей, чтобы он оставил больного в покое; от просьб переходят к угрозам, что если он, подвей, не оставит больного, то его силой свяжут и сожгут. Но так как со стороны подвья «ни гласа, ни послушания», то и приступают к его связыванию. Знахарь обвивает нитку вокруг головы больного, со словами, произносимыми шепотом: «вяжу тваю галаву», – и завязывает концы нитки в узелок на том месте, где они сошлись, так что получается петля в меру головы; затем вяжут живот, со словами: «вяжу твой живот»; далее, таким же образом, связывают грудь, руки и ноги больного. Все эти завязки бросают в печь, в огонь, а больному предлагают встать или поднять руку, смотря потому, какая часть его тела поражена параличом. Такое вязанье подвья повторяется несколько раз.

Мор. По белорусским преданиям, пред наступлением мора, иногда появляется *моровая панна*, которая, носясь по воздуху, машет черным платком. И над какой деревней она помашет своим смертоносным платком, в той деревне и проявится мор. Иногда она машет платком, просунувши руку в окно какой-нибудь хаты, и тогда в этой хате начнут умирать люди. Эта моровая панна, несомненно, олицетворение повальной болезни.

Чтобы избавиться от мора, в былые времена, по рассказам стариков, практиковали следующий способ. Молодые девушки запрягались в соху, а старухи брали в руки сковородки, косы и тому подобные брэнчащие предметы и, раздевшись до нага, с возможным криком, визгом, шумом, треском обводили борозду вокруг деревни. Весь этот шум имел, вероятно, целью испугать моровую панну и прогнать ее из села, если она в нем засела; а борозда – это своего рода «чуранье», обращение к покровительству Чура, чтобы

он не пускал болезнь чрез границу владений своего рода. Последнее, впрочем, наше личное мнение. Народ только верит, что чрез такую границу мор не проникнет.

Все заранее оповещаются об этом прокладывании границы. Мужчины не должны участвовать в этой церемонии, а если который из них попадет на пути, то его избивают до полусмерти.

Другим средством против мора считается *однодневное полотно*.

В назначенный день, до восхода солнца, собираются девушки со всего села в одну избу, и каждая из них приносит с собой по горсти льна. Они дружно, но в глубоком молчании, принимаются за работу: прядут лен, снуют основу, ставят кросна и ткут полотно. Когда полотно готово, все жители выходят за деревню и обходят вокруг нее, причем девушки, ткавшие полотно, несут его над головой с заунывным пением: аю-га! Когда сделают полный обход, то на том месте, с которого вышли, раскладывают небольшой огонь из щепок или лучинок, принесенных с каждого двора. Две девушки держат за концы полотно над огнем, а все жители деревни переходят через огонь под полотном и переносят детей и больных. Когда все выполняют эту церемонию, – полотно сжигают на том же огне.

Все это должно быть проделано в течение одного дня, с восхода до заката солнца.

Колдовство на смерть. Самый распространенный способ колдовства «на смерть» основан на том примитивном мнении, о котором мы уже говорили, что часть в известном смысле заменяет целое, и то, что мы сделаем с частью, сделается с целым. Основываясь на этом мнении, для умерщвления кого-нибудь посредством колдовства, стараются добыть волос того человека, и эти волосы кладут в воск или глину и лепят подобие человеческой фигуры. Эту фигуру кладут в маленький гробик, закапывают

в землю и наваливают камнем. Тот человек, чьи волосы положены в закопанную фигуру – полагают – вскоре должен умереть. Волосы можно заменять ногтями, частью одежды, землею со следа. Иногда лепят фигуру и без всего этого, но в таком случае ее нужно «окстить», т. е. назвать именем того человека, которого чаруют на смерть.

Другой способ волхования представляет вариант, вероятно позднейший, только что описанного. Волосы кладут в воск, но из воска делают свечку, а не фигурку человека. Свечку ломают пополам и, сломанную, зажигают перед иконой. Полагают, что подобно тому, как тает воск, растает, сгорит жизнь того человека, чьи волосы были положены в свечку. Этот способ волхования, между прочим, употребляется обманутыми девушками, чтобы отомстить обманщику. Впрочем, «ломают свечку» на чью-нибудь гибель и без волос.

Также «*вынимают след*» и вынутую из следа землю зашивают в мешочек и сушат. Так должен иссохнуть тот человек, чей след был вынут.

Но самым опасным способом волхования считается «*заламывание заломов*» во ржи. Это те же древние «*наузы*», о которых мы уже упоминали; в данном случае они состоят в завязывании узлов во ржи на чью-нибудь смерть. Оно сопровождается соответствующим заговором, в котором говорится, на чью голову залом ломается, какие страдания тот человек имеет претерпеть, какую смертью должен он умереть*. Заломы ломают на людей и на до-

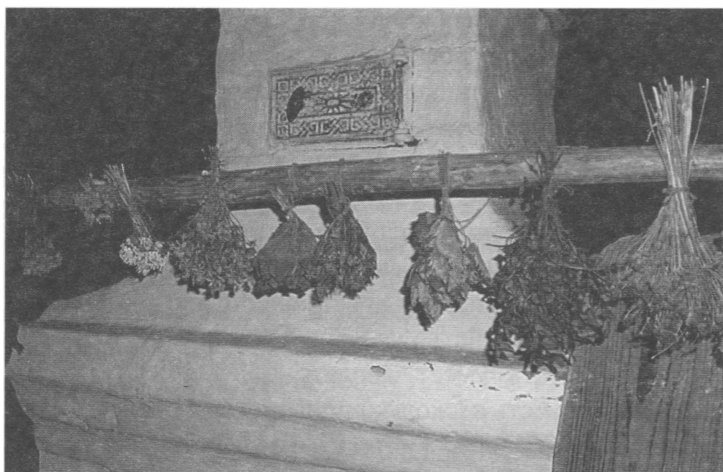
* Подлинный заговор, в числе некоторых других, мы, к сожалению, утеряли. Впрочем это был подбор самых обыкновенных проклятий, которые пускаются в ход белорусами во время ссоры, в роде: «каб табе ручки – у кручки, ножки – у качарезки; каб яму вочи вывернуло, язык высулопило» и т. п. Должно сказать, что заговоры на смерть, на болезнь весьма мало распространены в народе, даже среди знахарей, так что, пожалуй, можно сомневаться в том, что такого рода заговоры существуют; а если существуют, то как исключительное достояние

машних животных, на болезнь и на смерть. Когда находят во ржи завитки, это повергает в ужас хозяев нивы, и они тотчас же, не трогая залома, обращаются к чаровнику, чтобы он вырвал залом. За это чаровник получает приличную плату и угощение. А если кто-нибудь из интеллигентных людей, на виду у испуганных крестьян, верящих, что от прикосновения к залому может отсохнуть рука или поразить другая болезнь, вырвет залом без всякого вреда для себя, то такой случай крестьяне объясняют тем, что грамотному чародейство не вредит или что он тоже «мае мухи у носе», т. е. умеет чаровать.

Любизник. Есть несколько приворотных средств, «любизников» по-белорусски, но самым действительным из них считаются две косточки летучей мыши – вилочки и крючок. Добывать их рекомендуют так: надо посадить летучую мышь в новый горшок, завязать его новым же куском холста и закопать ночью в муравейнике. Возвращаясь домой, нельзя оглядываться назад и нужно заткнуть уши, чтобы не слышать писка летучей мыши. Через три недели нужно вынуть горшок из муравейника. Муравьи съедят всю летучую мышь, оставят только две волшебные косточки: крючок и вилочки. Чтобы приворожить кого-нибудь – стоит только незаметно потянуть к себе того человека крючком: будет так лнуть, что не отвяжешься без помощи вилочек; а надоело – стоит только оттолкнуть его вилочками, и весь любовный *шал* как рукой снимет.

Если же желают расстроить счастье новобрачных, то разбивают вдребезги горшок перед свадебным поездом, когда он возвращается после венчания молодых.

небольшого числа лиц, считающих себя «настоящими» чаровниками. Возможно, что они не хотят делиться своим сокровенным достоянием, придавая ему необыкновенную цену. Заговоры заурядных знахарей – все предохранительного и целительного свойства.



Разнообразные лекарственные травы, повешенные сушиться у печи. Народная медицина белорусов на деле использует множество целебных растений, ибо местные знахари, подобно русским или украинским, справедливо полагают, что нелекарственных трав просто нет. Нужно лишь уметь ими пользоваться



Сундук для хранения одежды и ткани (например, приданого), на который нанесены обережные «громовые» знаки, символы Перуна

VIII.

РАЗНЫЕ МЕЛКИЕ СУЕВЕРИЯ

В этой статье мы намерены сгруппировать все те пережитки древнего мирозерцания, которые, при систематизации наших материалов, мы упустили из виду отнести к тому или другому отделу или затруднились сделать это. Мы уже имели случай заметить, что белорусы держатся весьма многих суеверий совершенно безотчетно, не давая им никакого объяснения. И если вы спросите: почему то-то и то-то нужно делать, а того-то нельзя, то в большинстве случаев вам ответят: кто его знает; такая от старых людей *погоlosка* идет; старые люди знали, потому что умнее нас были; так отцы и деды делали и нам приказывали и т. п. Но если и существуют в народе объяснения тех или других суеверий и предрассудков, то, разумеется, нельзя ожидать от них рациональности; однако как бы ни были нерациональны эти объяснения, они важны и сами по себе, как материал для изучения народного мирозерцания, а также важны и в том отношении, что они часто дополняют пережитки старины и этими дополнениями нередко ставят их в связь с тою или другою особенностью народного мирозерцания и быта. Если же возможно установить связь между двумя или несколькими пережитками, если возможно обобщить их, тогда легко сделать тот или другой вывод, тогда легче придать им рациональное объяснение. Но повторяем: в мирозерцании белоруса есть немало совершенно бессвязных, одиноко стоящих суеверий. Такие одиночные суеверия напоминают собою ходячие присловья, заключительные

сентенции из народных анекдотов и нравоучительных рассказов, в роде, например, присловья: «семипудовый пшик», которое непонятно без соответствующего ему анекдота, хотя оно и употребляется самостоятельно и хотя анекдот мало кому известен; или в роде пословицы: «отступ, мара, – я твой бог» (так говорят навязчивому человеку), – пословицы, которая напоминает заклятие и очевидно имеет мифологическое происхождение; но ее первоначальное значение и смысл утеряны, забыты и могут быть восстановлены только при посредстве догадок, сопоставлений и остроумных соображений. То же можно сказать и относительно многих пережитков: когда-то народ умел себе объяснить – почему, например, от переполоха надо обмывать больного водой, в которую опущено четыре уголька, а теперь он не отдает себе в этом отчета, но все-таки делает. Такие пережитки, по-видимому, уже не имеют живых корней в народном мышлении, а удерживаются в нем только в силу косности народного ума и его приверженности к старине. Мы уже немало сообщили их на предшествующих страницах, в этой же главе поместим только остатки наших записей, которые, по той или другой причине, не вошли в предыдущие главы.

Говоря о вере белорусов в магическую силу слова, мы упустили из виду кое-что небезынтересное для характеристики этого верования.

Белорусы, вследствие убеждения, что слова могут повредить, когда сообщают о каком-либо несчастье, предварительно оговариваются: «ня тут кажучи» (не здесь говоря), и затем уж сообщают, что случилось. Рассказывая о чьей-нибудь болезни, когда приходится, для ясности, указать место, пораженное болезнью, на теле своем или того, кому рассказываешь, то надо предварительно прибавить: «не раўнуючи», т. е. не сравнивая, – иначе та же болезнь может приключиться. Факт этот не только слу-

жит иллюстрацией верования, что от слова станется, но также показывает, какое значение в первобытном мышлении имеет уподобление.

Если сообщают что-нибудь неприятное по адресу отсутствующего или клянут его, то те, которые не желают, чтобы это случилось с ним, обыкновенно замечают: «як ён ня чуиць, дык нехай яму не вадзиць (не вредит)».

При упоминании черта, надо прибавлять: «*ня у гэтым свяцёном месьци кажучи*», иначе в доме может поселиться нечистая сила.

«*У Бога дни роўныя, да часы ня роўныя*», – говорят белорусы и верят, что есть такие несчастные моменты, в которые, если начнешь что-нибудь делать – не будет удачи, а если скажешь что-нибудь дурное – непременно случится; поэтому благоразумные люди, начиная какое-нибудь дело или сообщая о чем-нибудь дурном, нежелательном, в первом случае говорят: «*дай, Боже, у добрый час начать*», а во втором: «*дай, Боже, у добрый час сказать, а у злыи помоучать*». Последней формулой, между прочим, начинаются свадебные «благословения» молодых.

Вопреки приведенному воззрению, что у Бога все дни равны, считается, что понедельник – несчастный день. В этот день нельзя выезжать на дорогу или начинать что-нибудь важное. Но эти два противоречивые воззрения мирно уживаются в мышлении белоруса, как и многое другое противоречивое.

Суеверия, основанным на уподоблении. Мы уже говорили, какое значение имеют уподобления в воззрениях белорусов на происхождение болезней и их лечение. Но, кроме того, есть не мало разных суеверий и примет, которые, по-видимому, основываются только на уподоблениях. Можно думать, что это составляет особенность грубой мысли – считать подобное в каком-нибудь отношении за тождественное.

Например, чтобы у детей скоро прорезывались зубы, надо им вешать на шею волчий зуб. Таково поверье. По-видимому, здесь вся сила в некотором уподоблении. Вешая ребенку на шею волчий зуб, полагают, что у него будут зубы также скоро расти, как у волчонка.

Вот еще поверье. Надо носить в кошельке двойной орех, «спорыш», чтобы деньги «спорились». Здесь, кажется, все дело в сходстве понятий спорыш и спориться.

Крестьяне не позволяют детям делать кресты из лучинок и подражать церковному пению, полагая, что этим накликается смерть. Заметив что-нибудь в этом роде, говорят: *Что ты вещуешь? Хочешь, каб бацька, абы матка померли!*

Есть поверье, что не следует качать пустую колыбель: от этого может ребенок умереть. Весьма вероятно, что здесь все дело в *пустоте*, что, качая пустую колыбель при живом ребенке, мы как бы накликаем несчастье, вследствие которого колыбель должна *опустеть*. Но возможно и другое объяснение. Белорусы говорят, например, что нельзя качать ногами, потому что тогда на ноги садится нечистая сила и таким образом мы ее качаем. Может быть когда-нибудь полагали, что качая порожнюю колыску, мы привлекаем в нее нечистую силу, которая может причинить вред ребенку, когда потом положим его в колыбель, и от этого он может заболеть и умереть.

Если невеста не желает, чтобы у нее рожались дети, то, по совету знахарок, отправляясь к венцу, кладет за пазуху замкнутый замок; этот же замок в первую брачную ночь надо положить под подушку. Если же выходит замуж пожилая женщина, которая, по известным физиологическим признакам, уже не надеется иметь детей, а желала бы иметь их, то кладет за пазуху открытый замок. Очевидно, в этом суеверии закрытый замок должен предрешать закрытие женской утробы, прекращение деторождения, а открытый – наоборот.

Приметы. Если идешь или едешь по делу и встретишь кого-нибудь с полными ведрами – будет удача, а с пустыми – не жди добра. Примета, очевидно, построена на уподоблении: полные ведра знаменуют *исполнение* желания. Например, встречают молодых с полными ведрами и высказывают пожелание, чтобы их жизнь была так полна счастья. И вообще, если несущий воду встречает кого-нибудь идущего по делу, то высказывает нечто в роде приветствия: «с поўным цябе!» и ему отвечают: «дзякуй», т. е. благодарю.

Встреча с попом предвещает несчастье. Чтобы предохранить себя от него, – надо плюнуть. Это суеверие является отголоском той далекой борьбы, которую вело закоснелое язычество с христианским вероучением, с христианской церковью и ее служителями. Так как в то время священники, по княжескому повелению, должны были крестить язычников, хотя бы насильно, и наблюдать за исполнением постановлений христианской церкви новокрещеными, а также требовать от них знания молитв и важнейших правил веры, и подвергать незнающих и неисполняющих наказанию, то, понятно, что наши предки, будучи христианами только по имени, уклонялись от встречи с священником, так как она часто влекла за собою наказание, иногда весьма суровое.

Если волк перебежит дорогу – это хорошая примета: будет удача в делах (отсюда присловье: «Ему воўк дорогу перебег», когда что-нибудь счастливо окончилось), а если перебежит заяц – лучше возвращайся назад: не будет успеха. Трудно сказать, на чем основано это суеверие. Вероятно, корни его кроются в каком-нибудь мифологическом воззрении общего характера, которое теперь заглохло, потому что, если допустить, что здесь имело место какое-нибудь случайное совпадение, грубый, непроверенный опыт, то тогда нельзя было бы объяснить

широкого распространения этого суеверия. Впрочем, таких непонятных суеверий много есть. Приведем некоторые из них в надежде, что сопоставление их с верованиями других народов, сравнительное изучение, раскроет их скрытый смысл и непонятное значение.

Приметы и суеверия на счет домашних животных. Когда продаешь лошадь или корову, вообще что-нибудь живое, и желаешь, чтобы «пошло рукой», то не надо передавать их новому хозяину голыми руками: не будут плодиться. В таком случае «бьют по рукам» и передают купленное «косматой рукой», т. е. завернувши руку в полу платья. В пояснение можно сказать, что косматое считается символом богатства.

Когда продаешь поросенка, ягненка, курицу и т. п. на расплод, и если посадишь продаваемое животное в мешок вперед головой, держа за задние ноги, то у продавца эти животные переведутся, а у покупателя расплодятся; если же будешь сажать в мешок задними ногами, то продавцу хорошо, а у покупателя не будет приплода. Поэтому, чтобы никому обиды не было, следует сажать в мешок спиною, держа за ноги.

Верят, что у известного хозяина могут водиться только известной масти животные. Поэтому, когда болеет какое-либо домашнее животное, его перепродают другому за копейку, за две (конечно – номинально), надеясь, что с переменой хозяина оно поправится.

Место, на котором стоят хлева, может быть счастливым или несчастливым; когда часто околевают скот, советуют переставить на другое место хлева.

Есть люди с «легкой рукой», от которых если что-нибудь приобретешь, будет «ручить», т. е. множиться, счастливо вестись.

Если жеребенок или теленок много бегаёт, резвится – признак, что его съест волк.

Когда воют собаки – это они предчувствуют или накликают смерть или другое несчастье. Чтобы они перестали выть, надо что-нибудь из посуды перевернуть кверху дном.

Когда в избе заведется много мышей – это значит, что они кого-нибудь выживают; значит – предстоит смерть или отъезд кого-нибудь из семьи.

Разные суеверия. Если беременная женщина придет просить чего-нибудь одолжить, не следует удовлетворять ее просьбы – иначе мыши будут есть хлеб и платье. Иногда это случается даже и тогда, когда откажешь в одолжении. Чтобы предотвратить эту неприятность, нужно вслед этой женщине бросать угли или кусочки печной глины. Но тогда ее ребенок, который родится, будет есть угли и глину.

Не следует сидеть на пороге, когда через него проходит женщина, потому что, если она будет в это время «не чистая», то у того, кто сидел, пойдут по всему телу болячки.

Нельзя бросать куда попало истоптанные лапти (отопки), а надо класть их на крышу. Почему? – нам не умели объяснить.

Нельзя разговаривать через порог или через окно: это к ссоре.

Нельзя спать перед закатом солнца: заболеешь лихорадкой.

Нельзя класть нож вверх острием: будет неприятность.

Нельзя ступать на соломинки, лежащие накрест: может заболеть нога.

Ох, еще много чего нельзя!.. но на этом мы закончим наш очерк.

Мы не касались в нем пережитков обычного права, а также суеверных обрядов, совершаемых белорусами на

родинах, крестинах, свадьбе и некоторых других семейных празднествах. Да и в той области, которую мы себе наметили при написании этой статьи, мы не исчерпали и десятой части суеверных воззрений белорусского крестьянина: мы выбирали из них самое типичное и наиболее распространенное или, по нашему мнению, ценное для науки. Но и из приведенного нами достаточно видно, какой густой сетью суеверий и предрассудков опутан ум белоруса, как затемнено его мышление порождениями первобытного мрака и как необходим свет науки, свет истинного познания, чтобы рассеять все эти призраки, все это царство тьмы...



ОБ АВТОРЕ КНИГИ «ПЕРЕЖИТКИ ДРЕВНЕГО МИРОСОЗЕРЦАНИЯ У БЕЛОРУСОВ»

Адам Егорович (Адам Юрьевич, Адольф Георгиевич) Богданович родился на территории современной Беларуси в г. Холопеничи Бобруйского уезда 20 или 25 марта 1862 г. и прожил долгую жизнь, скончавшись в Ярославле 16 апреля 1940 г. Он известен как белорусский этнограф, историк культуры, социолог, мемуарист, участник революционно-народнического движения.

Будучи родом из простой крестьянской семьи, он вынужден был рано, в возрасте 12 лет пойти работать в минские железнодорожные мастерские. Впоследствии сумел поступить в учительскую семинарию в Несвиже, которую и закончил в 1882 г. Ещё в гимназии Богданович организовал кружок «саморазвития и самообразования», а в августе 1882 г. вступил в «семинарскую» группу народовольцев Минска и на протяжении трёх лет вел в деревнях Игуменского уезда. После этого в 1885 г. он стал заведующим 1-го городского начального училища в Минске (занимая этот пост в течение шести лет, вплоть до 1911 г.).

Входил в руководящий состав минской организации «Народная воля», но после резкого ухудшения здоровья отошел от революционной деятельности. Сменив род занятий, Адам Егорович переехал в Гродно, где с 1992 г. стал работать в местном отделении Крестьянского поземельного банка и директором публичной библиотеки. Именно там в 1895 г. вышел небольшой, но чрезвычайно ёмки очерк «Пережитки древнего мирозерцания у белорусов». В 1896 г. переехал в Нижний Новгород, а в 1907 – в Ярославль, где и прожил до конца жизни.

В круг общения А. Е. Богдановича входило немало известных людей того времени, он приходился родственником и Максиму Горькому, с которым они были женаты на родных сестрах. Горький высоко ценил Богдановича: «Я очень верю в такт и художественный вкус Ваш». В 1932 г. именно родственные связи с Пешковыми позволили ему избежать следствия.

В 1920–31 гг. А. Е. Богданович трудился в качестве заведующего научной библиотекой Ярославского государственного музея, одновременно преподавая историю культуры в художественном, музыкальном и театральном техникуме.

Этнографией Богданович занялся ещё во время учебы семинарии. Часть собранных им материалов вошла в знаменитую книгу П. В. Шейна «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» (3 т., 1887–1902). Сам Адам Егорович нередко выступал с результатами своих разысканий в газетах «Минские губернские ведомости», «Минский листок», «Гродненские губернские ведомости» и др.

Основной его научный труд, двухтомник «Этнический состав народов славянских и русских», вышел в свет в 1935 г., однако предшествующие исследования Богдановича в области народоведения до сих пор остаются неизданными. Это работы «Этнический состав белорусского народа» и «Этнический состав Верхнего Поволжья, Оки и Камы» (все в рукописях). В них автор на основании большого объёма сведений из археологии, антропологии, палеонтологии, географии осмысливает процессы этногенеза населения Восточной Европы. Также лишь частично напечатана двухтомная работа, посвященная обоснованию правомерности и путей использования древней топонимики в качестве этнологического и культурно-исторического материала теоретически обосновано в работе «Язык земли. Возникновение водоречных имен и что от них происходит» Помимо

этих фундаментальных исследований, А. Е. Богданович – автор публикаций по вопросам аграрным и народного образования, литературоведения и театрального искусства, воспоминаний «К истории партии “Народная воля” в Минске и Белоруссии 1880–1892», «Революционное движение в г. Минске и губернии в 80 и начале 90-х годов», о сыне Максиме, М. Горьком, Ф. Шаляпине (часть из которых также по сей день остается неизданной), художественных переводов.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Введение.....	10
II. Пережитки анимизма.....	35
III. Пережитки олицетворений	48
IV. Пережитки солнечного культа	67
V. Олицетворение зла.....	106
VI. Сообщники нечистой силы.....	113
VII. Способы лечения, основанные на суеверных представлениях, и колдовство	132
VIII. Разные мелкие суеверия	147
Об авторе книги «Пережитки древнего мирозерцания у белорусов»	155

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей и ученых, отражающих главные вехи в развитии русского национально-мировоззрения и противостояния силам мирового зла, расофобии и расизма (вышло более 160 томов).

Редактор С. Э. Ермаков
Корректор Е. Е. Панкратова
Компьютерная верстка А. Александров
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 21.05.2015 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура Тетраго. Объем 8,4 усл. печ. л.
Печать офсетная. Заказ № 7506
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация (<i>вышел</i>)	Русская икона и религиозная живопись в двух томах (<i>вышли</i>)
Русское Православие в трех томах (<i>вышли</i>)	Русская архитектура и скульптура
Русское государство (<i>вышел</i>)	Русская живопись
Русский патриотизм (<i>вышел</i>)	Русский театр
Русское мировоззрение (<i>вышел</i>)	Русская музыка
Русский образ жизни (<i>вышел</i>)	Русская наука
Русская география	Русская школа
Русское хозяйство (<i>вышел</i>)	Русское воинство
Международные отношения	Памятники Отечества
Национальные отношения	Русские за рубежом
Русская литература (<i>вышел</i>)	Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершённым сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ISBN 978-5-426-10115-9



9 785426 101159